

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

МИРЗОЕВА Александра Раводжевна

**КРИЗИС В АФГАНИСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(1991-2024 гг.)**

Специальность 5.6.7. История международных отношений и внешней
политики

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой
степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Курылев Константин Петрович

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. АФГАНСКИЙ КОНФЛИКТ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ .	32
1.1. Генезис и эскалация конфликта в Афганистане.....	32
1.2. Конфликт в Афганистане в оценках аналитических центров постсоветских стран.....	49
1.3. Афганский вектор во внешней политике постсоветских государств: детерминанты и современные тенденции.....	74
ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ АФГАНСКОГО ФАКТОРА НА ЛАНДШАФТ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЫЯВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ.....	100
2.1. Террористическая угроза афганского происхождения: трансграничный характер и воздействие на безопасность постсоветских государств.....	101
2.2. Влияние исламистского радикализма из Афганистана на внутрисполитическую ситуацию в странах Центральной Азии.....	120
2.3. Транснациональный наркотрафик из Афганистана: инфраструктура, маршруты и его влияние на постсоветские государства.....	138
ГЛАВА 3. МНОГОСТОРОННИЕ И ДВУСТОРОННИЕ УСИЛИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ПО СТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ В АФГАНИСТАНЕ.....	158
3.1. Инструменты политико-дипломатического разрешения конфликта: многосторонние и двусторонние форматы.....	159
3.2. Экономическая дипломатия как средство стабилизации: проекты инфраструктурной интеграции и торговые преференции.....	184
3.3. Гуманитарное измерение деятельности постсоветских стран по разрешению конфликта.....	203
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	223
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	227
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	243

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена характером афганского конфликта как одного из наиболее длительных и взрывных факторов нестабильности в Евразии, прямо затрагивающего безопасность государств постсоветского пространства. Распад СССР и формирование на его южных рубежах новых независимых государств (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Казахстан) радикально изменили конфигурацию региональной безопасности: уязвимость границ, институциональная незрелость и социально-экономические диспропорции усилили восприимчивость этих стран к внешним дестабилизирующим воздействиям. На этом фоне Афганистан с 1991 г. последовательно выступает источником трансграничных угроз – терроризма, распространения радикальных идеологий, нелегальной миграции и наркотрафика, – требующих системной оценки их влияния на постсоветское пространство.

Особую интенсивность указанные риски приобрели в XXI в. Военная операция США и НАТО (2001–2021 гг.) лишь временно трансформировала баланс сил, тогда как вывод иностранных войск и приход к власти движения «Талибан»* в 2021 г. восстановили высокий уровень неопределённости, обусловив новые витки трансграничной нестабильности. Для государств Центральной Азии и России, рассматривающей южное направление как стратегически уязвимое, афганский фактор сопряжён с реальными угрозами эскалации экстремизма, криминализации приграничных зон и дестабилизации сопредельных государств.

Современная динамика свидетельствует о выходе афганской проблемы за рамки локального конфликта. Она влияет на архитектуру региональной безопасности, на формирование и корректировку механизмов многостороннего взаимодействия в рамках ОДКБ, ШОС и СНГ, а также на внешнеполитические траектории постсоветских государств во

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

взаимодействии с ключевыми внешними акторами – США, Китаем, Ираном, Турцией и странами ЕС. В условиях нарастающей геополитической турбулентности – углубляющегося соперничества великих держав, санкционной политики и конфигурационных сдвигов в Евразии – значение афганского фактора дополнительно возрастает, побуждая государства региона переосмысливать стратегические приоритеты и инструменты кооперации.

Таким образом, комплексное исследование афганского конфликта в контексте безопасности постсоветского пространства в 1991–2024 гг. представляется научно и практико-ориентированно значимым. Оно позволяет выявить закономерности трансформации угроз, определить условно-устойчивые и уязвимые элементы регионального порядка, а также предложить концептуально и эмпирически обоснованные модели межгосударственного взаимодействия, соотносимые с задачами минимизации рисков и укрепления устойчивости государств региона.

Степень научной разработанности темы. Различные аспекты афганского конфликта и его влияние на безопасность постсоветского пространства получили широкое освещение в академической литературе. Значительный вклад в теоретическое осмысление данной проблематики внесли как зарубежные, так и отечественные исследователи, анализирующие историческую динамику движения «Талибан»*, характер международного вмешательства и трансформацию внутренних процессов в Афганистане. При этом внимание сосредотачивается на оценке влияния внутренних кризисных явлений в Кабуле на стабильность стран Центральной Азии, рассматривая терроризм, экстремизм и нелегальный оборот наркотиков как ключевые факторы, способствующие дестабилизации региона.

Авторов научной литературы, посвятивших свои труды истории развития афганского конфликта, а также его влиянию на региональную безопасность на постсоветском пространстве, целесообразно выделить в несколько основных групп.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

Первая группа состоит из авторов, большое внимание уделяющих истории афганского конфликта, его основным этапам. В своих трудах М.Р. Арунова¹ исследует ретроспективу и перспективы развития военно-политической ситуации в Афганистане. В.Г. Коргун² провел подробнейший исторический анализ предшествующих Афганскому кризису событий. Вместе с тем, он отмечает (в 2004 г.), что «афганцы получили прочную основу для строительства нового, демократического общества»³. Как показали последующие события, подобный осторожный оптимизм не всегда получает свое подтверждение в исторической динамике.

Принципиально важный вклад в понимание внутренней логики развития конфликта в данный период вносит В.С. Христофоров⁴, который на основе архивных документов детально исследует глубинные причины нестабильности афганского правительства и системные проблемы в армии, что в конечном итоге предопределило необходимость и сложность советского вовлечения в конфликт и его дальнейшего развития, распространившегося на страны постсоветского пространства.

В.Н. Пластун⁵ анализирует причины ввода советских войск в Афганистан, влияния СССР на политическое руководство Афганистана, а также феномен талибов. А.А. Князев⁶ уделяет внимание анализу начала афганского конфликта, а также влиянию афганского кризиса на безопасность России и СССР, прослеживает развитие военно-политических событий в Афганистане с 1989 по 2000 год, отмечая при этом интернациональный характер данного конфликта. Е.Г. Никитенко⁷ подробно рассматривает события Советско-афганской войны.

¹ Арунова М.Р., Лалетин Ю.П. Очерки средневековой и новой истории Афганистана / Отв. ред. В.Г. Коргун. М.: РУДН, 2010. 264 с.

² Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. Крафт+ 2004. 529 с.

³ Там же, с. 477.

⁴ Христофоров В.С. Афганистан: Правящая партия и армия (1978-1989). – М.: Изд-во Граница, 2009. – 307 с.

⁵ Пластун В., Андрианов В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. М.: -Л, 1998. 240 с.

⁶ Князев А.А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии/ Изд-во КРСУ. Изд-е 2-е, переработ. и доп. Бишкек, 2002. 136 с.; Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.). – Душанбе: Дониш, 2004. – 175 с.

⁷ Никитенко Е. Г. Афганистан: от войны 80-х до прогноза новых войн. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 368 с.

О. Нессар и Р.Д. Дауров⁸ рассматривают политический процесс, проходивший в Афганистане в период со времени падения режима движения «Талибан»* (2001 г.), а также проблемы развития отраслей афганской экономики в этот временной промежуток.

И.Ю. Лапина и С.Ю. Каргапольцев⁹ рассматривают экономическую и военную помощь СССР Демократической Республике Афганистан в парадигме эскалации Холодной войны и усиления напряженности между двумя сверхдержавами.

Н.Д. Саженов¹⁰ исследует роль внутривнутриполитических факторов в процессах формирования и реализации внешней политики современного Афганистана с 2001 г., включая этнополитическую динамику, исламский фактор и проблему внутренней нестабильности в их преломлении во внешнеполитической деятельности Афганистана.

Существенный вклад в осмысление исторических корней и социальной структуры афганского общества, определивших его уязвимость к внутренним конфликтам, внесли зарубежные исследователи. Так, Б. Рубин¹¹ разрабатывал концепцию фрагментации афганской государственности и распада общества по этническому и религиозному признакам, а Т. Барфилд¹² предложил глубокий историко-антропологический анализ, связывающий современную политическую динамику страны с ее культурными традициями.

Вторая группа состоит из исследователей, делающих акцент на изучении самого движения «Талибан»*, его истоков, философии, религиозных доктрин. Среди них можно выделить П. Марседена¹³, который изучил

⁸ Нессар О., Дауров Р.Д., Окимбеков У.В. Афганистан: политика и экономика (2001–2019). М.: Институт востоковедения РАН, 2020. 412 с.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

⁹ Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. «Афганский излом» и его последствия (ввод советских войск в Афганистан и события 1979-1985 гг.) // Клио. 2025. №2 (218). С. 109-130.

¹⁰ Саженов Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 – начало 2020 г.) / Отв. ред. Р.Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 220 с.

¹¹ Rubin B. R. The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System. – 2nd ed. – New Haven: Yale University Press, 1995. – 426 p.

¹² Barfield T. Afghanistan: A Cultural and Political History. - Princeton: Princeton University Press, 2010. 568 p.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹³ Марседен П. Талибан: война и религия в Афганистане / Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: ИД «Городец», 2022. 320 с.

специфику данного движения, взаимосвязь его могущества с этническими и социальными особенностями Афганистана.

Е.А. Степанова¹⁴ рассматривает причины афганской проблемы и перспективы ее политического урегулирования. А. Рашид¹⁵ отмечает непримиримый исламистский фундаментализм членов движения, подробно описывает процесс привлечения новых рекрутов и их обучения и вооружения. Одним из его выводов является невозможность для талибов создать прочно функционирующее государство с эффективно работающими институтами, так как «Талибан*» пребывает в состоянии между племенным обществом, которое он пытается игнорировать, и государственной структурой, которую он отказывается создать»¹⁶.

И.Д. Звягельская анализирует идеологическую эволюцию и внутривнутриполитическую трансформацию движения «Талибан», уделяя особое внимание его адаптации после прихода к власти в 2021 году и противоречию между декларируемыми религиозными доктринами и прагматическими потребностями государственного управления¹⁷.

В.Я. Белокреницкий и Р.Р. Сикоев¹⁸ провели анализ особенностей религиозно-правовой политики талибов, экономической и судебной системы, обращая особое внимание на тоталитарность установленного ими режима и чрезвычайно жестокую и репрессивную политику в отношении населения, в особенности, женщин.

Политическую составляющую движения талибов, неизменно связанную с исламистский фундаментализмом, затрагивает в своих работах также К.А. Журин¹⁹.

¹⁴ Степанова Е.А. Афганистан: перспективы политического урегулирования // Россия и мусульманский мир. № 6 (252). 2013. С. 72-88.

¹⁵ Рашид А. Талибан: Ислам, нефть и новая Большая игра в Центр. Азии / Пер. с англ. М.В. Поваляев. Москва: Библион-Рус. кн., 2003. 361 с.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹⁶ Там же, с. 231.

¹⁷ Звягельская И.Д. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока // Политические исследования (Полис). 2022. № 6. С. 55-66.

¹⁸ Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 216 с.

¹⁹ Журин К.А. Талибан, радикальный ислам и Афганистан // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. №3.

Фундаментальный вклад в изучение движения на начальном этапе его становления внес пакистанский аналитик А. Рашид, чьи работы раскрывают внутреннюю структуру движения «Талибан»*, и идеологию радикального исламского фундаментализма, непрерывно связанного с традициями пуштунов²⁰.

К.А. Кудратов и О.Н. Одинаев²¹ утверждают, что во многом приход к власти талибов был предопределён в результате того, что именно интересы пуштунов, доминирующих в населении страны, были в наибольшей степени задеты в результате гражданской войны в Афганистане.

Третья группа авторов сосредоточена на внешнеполитическом факторе влияния движения «Талибан»* и позициях других стран по афганскому вопросу.

О.В. Карпачева²² отмечает, что не столько угроза терроризма, происходящая от Афганистана, сколько стратегическое влияние данного «перекрестка» Центральной Азии в вопросах транспортировки нефти и газа оказали решающее влияние на решение США вторгнуться в страну.

Значительный вклад в комплексное историко-политическое осмысление всего периода афганского кризиса вносит М.А. Конаровский²³, который дает детальный анализ роли ключевых внешних акторов и представляет взвешенную оценку современного этапа развития ситуации после 2021 г.

В свою очередь, Л.А. Шашок проводит точечный анализ влияния смены власти в Афганистане в 2021 г. на безопасность конкретной страны

С. 83-87.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

²⁰ Rashid A. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. – New Haven: Yale University Press, 2000. 273 p.

²¹ Кудратов К.А., Одинаев А.Н. Причины и предпосылки прихода к власти движения «Талибан» в 90-х годах XX века // Вестник Педагогического университета. 2022. №1 (96). С. 278-284.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

²² Карпачева О.В. История движения «Талибан» в системе международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2003. №1.

²³ Конаровский М. А. Дорога в семь тысяч дней. Афганская эпопея: взгляд очевидца и аналитика // Вестник МГИМО-Университета. 2025. № 2. С. 7–32.

постсоветского пространства – Таджикистана, выделяя ключевые оперативные вызовы на границе и оценивая потенциал противодействия им²⁴.

М.П. Старовойтов и Д.Е. Медведев²⁵ подчеркивают опасность «талибанизации» стран Центральной Азии и необходимость коллективного противодействия для сдерживания радикальных настроений в регионе.

Г.Г. Мачитидзе²⁶ детально анализирует эволюцию подходов Вашингтона уже в постсоветский период, а именно «Новую стратегию» администрации Д. Трампа, отмечая её прагматичный, но внутренне противоречивый характер, нацеленный не на построение государства, а на точное противодействие террористическим угрозам.

С. Пойя²⁷ исследует внешнюю политику правительства движения «Талибан»*, а также позиции Пакистана, США, России и стран региона по Афганистану. М.А. Шпаковская²⁸ отмечает, что, учитывая территориальную близость Афганистана к среднеазиатским республикам, исторически входящих в зону геополитических интересов России, а также комплекс социально-экономических и внутривластных проблем государства и его негласный статус ключевого центра мирового наркопроизводства, Россия заинтересована в существовании стабильного политического режима в Афганистане.

Д.В. Тренин и А.В. Малащенко²⁹ уделяют внимание изменениям подходов администрации США в своей внешнеполитической стратегии в отношении Афганистана, отмечая фактор иностранного вмешательства как

²⁴ Шашок Л.А. Смена власти в Афганистане как фактор обострения обстановки в сфере региональной безопасности (на примере Таджикистана) // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 2. С. 127–136.

²⁵ Старовойтов М.П., Медведев Д.Е. Талибы как угроза национальной безопасности членам СНГ в Центральной Азии 2021–2023 гг. // Власть истории – История власти. 2024. №54. С. 125-131.

²⁶ Мачитидзе Г.Г. Стратегия в Афганистане: артефакт президента Д. Трампа // Россия и Америка в XXI веке. – 2020. – № 4. – С. 119–138

²⁷ Пойя С. Анализ внешней политики правительства «Талибана». Позиция Пакистана, США, России и стран региона по Афганистану // Вестник ИВ РАН. №3 (29), 2024. С. 333-341.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

²⁸ Шпаковская М.А. К вопросу о некоторых международных аспектах урегулирования ситуации в Афганистане и интересах России // История, которая нас объединяет / отв. ред. В.М. Козьменко. М.: РУДН, 2016. С. 265–267.

²⁹ Тренин Д.В., Малащенко А.В. Ситуация в Афганистане и Пакистане // Россия и мусульманский мир. № 11. 2010. С. 161-164.

одну из причин радикализации государства. И.А. Сафранчук³⁰ также обращается к данной теме. В свою очередь О.Е. Евсеенко (Митрофаненкова)³¹ рассматривает политику администрации США в отношении производства наркотиков в Афганистане.

А.З. Мусави и К.П. Курылев анализируют историю формирования незаконного оборота наркотиков в Афганистане, выделяют ключевые этапы его развития и акцентируют внимание на трансграничных последствиях наркотрафика для региона, а также роли Российской Федерации в противодействии данной угрозе³². К.П. Курылев³³ также исследует отношения Афганистана с отдельными странами постсоветского пространства, в частности Украиной.

Ш. Аманбекова³⁴ делает акцент на общей культурно-исторической общности, проживающей в Афганистане и в сопредельных государствах в качестве одного из основных факторов, способствующих подрыву региональной безопасности, при сохранении условий афганской нестабильности.

Значительный вклад в изучение регионального измерения афганского кризиса внесла ведущий специалист по Афганистану из ИМЭМО РАН доктор политических наук Д.Б. Малышева³⁵, чьи работы последовательно развивают тезис о системном и многоплановом влиянии ситуации в Афганистане на безопасность и экономическое развитие Центральной Азии. В своих исследованиях ученый акцентирует внимание не столько на

³⁰ Сафранчук И.А. Капсула времени: перечитывая американские стратегии по Афганистану после их провала // Пути к миру и безопасности. № 2 (63). 2022. С. 263-275.

³¹ Митрофаненкова О.Е. Наркополитика США в Афганистане (в 1990 – 2010-е гг.). // Восточная аналитика. №3, 2019. С. 99-109.

³² Мусави Ахмад Зия, Курылев, К.П. Политика и опиум: пути контрабанды наркотиков из Афганистана в Центральную Азию / Ахмад Зия Мусави, К. П. Курылев. Москва, 2019. 119 с.

³³ Курылев, К.П. Украинско-афганские отношения: история и современность. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. № 2. 2013. С. 41-48.

³⁴ Аманбекова Ш. Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. №3. С. 318-329.

³⁵ Малышева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. М., 2017. Т. 61. № 8. С. 14–23; Малышева Д. Б. Международный транспортный коридор «Север-Юг» в стратегии России //Россия и новые государства Евразии. 2021. №. 2. С. 59-72; Малышева Д. Б. Россия и транзитные коридоры Евразии //Россия и новые государства Евразии. 2023. №. 2. С. 91-102; Малышева Д.Б. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор //Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. №2. С. 105-125.

непосредственных военно-политических угрозах (таких как терроризм и наркотрафик), сколько на их глубокой взаимосвязи с фундаментальными вопросами устойчивого развития и экономической конкуренции в макрорегионе. Так, Д.В. Малышева рассматривает афганский фактор как ключевой вызов для транспортно-логистических стратегий, анализируя, как нестабильность затрудняет реализацию транзитного потенциала, в частности коридора «Север-Юг», и обостряет геоэкономическое соперничество за контроль над евразийскими коммуникациями.

Вклад З.А. Дадабаевой³⁶ в исследование темы заключается в глубокой проработке внутрирегиональной динамики и национальных перспектив Центральной Азии, что является важнейшим контекстом для понимания уязвимостей и ответных мер региона на афганский кризис. В отличие от подходов, рассматривающих регион как монолит, З.А. Дадабаева акцентирует внимание на его внутренней фрагментации, проблемах и противоречиях процессов регионализации, что позволяет более точно оценить дифференцированную способность стран Центральной Азии противостоять вызовам с юга. Кроме того, её работы по проблемам евразийской экономической интеграции и безопасности вносят важный нюанс, показывая, как внутренние противоречия и ограниченная скоординированность самих центральноазиатских государств, а также их взаимодействия с Россией, формируют структурные рамки для коллективного реагирования на кризисы, подобные афганскому.

³⁶ Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 2014. Т. 55. 13 с.; Дадабаева З. А. Независимое развитие Республики Таджикистан в период с 1991 по 2021 год // Геоэкономика энергетики. 2022. Т. 17. №. 1. С. 61-79; Дадабаева З. А., Ярыгина И. З. Евразийская экономическая интеграция и безопасность: анализ современных проблем и поиск путей их решения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 1. С. 171-179.

Исследования Н.А. Замараевой³⁷ вносят ключевой вклад в понимание афганского кризиса через призму стратегий и интересов внешнего актора – Китайской Народной Республики, что критически важно для комплексного анализа региональной безопасности. Её работы последовательно раскрывают прагматичный и осторожный подход Пекина к проблеме Афганистана, который принципиально отличается от подходов западных стран и России. Замараева подробно анализирует, как КНР, стремясь обезопасить свои масштабные инфраструктурные проекты (прежде всего Китайско-пакистанский экономический коридор), рассматривает стабильность в Афганистане не как самостоятельную гуманитарную или политическую цель, а как элемент обеспечения безопасности своих инвестиций и логистических маршрутов в рамках инициативы «Пояс и путь». В её исследованиях показано, как это стремление определяет специфику китайского участия в мирном урегулировании, акцент на дипломатию и экономические рычаги влияния, а также формирует сложный треугольник взаимодействия с ключевым региональным союзником – Пакистаном.

В современных отечественных исследованиях особое место занимают работы А.А. Казанцева³⁸, который исследует влияние афганского конфликта на систему региональной безопасности постсоветского пространства, рассматривая его как многоуровневый феномен, включающий военно-политические, идеологические и криминальные аспекты. Автор подчёркивает, что нестабильность на севере Афганистана, включающая активность радикальных группировок и трансграничную преступность, создаёт реальные риски для России и стран Центральной Азии и требует укрепления

³⁷ Замараева Н.А. Китай во внутренней и внешней политике Пакистана (2021-2022 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Т. 28. №. 28. С. 130-147; Замараева Н.А. КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане // Проблемы Дальнего Востока. 2019. №. 3. С. 43-55; Замараева Н.А. КНР на Ближнем и среднем Востоке и в Южной Азии (проект Китайско-пакистанского экономического коридора) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Т. 24. №. 24. С. 207-224.

³⁸ Казанцев А. А. Кризис в Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – 2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 20.02.2025).

многосторонних механизмов коллективной безопасности, прежде всего в рамках ОДКБ.

Л. Симао³⁹ анализирует специфику формирования региональной безопасности постсоветского пространства с позиций критической школы исследований безопасности. В центре внимания автора находится идея о многомерной природе уязвимости государств региона, которая обусловлена не только военно-политическими, но и социально-экономическими, институциональными и структурными дисбалансами, способствующими воспроизводству нестабильности и неравномерности развития.

Н.Н. Шмакова и Л.В. Гришакова⁴⁰ исследуют трансформацию политики стран Центральной Азии в отношении Афганистана после прихода к власти движения «Талибан»*. Авторы отмечают постепенный переход от стратегии изоляции к политике «вовлечения», основанной на развитии прагматичных экономических и гуманитарных связей. Подчеркивается, что включение Афганистана в региональные транспортные и энергетические проекты рассматривается как условие укрепления стабильности, тогда как контроль над трансграничными рисками – терроризмом, наркотрафиком и миграцией – остаётся ключевым элементом безопасности Центральной Азии.

К.Х. Рахимов исследует вклад стран ШОС в урегулирование афганского кризиса в исторической динамике⁴¹.

Все три подхода к изучению проблемы конфликта в Афганистане тесно взаимосвязаны и говорить о том, что можно рассмотреть указанные события лишь в рамках одного из них было бы достаточно наивно.

³⁹ Simão L. (In)security in Post-Soviet Eurasia: Contributions from Critical Security Studies . URL: <https://journals.openedition.org/eces/1582> (дата обращения: 12.10.2024).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

⁴⁰ Шмакова Н. Н., Гришакова Л. В. Афганистан и государства Центральной Азии: проблема эволюции взаимоотношений на современном этапе // Современная научная мысль. 2021. № 6. С. 136–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganistan-i-gosudarstva-tsentralnoy-azii-problema-evolyutsii-vzaimootnosheniy-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 27.12.2024).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

⁴¹ Рахимов, К.Х. Вклад государств-членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО // Постсоветские исследования, Т. 5, № 4, 2022, С. 367-385.

Отдельную группу составляют работы зарубежных исследователей – Ф. Старра⁴², М. Олкотт⁴³, Б. Рубина⁴⁴ в работе которых дается подробный анализ истории и современной общественно-политической жизни Афганистана, включая место и роль Афганистана в интеграционных процессах в Центральной Азии.

Особый вклад в разработку проблематики афганского конфликта вносят исследования ученых из стран Центральной Азии, чьи работы предлагают уникальный аналитический ракурс, обусловленный непосредственной географической и социокультурной близостью к рассматриваемым процессам.

Представители таджикской академической науки демонстрируют глубокую проработку вопросов приграничного взаимодействия. Значительный вклад в изучение исторического и современного аспектов региональной безопасности вносят работы Х. Абдурахимов⁴⁵, уделяя особое внимание трансформации политического диалога между странами. В свою очередь, А. Мамадазимов⁴⁶ концентрируется на изучении практических механизмов приграничного сотрудничества, анализируя возможности и ограничения взаимодействия в условиях нестабильности. С. Дусто⁴⁷ проводит специализированный анализ наркотрафика как ключевого фактора дестабилизации, исследуя экономические и социальные аспекты этой проблемы.

Казахстанские ученые также вносят значительный вклад в осмысление макрорегиональных последствий афганского кризиса, анализируя его влияние на архитектуру безопасности Центральной Азии. Исследования М.

⁴² Starr, Frederick S. A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors. Silk Road Paper. March 2005.

⁴³ Olcott, Martha B. Taking Stock of Central Asia // Journal of International Affairs. Vol. 56. № 2. 2003. pp. 3-17.

⁴⁴ Rubin, Barnett R. The Fragmentation of Afghanistan // Foreign Affairs. Vol. 68, № 5. Winter 1989/90, pp. 150-168.

⁴⁵ Абдурахимов Х. Таджикско-афганские отношения: история и современность. Душанбе: Ирфон, 2012. 298 с.

⁴⁶ Мамадазимов А. Национальная безопасность Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. 2004. С. 102-105.

⁴⁷ Дустов С. А. Проблемы наркотрафика из Афганистана и его влияние на безопасность Центральной Азии // Вестник ТНУ. 2021. № 6. С. 98-104.

Иманалиева⁴⁸ посвящены комплексному анализу трансформации системы региональной безопасности под воздействием дестабилизирующих факторов, исходящих из Афганистана, с акцентом на интеграционные процессы как механизм сдерживания угроз. Б. Султан⁴⁹ концентрируется на стратегическом измерении, исследуя динамику балансирования интересов ключевых внешних акторов в контексте афганского урегулирования и их влияние на формирование регионального порядка. М. Лаумулин⁵⁰ предлагает геополитический анализ позиционирования Центральной Азии, рассматривая афганский кризис как критический фактор, определяющий вовлеченность мировых лидеров и формирование новых моделей взаимодействия в условиях перманентной нестабильности.

Своя школа изучения проблем традиционной и нетрадиционной безопасности в Центральной Азии сформировалась на кафедре теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы. В частности, монография «Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений»⁵¹ предоставляет ключевую теоретическую модель для изучения темы кризиса в Афганистане в контексте региональной безопасности на постсоветском пространстве. Рассматривая регион не как совокупность отдельных стран, а как целостную, динамичную подсистему со своими центрами силы, правилами взаимодействия и уязвимостями, она задает точный концепт для анализа. Это позволяет изучать влияние афганского кризиса не на каждую страну по отдельности (Казахстан, Узбекистан и т.д.), а на архитектуру региональной безопасности в целом, выявляя, как кризис дестабилизирует или, наоборот, консолидирует эту формирующуюся подсистему.

⁴⁸ Иманалиев М. Центральная Азия: вызовы и угрозы стабильности // Central Asia. 2007. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1191560160> (дата обращения: 20.05.2024).

⁴⁹ Султанов Б. Стратегические интересы России и проблемы безопасности в Центральной Азии. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2007. 156 с.

⁵⁰ Лаумулин М. Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. 450 с.

⁵¹ Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений / под ред. К.П. Курылева. Москва: Аспект Пресс, 2024. 312 с.

Стоит также выделить монографию «Внешняя политика Украины в отношении государств Азии, Африки и Латинской Америки»⁵², которая позволяет учесть, что «постсоветское пространство» в контексте безопасности не ограничивается границами СНГ или Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а включает и другие государства, чьи интересы и действия могут существенно воздействовать на баланс сил и подходы к афганской проблеме.

Несмотря на достаточное количество отдельных аналитических работ, комплексное исследование, объединяющее историко-политический анализ эволюции афганского конфликта, оценку реакций постсоветских государств и анализ влияния современного этапа кризиса (после 2021 г.) на региональную безопасность, остается недостаточно разработанным. Существующие исследования не охватывают полностью взаимосвязь между внутренними процессами в Афганистане и трансграничными угрозами, которые они порождают для стран-соседей. Такой пробел требует создания интегрированной аналитической модели, способной систематизировать влияние афганского кризиса на постсоветское пространство с учетом как политико-экономических, так и социокультурных факторов.

Объектом исследования является конфликт в Афганистане как результат обострения внутренних и внешних противоречий.

Предметом исследования специфика угроз политической, экономической и военно-стратегической безопасности постсоветского пространства, порождаемых конфликтом в Афганистане.

Целью исследования является выявление характера влияния афганского конфликта на региональную безопасность на постсоветском пространстве.

Достижение данной цели предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

⁵² Внешняя политика Украины в отношении государств Азии, Африки и Латинской Америки под ред. Курылева К.П. М.: URSS. 2025. 344 с.

- рассмотреть основные этапы эволюции афганского конфликта
- изучить конфликт в Афганистане в контексте аналитических центров стран постсоветского пространства;
- исследовать отношения в двустороннем и многостороннем форматах стран постсоветского пространства с Афганистаном;
- изучить ключевые угрозы, исходящие из Афганистана, такие, как терроризм, исламистский радикализм, нелегальный оборот наркотических средств;
- выявить усилия постсоветских стран по стабилизации ситуации в Афганистане через основные направления внешней политики и дипломатии в этой области;
- дать характеристику подходам стран постсоветского пространства относительно современного афганского конфликта в контексте обеспечения региональной безопасности через политические установки к новому афганскому правительству;
- проанализировать экономическую политику и гуманитарную деятельность постсоветских стран на афганском направлении.

Хронологические рамки исследования определяются целями и задачами диссертационной работы и охватывают период, начиная с 1991 г., когда произошёл распад Советского Союза, а гражданская война в Афганистане между правительственными силами и моджахедами вступила в наиболее острую фазу. Верхняя хронологическая граница завершается 2024 годом, поскольку на данный момент ситуация в Афганистане не позволяет утверждать о наступлении долгосрочного и прочного мира (с учётом как активности Фронта национального сопротивления Афганистана, так и сохраняющейся угрозы со стороны движения «Талибан»^{*} для внутренней стабильности таких стран, как Таджикистан, Узбекистан и др.). Вместе с тем в диссертации учитываются события 2025 г., включая процесс официального

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

признания режима движения «Талибан»*, что подчёркивает динамичность афганского кризиса и необходимость выхода за рамки установленного хронологического периода для более точного анализа тенденций и оценки их влияния на безопасность постсоветского пространства. Исследуемый период в целом характеризуется значительной политической нестабильностью, частой сменой режимов в Афганистане и формированием радикального движения «Талибан»*, которое в настоящее время выполняет функции государственной власти в рамках провозглашённого Исламского Эмирата Афганистан. В ряде случаев исследование обращается и к предшествующим историческим этапам, что обусловлено необходимостью комплексного осмысления процессов, оказавших влияние на современную конфигурацию региональной безопасности, и выявления их взаимосвязи с текущими политическими и социальными тенденциями

Источниковая база исследования. В своей научной работе автор использует разнообразные документальные источники на русском, английском, дари и фарси языках. Эти источники позволяют провести комплексный и всесторонний анализ, обеспечивая научное обоснование выводов и положений диссертации. Источниковую базу можно условно разделить на несколько групп:

Первая группа включает *нормативно-законодательные источники*, такие как международные договоры, соглашения и законодательные акты. Среди них выделяются Договор о коллективной безопасности⁵³, подписанный главами шести государств: Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан, а также заявления секретарей советов безопасности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности. В эту группу входит Стратегия национальной безопасности

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

⁵³ Договор о коллективной безопасности // Организация Договора о коллективной безопасности. 1992. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 10.10.2024).

РФ⁵⁴, концепция внешней политики Российской Федерации⁵⁵, доктрина информационной безопасности Российской Федерации⁵⁶, всеобщая декларация прав человека⁵⁷, принятая ООН. Автором также были рассмотрены и включены в данную группу ежегодные резолюции Совета Безопасности ООН по Афганистану⁵⁸, международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, регламентирующая меры по предотвращению финансирования террористических группировок, в том числе связанных с Афганистаном⁵⁹. Эту группу также составили конституции стран региона⁶⁰.

Вторая группа включает *делопроизводственные источники*, среди которых официальные документы, размещённые на сайтах внешнеполитических и внутриполитических ведомств западных⁶¹ стран, государств постсоветского пространства⁶². Это отчёты⁶³ и коммюнике⁶⁴,

⁵⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт президента России. 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 10.10.2024).

⁵⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 31.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586 (дата обращения: 10.10.2024).

⁵⁶ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Совет Безопасности РФ. 05.12.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 18.02.2024).

⁵⁷ Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединённых Наций. 1948. URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 11.02.2024).

⁵⁸ Резолюция Совета Безопасности ООН 2615 (2021) // Организация Объединённых Наций. 22.12.2021. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions> (дата обращения: 26.09.2024).

⁵⁹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма // Организация Объединённых Наций. 09.12.1999. URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/english-18-11.pdf> (дата обращения: 05.01.2025).

⁶⁰ Конституция Российской Федерации // Конституция Российской Федерации 12.12.1993 (ред. 2020). URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 10.10.2024);

Конституция Республики Беларусь // Официальный сайт президента Республики Беларусь 15.03.1994 (ред. 2022). URL:

https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution?TSPD_101_R0=08eaf62760ab20008742962c53510f73a5b9677bc877d43f6478e3acf4df7a262c348e352768c36c081aa70462143000698f38500053a706ecbb27ec83888a1af3874bc70e607a31d2c50270564152ed0512137a61d3aa1678363a0cd7db83eb (дата обращения: 09.12.2024);

Конституция Республики Таджикистан. Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/54> (дата обращения: 09.12.2024);

Конституция Республики Казахстан // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 30.08.1995 (ред. 2022). – URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 11.01.2025);

Конституция Кыргызской Республики // Официальный сайт Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 05.05.1993 (ред. 2021). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/206858> (дата обращения: 01.02.2025);

Конституция Республики Армения // Официальный сайт Президента Республики Армения. 05.07.1995 (ред. 2015). URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 01.02.2024).

⁶¹ Соглашение о достижении мира в Афганистане между Исламским Эмиратом Афганистан, который не признан Соединёнными Штатами в качестве государства и известен как движение «Талибан», и Соединёнными Штатами Америки URL: <https://2017-2021-translations.state.gov/2020/02/29/соглашение-о-достижении-мира-в-афгани/> (дата обращения: 10.10.2024).

⁶² О "Группе соседей и друзей Афганистана" ("Группа 6+2") // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2001. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/af/1718571/> (дата обращения: 29.01.2025).

⁶³ ОДКБ провели масштабную антинаркотическую операцию "Канал-Неман" // Организация Договора о коллективной безопасности. 2022. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-odkb-proveli-masshtabnuyu-antinarkoticheskuyu-operatsiyu-kanal-neman/ (дата обращения: 12.12.2024).

отражающие текущие подходы государств к вопросам международной и региональной безопасности, а также их внешнеполитические позиции в отношении афганского кризиса. Кроме того, использованы материалы средств массовой информации⁶⁵ и аналитические статьи⁶⁶, освещающие проблемы международных отношений, безопасности и регионального сотрудничества, что позволило учесть актуальные оценки и подходы к афганской проблеме со стороны различных акторов. Важную часть этой группы составляют ведомственные аналитические записки, подготовленные дипломатическими академиями, исследовательскими центрами при государственных органах и экспертными площадками, включая МГИМО МИД РФ⁶⁷, Российский совет по международным делам⁶⁸ и Центр международных стратегических исследований Дипломатической академии⁶⁹. Эти документы дают детальную картину ситуации: анализируют внутренние процессы в Афганистане, активность вооружённых группировок, влияние внешних игроков на баланс сил, эффективность многосторонних форматов безопасности, а также перспективы сотрудничества с соседними государствами. Значительная часть записок включает сценарное моделирование развития обстановки и рекомендации по реагированию на трансграничные угрозы, что позволяет проследить, как экспертные оценки

⁶⁴ Совещание руководителей компетентных органов государств-членов ШОС по противодействию незаконному обороту наркотиков // Шанхайская организация сотрудничества. 2024. URL: <https://eng.sectesco.org/20240605/1377442.html> (дата обращения: 01.12.2024).

⁶⁵ Талибы назвали производство и оборот наркотиков в Афганистане уничтоженными. URL: https://www.echrts.org/ru/security_situation/situation/14952/ (Дата обращения 03.02.2025).

⁶⁶ Афганистан и региональная безопасность: перспективы развития ситуации [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afghanistan-i-regionalnaya-bezopasnost-perspektivy-razvitiya-situatsii/?sphrase_id=177085419

⁶⁷ Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределённость [Электронный ресурс] / МГИМО МИД России. – М., 2022. URL: https://mgimo.ru/upload/2022/03/MGIMO_Afghanistan_RUS.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

⁶⁸ Афганистан и региональная безопасность: перспективы развития ситуации [Электронный ресурс] / Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afghanistan-i-regionalnaya-bezopasnost-perspektivy-razvitiya-situatsii/> (дата обращения: 21.06.2025).

⁶⁹ Дипломатическая академия МИД Российской Федерации. Центр международных стратегических исследований. Президентские выборы в США и политика Вашингтона в отношении Центральной Азии и Закавказья: аналитическая записка. Август 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/8994/2_%D0%A1%D0%A8%D0%90.pdf (дата обращения: 13.09.2025).

интегрируются в официальную внешнеполитическую стратегию⁷⁰.

Третью группу составляют *публицистические материалы*, включающие выступления глав государств исследуемого региона, министров иностранных дел, министров обороны, а также генеральных секретарей ОДКБ⁷¹ и ШОС⁷². В рамках этой группы следует отметить интервью генерального секретаря ОДКБ И. Тасмагамбетова журналу «Национальная оборона», в котором была обозначена стратегическая значимость данной Организации⁷³. Важным элементом данной группы являются материалы средств массовой информации и периодической печати, которые касаются вопросов международных отношений⁷⁴, внешней политики⁷⁵, безопасности⁷⁶ и регионального сотрудничества⁷⁷. Использование этих источников позволяет учитывать актуальные позиции и подходы руководителей государств и организаций к проблематике афганского кризиса.

Четвёртая группа включает *статистические материалы*. Это данные, публикуемые статистическими комитетами⁷⁸ и международными

⁷⁰ Ситуационный анализ «Динамика ситуации в Афганистане: альтернативные сценарии» [Электронный ресурс] // Институт международных исследований МГИМО МИД России. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/181683/> (дата обращения: 13.09.2025).

⁷¹ Об итогах внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, посвященной ситуации в Афганистане и ее влиянию на безопасность государств – членов ОДКБ [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/ob-itogakh-vneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-posvyashchennoy-situatsii-v-af/ (дата обращения: 01.10.2024).

⁷² SCO Secretariat holds roundtable discussion on Afghanistan [Электронный ресурс] // Shanghai Cooperation Organisation (SCO). 2020. URL: <https://eng.sectsco.org/20200109/621306.html> (дата обращения: 01.01.2025).

⁷³ ОДКБ: потенциал Организации будет укрепляться, а ее привлекательность в Евразии – возрастать [Электронный ресурс] // Национальная оборона 2024 URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/odkb-potencial-organizacii-budet-ukreplyatsya-a-ee-privlekatelnost-v-evrazii-voznrastat-45633.shtml?ysclid=m8yzn9r3ma217024264> (дата обращения: 10.10.2024).

⁷⁴ Россия списала Афганистану долг в \$11 млрд [Электронный ресурс] // РБК. – 2007. – 6 августа. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/08/2007/5703c8789a79470eaf766646> (дата обращения: 02.11.2024).

⁷⁵ Казахстан: Две трети экспортной муки отправлялись в Афганистан – окажутся ли казахстанские мукомолы в сложной ситуации? [Электронный ресурс] // Zerno.ru. – URL: <https://zerno.ru/node/16082> (дата обращения: 01.03.2025).

⁷⁶ Тлеющий таджикский регион задымил протестами [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5356110> (дата обращения: 19.01.2025).

⁷⁷ Казахстан потратил 50 млн долларов на обучение в вузах женщин из Афганистана [Электронный ресурс] // Informburo.kz. – URL: <https://informburo.kz/novosti/kazahstan-potratit-50-mln-dollarov-na-obuchenie-v-vuzah-zhenshchin-iz-afganistana.html> (дата обращения: 21.10.2024).

⁷⁸ Number of recorded drug trafficking offenses in Russia [Электронный ресурс] // Statista. – 2024. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1033371/russia-number-of-recorded-drug-trafficking-offenses/> (дата обращения: 01.03.2025).

организациями, такими как Всемирный банк⁷⁹, Евразийский банк развития⁸⁰, а также отчёты и доклады ООН. Особое место занимают доклады ООН, включая отчёты Управления по наркотикам и преступности⁸¹, а также специализированные доклады по ситуации в Афганистане и её влиянию на безопасность региона⁸². Эти материалы обеспечивают количественное и аналитическое обоснование выводов, позволяя учитывать экономические, социальные и гуманитарные аспекты, а также миграционные процессы и масштабы наркотрафика. Учитываются также данные о торгово-экономических связях и их влиянии на безопасность в регионе. Данные источники обеспечивают количественную и аналитическую основу исследования, позволяя учесть экономические, социальные и гуманитарные аспекты проблемы, масштабы миграционных потоков и наркотрафика. Дополнительно привлечена информация о торгово-экономических связях постсоветских государств с Афганистаном и об их влиянии на безопасность региона.

Пятую группу составили *архивные материалы*, которые позволяют проследить формирование внешнеполитических стратегий и механизмов обеспечения безопасности в постсоветском пространстве, а также оценить восприятие афганского кризиса в различные периоды. В работе использованы фонды Архива внешней политики Российской Федерации⁸³ с дипломатической перепиской, аналитическими справками и докладными записками, отражающими трансформацию политики России в отношении

⁷⁹ Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project (CASA-1000) [Электронный ресурс] // The World Bank. – URL: <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/P145054> (дата обращения: 01.02.2025).

⁸⁰ С Востока на Запад и с Севера на Юг: будущее Евразийского транспортного каркаса [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития (ЕАБР). – URL: <https://eabr.org/press/releases/s-vostoka-na-zapad-i-s-severa-na-yug-budushchee-evraziyskogo-transportnogo-karkasa/> (дата обращения: 21.11.2024).

⁸¹ Afghan Opiate Trafficking along the Northern Route [Электронный ресурс] // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – 2024. – URL: <https://www.unodc.org/rpnc/en/Sub-programme-4/afghan-opiate-trafficking-along-the-northern-route.html> (дата обращения: 03.01.2025).

⁸² Afghan Drug Trade and its Impact on Central Asia [Электронный ресурс] // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. – 2023. – 20 ноября. – URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2023/11/SOCACE-RP25-AfganDrugTradeImpact-20Nov23.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

⁸³ Историко-документальный департамент МИД России (ИДД МИД РФ) [Электронный ресурс] // сайт министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://idd.mid.ru/archive/about_avprf.php (дата обращения: 23.05.2025).

Афганистана и Центральной Азии. Дополняют эту базу документы Российского государственного архива новейшей истории, позволяющие реконструировать институциональные решения конца советского и раннего постсоветского периодов⁸⁴. Региональный компонент обеспечили документы Архива Президента Республики Казахстан, в которых отражены процессы выстраивания внешнеполитической линии и концепции безопасности Центральной Азии⁸⁵. Для анализа приграничных аспектов использованы сведения Главного архивного управления при Правительстве Республики Таджикистан, материалы которого позволяют отследить эволюцию дипломатического дискурса по афганскому направлению⁸⁶.

Таким образом, источниковая база исследования обладает широкой репрезентативностью и междисциплинарным характером, что обеспечивает возможность комплексного анализа афганского кризиса в контексте региональной безопасности постсоветского пространства. Привлечение нормативно-правовых актов, официальных документов международных организаций, аналитических материалов, статистических данных и архивных фондов позволило всесторонне раскрыть предмет исследования, выявить динамику восприятия афганской проблематики на различных этапах и обосновать выводы диссертации на достоверной эмпирической основе.

Методология исследования. Методологическая основа диссертационного исследования выстроена на сочетании положений политического реализма и конструктивизма, что позволяет комплексно проанализировать афганский кризис как фактор трансформации региональной безопасности на постсоветском пространстве. Выбор данных теоретических подходов обусловлен многоуровневым характером исследуемой проблемы, в рамках которой материальные параметры международной политики тесно

⁸⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ) [Электронный ресурс] // Архивы России. – URL: <https://archives.gov.ru/reporting/inspection/2020-rgani.shtml> (дата обращения: 26.06.2025).

⁸⁵ Архив Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс] / официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://archive.president.kz/ru/archive/reports/> (дата обращения: 29.05.2025).

⁸⁶ Главное архивное управление при Правительстве Республики Таджикистан [Электронный ресурс] / сайт Правительства Республики Таджикистан. URL: <https://egov.tj/site/glavarkhiv-tj?lang=ru> (дата обращения: 13.09.2025).

переплетаются с идеологическими, дискурсивными и социокультурными факторами.

Политический реализм используется в диссертации в качестве базовой объяснительной парадигмы при анализе поведения государств постсоветского пространства на афганском направлении. В соответствии с реалистским подходом государства рассматриваются как рациональные акторы, действующие в условиях анархической международной среды и ориентированные прежде всего на обеспечение собственной безопасности, сохранение суверенитета и минимизацию внешних рисков. Применение данного подхода позволило проанализировать эволюцию афганского кризиса как источника трансграничной нестабильности, оказывающего прямое воздействие на баланс сил в Центральной Азии и на южных рубежах постсоветского пространства.

Реалистская теоретическая перспектива также легла в основу сопоставительного анализа стратегий постсоветских государств в отношении Афганистана. Она позволила выявить зависимость внешнеполитических подходов от геополитического положения стран, степени их приграничной уязвимости, военного и экономического потенциала, а также от участия в институциональных форматах коллективной безопасности. В рамках данного подхода были проанализированы механизмы реагирования на афганский кризис в двустороннем и многостороннем измерениях, прежде всего в рамках ОДКБ, ШОС и СНГ, которые рассматриваются как инструменты сдерживания угроз и координации усилий государств в условиях общей нестабильности.

В то же время использование исключительно реалистской парадигмы не позволяет в полной мере объяснить различия в восприятии афганского кризиса и в выборе инструментов реагирования, наблюдаемые среди постсоветских государств. В этой связи в диссертации применяется конструктивистский подход, акцентирующий внимание на роли идей, идентичностей, исторической памяти и дискурсивных практик в формировании внешнеполитических установок. Конструктивизм

используется при анализе того, каким образом образ Афганистана и угроз, исходящих с его территории, формируется в официальных документах, экспертных оценках и аналитических материалах стран постсоветского пространства, а также как эти представления эволюционировали на протяжении исследуемого периода.

Применение конструктивистской методологии позволило исследовать влияние исторического опыта взаимодействия с Афганистаном, культурно-религиозной близости и постсоветской идентичности на формирование национальных стратегий безопасности, особенно в странах Центральной Азии. В рамках данного подхода афганский кризис рассматривается не только как совокупность объективных угроз, но и как социально сконструированный феномен, интерпретация которого зависит от политического контекста, внутренней стабильности и дискурсивных установок конкретного государства. Это позволило проанализировать различия в степени вовлечённости постсоветских стран в афганское урегулирование, а также объяснить выбор несиловых инструментов реагирования, включая экономическую дипломатию, гуманитарное сотрудничество и образовательные инициативы.

Методы исследования основываются на принципах научной достоверности, историзма, объективности и системного анализа, что обеспечивает комплексное рассмотрение взаимосвязи афганского кризиса и трансформации международно-политических процессов на постсоветском пространстве.

В качестве базового общенаучного метода используется историко-системный метод, позволивший рассмотреть процессы формирования и развития региональной безопасности постсоветского пространства во взаимосвязи с внутренними политическими, социально-экономическими и этноконфессиональными процессами в Афганистане. Применение данного метода обеспечило целостный анализ афганского кризиса как

многофакторного и динамичного явления, оказывающего устойчивое трансграничное воздействие на сопредельные государства.

Историко-сравнительный метод применяется для сопоставления подходов государств постсоветского пространства к афганскому направлению и механизмам реагирования на угрозы афганского происхождения. Его использование позволило выявить сходства и различия в стратегиях обеспечения безопасности, а также определить факторы, обусловившие выбор тех или иных моделей внешнеполитического поведения.

Сравнительный анализ используется при изучении политико-дипломатических, экономических и гуманитарных инструментов, применяемых постсоветскими государствами в отношении Афганистана, а также при оценке эффективности многосторонних и двусторонних форматов взаимодействия.

Контент-анализ применён для систематизации и интерпретации официальных документов ОДКБ, ШОС и СНГ, материалов внешнеполитических ведомств, выступлений и интервью государственных деятелей, а также аналитических публикаций на русском, английском, дари и фарси языках. Данный метод позволил выявить основные направления внешнеполитической риторики, ключевые дискурсивные акценты и изменения в оценке афганского кризиса со стороны государств постсоветского пространства.

Ивент-анализ используется для структурирования событийной динамики афганского кризиса и сопоставления действий постсоветских государств и международных организаций в ответ на ключевые этапы эскалации. Его применение позволило установить причинно-следственные связи между конкретными событиями в Афганистане и корректировкой стратегий обеспечения региональной безопасности.

Историко-динамический метод применяется для анализа эволюции подходов государств постсоветского пространства к обеспечению безопасности на афганском направлении, включая трансформацию

используемых инструментов – от преимущественно силовых форм реагирования к более комплексным политико-дипломатическим, экономическим и гуманитарным механизмам.

Использование совокупности указанных методов обеспечило репрезентативность эмпирического материала, логическую связанность анализа и обоснованность выводов диссертационного исследования.

Такой интегрированный методологический подход способствует всестороннему и глубокому анализу исследуемой проблемы, что в свою очередь повышает научную обоснованность полученных результатов и позволяет сделать значимый вклад в теоретическое осмысление современных вызовов безопасности региона.

Научная новизна. Диссертационное исследование вносит значимый вклад в осмысление афганского конфликта как сложного и многослойного фактора, формирующего ландшафт безопасности постсоветского пространства. Новизна работы заключается в интеграции историко-сравнительного анализа и современных теоретических подходов к региональной безопасности, что позволило проследить взаимосвязь между трансформацией угроз, исходящих с афганского направления, и эволюцией ответных стратегий государств региона. Особое внимание уделено восприятию Афганистана не только как источника рисков, но и как значимого элемента историко-культурной самоидентичности ряда стран Центральной Азии в постсоветский период, что ранее в научном дискурсе рассматривалось лишь фрагментарно.

На основе широкого круга источников – архивных документов, материалов международных организаций (ОДКБ, ШОС, СНГ), ведомственных аналитических записок, опубликованных интервью ключевых акторов международных отношений и официальных заявлений дипломатов, а также корпуса текстов на дари и фарси – в научный оборот введен массив данных, который позволяет уточнить причинно-следственные связи и осветить новые аспекты региональной политики.

Работа отличается комплексным подходом к изучению политики постсоветских государств как в национальном измерении, так и в рамках многосторонних форматов, а также анализом гуманитарных и культурно-образовательных механизмов, которые рассматриваются как самостоятельный ресурс «мягкой силы», способный компенсировать ограниченность традиционных инструментов безопасности.

Предложенная аналитическая модель демонстрирует, что восприятие афганского кризиса и степень вовлечённости государств региона в процесс его урегулирования обусловлены не только географией, но и совокупностью исторического опыта взаимодействия, внутренней политической динамики, структуры экономических связей и культурной близости. Подчёркивается, что для ряда стран Центральной Азии Афганистан выступает важным компонентом их цивилизационной самоидентификации, влияя на формирование национальных стратегий и образов внешнеполитического поведения. Эти выводы, основанные на системном подходе и проблемно-хронологическом анализе, расширяют теоретико-методологическую базу исследований по истории международных отношений, уточняют концептуальные рамки региональной безопасности и формируют основу для практических политических решений на афганском направлении.

Практическая значимость исследования заключается в следующем: разработанные в диссертации научно-методические подходы и выводы могут быть использованы государственными органами стран постсоветского пространства при формировании внешнеполитического курса в афганском направлении. Материалы исследования содержат конкретные рекомендации по совершенствованию системы обеспечения национальной безопасности, противодействию террористическим и экстремистским угрозам, а также по развитию регионального сотрудничества в рамках ОДКБ и ШОС.

Результаты работы могут быть применены в деятельности профильных министерств и ведомств, таких, как МИД, Советы безопасности, пограничные службы для разработки практических мер по противодействию наркотрафику,

нелегальной миграции и другим вызовам, исходящим с афганского направления. Предложенные автором модели и типологии позволяют оптимизировать процесс принятия управленческих решений в сфере региональной безопасности.

Материалы диссертации представляют ценность для аналитических центров и экспертного сообщества, занимающегося проблематикой Афганистана и центральноазиатской безопасности. Выводы исследования могут быть использованы при подготовке прогнозных оценок и аналитических материалов, а также при разработке сценариев развития ситуации в регионе.

Отдельные положения работы могут найти применение в учебном процессе высших учебных заведений при преподавании дисциплин по международным отношениям, региональной безопасности и современной истории Востока.

Практическая значимость подтверждается также внедрением результатов исследования в деятельность государственных органов и образовательных учреждений, что отражено в соответствующих актах о внедрении. Разработанные автором рекомендации были использованы при подготовке аналитических материалов для профильных ведомств стран постсоветского пространства.

Положения, выносимые на защиту

На защиту кандидатской диссертации выносятся следующие положения:

1. Генезис и эскалация афганского конфликта носят многофакторный и фазовый характер, определяясь комплексом исторических, этноконфессиональных и геополитических причин, что обуславливает его перманентную трансформацию и длительную дестабилизирующую роль для региона.

2. Эволюция оценок афганского кризиса аналитическими центрами постсоветских стран прошла путь от восприятия его как угрозы периферийной

безопасности до понимания как системного вызова, требующего выработки комплексной стратегии, сочетающей силовые и несиловые инструменты.

3. Внешнеполитический курс постсоветских государств в афганском направлении детерминирован не столько идеологическими, сколько прагматичными интересами национальной и региональной безопасности, а его ключевой современной тенденцией является диверсификация форматов взаимодействия при доминировании двусторонней повестки.

4. Террористическая угроза афганского происхождения обладает выраженным трансграничным характером, проявляясь в рисках рекрутирования граждан постсоветских стран, использования территории Афганистана как плацдарма для подготовки (террористических групп) и атак, а также дестабилизации приграничных регионов.

5. Трансграничное распространение радикальной исламистской идеологии из Афганистана выступает одним из значимых факторов дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в странах Центральной Азии, оказывая влияние на общественные настроения и создавая условия для роста социальной базы маргинальных и радикализированных групп.

6. Эффективность политико-дипломатических инструментов постсоветских стран в урегулировании афганского конфликта определяется уровнем их координации в многосторонних форматах (ОДКБ, ШОС, СНГ) одновременном выстраивании гибких двусторонних каналов взаимодействия с де-факто властями.

7. Экономическая дипломатия является значимым несиловым инструментом стабилизации: инфраструктурные проекты (энергетика, транспорт) и торговые преференции формируют альтернативные экономические возможности и снижают зависимость региона от наркотрафика и нелегальной хозяйственной активности, где проекты инфраструктурной интеграции (энергетика, транспорт) и торговые преференции создают альтернативные экономические возможности, снижая уязвимость региона от наркотрафика и криминализированных форм хозяйственной активности.

8. Гуманитарное измерение деятельности постсоветских государств является стратегическим компонентом урегулирования кризиса: управление миграционными потоками, предотвращение гуманитарной катастрофы и укрепление устойчивости локальных сообществ в долгосрочной перспективе снижают риски радикализации.

Структура исследования. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы и приложений.

ГЛАВА 1. АФГАНСКИЙ КОНФЛИКТ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной главе проводится комплексный анализ эволюции афганского конфликта в современном контексте, начиная с традиционных племенных структур и заканчивая современными военными интервенциями. В ней рассматриваются ключевые геополитические, этноконфессиональные и социально-экономические факторы, способствующие длительному противостоянию в Афганистане. Особое внимание уделяется влиянию внешних держав и методологическим подходам (политический реализм, конструктивизм, теория региональной безопасности), позволяющим объективно оценить причины и последствия конфликта.

В главе также анализируется, как историческое наследие и глубокая социальная неоднородность страны взаимодействуют с глобальными стратегическими интересами ведущих держав. Итогом исследования является обоснование необходимости комплексного, сбалансированного подхода для преодоления внутренней нестабильности и обеспечения региональной безопасности.

1.1. Генезис и эскалация конфликта в Афганистане

Афганский конфликт занимает одно из центральных мест в мировой истории XX и XXI вв., поскольку он не только отразил глобальные противоречия холодной войны, но и продемонстрировал, насколько сложным может быть процесс модернизации общества, чьи глубокие традиции формировались веками. Расположенное на стыке торговых путей и сфер влияния крупных держав, афганское государство издавна являлось объектом притязаний внешних акторов, стремившихся укрепить свою власть или получить экономические выгоды. В итоге из-за множества геополитических, этноконфессиональных и социально-экономических факторов возникло длительное противостояние, которое на разных этапах включало в себя не

только локальные вооружённые столкновения, но и прямые военные интервенции со стороны могущественных держав.

Традиционное племенное устройство Афганистана, тесно связанное с религиозными нормами и устоями, на протяжении второй половины XX в. сталкивалось с идеями модернизации, как западного, так и социалистического образца, что порождало внутренние противоречия и становилось фактором дестабилизации, последствия которой ощущаются и в XXI в.⁸⁷

Ряд исследователей (В.Н. Пластун⁸⁸, А.А. Князев⁸⁹, Е.А. Степанова⁹⁰) анализировали исторические предпосылки афганского конфликта, выделяя ключевые факторы, повлиявшие на его эскалацию. При этом в их трудах подчёркивается, что Афганистан на протяжении всей своей истории демонстрировал устойчивость к внешнему воздействию и попыткам внешнего управления, что, тем не менее, требует более глубокого теоретического объяснения. Необходимо учитывать несколько важнейших элементов, объединяющих политический реализм, конструктивизм и теорию региональной безопасности, чтобы объективно оценить причины и последствия происходивших там драматических событий.

Афганистан исторически играл роль своеобразного буфера, разграничивающего интересы различных империй. Этот факт объясняет, почему в XIX в. он стал ареной Англо-афганских войн. Британская империя, стремившаяся защитить свою колонию в Индии и предотвратить возможное расширение влияния Российской империи, использовала дипломатические и военные методы для контроля над Кабулом. Однако, несмотря на явное превосходство Великобритании в ресурсах, каждая попытка окончательно подчинить себе эту территорию оборачивалась серьёзными потерями и ростом антагонизма среди афганских племён. Данная реакция населения не была

⁸⁷ Лапина, И. Ю., Каргапольцев, С. Ю. «Афганский излом» и его последствия (ввод советских войск в Афганистан и события 1979-1985 гг.) // Клио. 2025. № 02(218). С. 109-130.

⁸⁸ Пластун В., Андрианов В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М.: -Л, 1998. – 240 с.

⁸⁹ Князев А.А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии/ Изд-во КРСУ. Изд-е 2-е, переработ. и доп. Бишкек, 2002. 136 с.

⁹⁰ Степанова Е.А. Афганистан: перспективы политического урегулирования // Россия и мусульманский мир. № 6 (252). 2013. С. 72-88.

уникальной для Афганистана, но там она проявилась особенно отчётливо из-за высокогорного рельефа, малой плотности населения и мощных племенных структур.

Сложившаяся система государственного и муниципального управления, при которой влиятельные родовые и религиозные авторитеты (родовые старейшины, традиционные лидеры племён) имели более весомые полномочия, чем формальный государь, затрудняла любые попытки внешней силы установить единую и всеобъемлющую власть. Англо-афганские войны XIX и начала XX вв. показали, что даже при колоссальных затратах и масштабных военных операциях внешние державы не могли удержать здесь долгосрочное военное присутствие без риска погрязнуть в бесконечных столкновениях⁹¹.

Важно отметить, что именно совокупность внутренних противоречий создала предпосылки для будущих кризисов, кульминацией которых стали революционные события 1970-х гг. Государственные институты Афганистана к тому времени оставались слабыми, а общество отличалось высокой этноконфессиональной фрагментированностью: суннитские и шиитские общины, пуштунские, таджикские, хазарейские и узбекские группы имели собственные традиции самоорганизации и часто вступали в конфликты из-за земли, ресурсов и влияния.

Переворот 1973 г. стал следствием политической стагнации монархического режима Мухаммеда Захир-шаха⁹², неспособности конституционной реформы 1964 г. обеспечить устойчивое развитие институтов власти, а также накопившихся социально-экономических проблем. Недовольство бедностью и безработицей усиливалось на фоне роста политической активности офицерского корпуса и республикански настроенной интеллигенции. Дополнительным фактором выступили личные

⁹¹ Маначинский, А.Я. Афганистан: среди гор и войн (исследования 2009 года). – М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. – 264 с.

⁹² Мухаммед Захир-Шах [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/mukhammed-zakhir-shakh-ba8472> (дата обращения: 12.02.2025).

амбиции М. Дауда, стремившегося вернуть утраченные позиции и заручившегося поддержкой части армии и левых сил. Провозглашение республики стало символом нарастающих изменений и предвестником дальнейшей радикализации политической жизни Афганистана.

Приход к власти М. Дауда, представлявшего республиканскую форму правления, вызвал реакцию как консервативных кругов, ориентированных на сохранение традиционных устоев, так и более прогрессивных левых, видевших в новой власти лишь полумеру на пути к полной трансформации общества. Попытки М. Дауда провести реформы в экономической и социальной сферах встретили сопротивление со стороны разных слоёв, а поддержка СССР или США в этот период была довольно ограниченной, так как глобальные игроки ещё окончательно не определили свои долгосрочные стратегии в отношении Кабула. Тем не менее ожесточённые внутренние противоречия продолжали нарастать, что подготовило почву для революции 1978 г.

Апрельская (Саурская) революция 1978 г. стала ключевым водоразделом в новейшей истории Афганистана. Народно-демократическая партия Афганистана, опиравшаяся на идеи марксизма-ленинизма, взяла власть в свои руки и провозгласила курс на радикальные изменения общественного строя. Новая элита, желая быстро «привить» социалистические методы управления и хозяйствования в традиционной стране, провела национализацию, ограничила роль религии, начала реформы в сельском хозяйстве и образовании, что вызвало бурю негодования у значительной части общества. Политика репрессий против оппонентов только усилила отчуждение между крестьянством и центральной властью, а многочисленные исламистские группировки стали консолидироваться ради противостояния новой системе.

При этом внутри самой НДПА возникали серьёзные трения между фракциями «Хальк» и «Парчам», а также между отдельными лидерами, что делало страну уязвимой к внешним влияниям. Политический реализм учит, что в ситуации, когда центральная власть слаба и не способна контролировать

весь территориальный простор, у внешних акторов появляется соблазн вмешаться ради собственных интересов, используя местные конфликты в качестве рычага давления⁹³.

К концу 1970-х гг. в геополитической игре вокруг Афганистана всё более активную роль начала играть США, которые видели в афганском кризисе очередной фронт холодной войны против СССР. Вашингтон, с одной стороны, через Пакистан и Саудовскую Аравию усиливал финансовую и военную поддержку антисоветски настроенных группировок, с другой – публично осуждал методы коммунистического правительства в Кабуле, обвиняя его в нарушении прав человека. Одновременно Советский Союз, опасаясь потери влияния в государстве, находящемся в непосредственной близости от своих южных границ, и стремясь предотвратить приход к власти проамериканских сил, принял решение о вводе войск в Афганистан в декабре 1979 г.⁹⁴

Применяя методологию конструктивизма, можно сказать, что советское руководство, ориентируясь на собственные ценности и представления о мире, считало необходимым укрепить социалистического союзника, чтобы не допустить дальнейшего распространения американского влияния в регионе. Однако последствия этой интервенции оказались катастрофическими не только для самой Демократической Республики Афганистан, но и для СССР.

Масштабная война, длившаяся с 1979 по 1989 гг., стала одним из самых драматичных эпизодов холодной войны. Советский «ограниченный контингент» столкнулся с упорным сопротивлением моджахедов, которые получали современное вооружение (включая знаменитые ПЗРК «Стингер») и денежную помощь извне.

Обширные горные районы, труднодоступность многих провинций и разобщённость вооружённых группировок по этническому признаку делали классические военные операции крайне сложными. В то же время

⁹³ Рубцов, Ю. Советский Союз в «необъявленной» войне в Афганистане (1979–1989): осмысление прошлого // Азия и Африка сегодня С. 13-17.

⁹⁴ Нунан, Т. Вторжение: глобальное развитие в Афганистане времен холодной войны. – М.: Литрес, 2021. – 456 с.

поддержание лояльного режима в Кабуле требовало колоссальных ресурсов, что стало заметно бить по экономике СССР и вызывать всё большее недовольство внутри советского общества.

Нарастающий кризис внутри самого Советского Союза, где к середине 1980-х начались процессы перестройки и гласности, привел к тому, что в СССР перестали однозначно трактовать афганские события как «интернациональный долг», а в прессе всё чаще появлялись сообщения о реальных потерях, что только усиливало социальное напряжение⁹⁵.

Говоря о военных аспектах ввода советских войск в Афганистан, можно выделить несколько ключевых факторов.

Во-первых, ставка на установление контроля в городах и на коммуникационных узлах не позволяла эффективно нейтрализовать вооружённые формирования, базировавшиеся в труднодоступных горных районах.

Во-вторых, социальная база поддержки советской миссии в Афганистане оставалась крайне узкой, ведь значительное число местного населения воспринимало присутствие чужеземных войск как оккупацию, а союз с официальным Кабулом – как предательство исламских ценностей.

В-третьих, политическая система, насаждаемая силовыми методами, не имела устойчивой опоры: внутренние разногласия в НДПА, сопротивление исламистских движений и влияние старых племенных вождей приводили к постоянным кризисам руководства.

Согласно теории региональной безопасности, при отсутствии надёжных национальных институтов и при наличии активных внешних вмешательств возникает так называемая «зона нестабильности», где каждый внешнеполитический актор стремится продвигать собственные интересы, усугубляя распри между местными группами.

⁹⁵ Бараан, Ю.А. Афганская война во времена СССР (1979-1989 гг.) // Переломные моменты истории: люди, события. 2022. С. 130-145.

Вывод ограниченного контингента советских войск, завершившийся в 1989 г., не прекратил афганский конфликт, а лишь открыл новую главу в истории гражданской войны. После Женевских соглашений 1988 г., в рамках которых Советский Союз обязался вывести воинский контингент, в стране остались разные фракции, вооружённые и обученные в ходе предыдущего десятилетия, но не имевшие общей политической платформы для совместного развития. Режим Наджибуллы, унаследовавший власть от советской эпохи, продержался ещё несколько лет, однако после сокращения объёмов внешней поддержки он оказался обречён, и в 1992 г. Кабул пал перед силами моджахедов. Но даже это не привело к долгожданному миру, потому что внутри антисоветской коалиции начались ожесточённые распри между отдельными полевыми командирами.

Создалась ситуация, в которой гражданская война приняла ярко выраженный межэтнический характер: таджикские, узбекские, хазарейские и паштунские группировки, объединявшиеся прежде ради борьбы с советским присутствием, теперь схлестнулись между собой за политическое и экономическое влияние. Череду военных переворотов, сменяющих друг друга правительств и постоянное ослабление центральной власти привели к колоссальному гуманитарному кризису: миллионы афганцев продолжали жить в лагерях для беженцев в Пакистане и Иране, разрушенная инфраструктура не восстанавливалась, а экономика держалась в основном на нелегальной торговле, включая наркобизнес.

На этом фоне в середине 1990-х гг. выросло число сторонников движения «Талибан»*, сформированного главным образом из студентов религиозных школ («мадраса») в Пакистане. Талибы провозгласили своей целью наведение порядка и искоренение внутренних распри на основе строгих принципов шариата⁹⁶. Они быстро завоевали значительную часть территории Афганистана, используя поддержку со стороны пакистанских спецслужб и

*Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

⁹⁶ Слинкин М.Ф. Афганистан, год 1980: становление режима Б. Кармаля // Вестник НАН Украины. 1980. С. 15-32.

часть финансов, поступающих из государств Персидского залива. Лозунги о борьбе с коррупцией и междоусобными войнами, а также жёсткие меры, направленные на установление порядка, снискали талибам некоторую популярность среди населения, измученного хаосом⁹⁷.

Однако политика тотальной исламизации, включая запрет на женское образование и работу женщин, разрушение объектов культурного наследия (например, Бамианских статуй Будды) и карательные меры против всех инакомыслящих, вызвали возмущение у международного сообщества. К концу 1990-х гг. Афганистан всё больше превращался в «государство-изгой» с точки зрения Запада, а присутствие на его территории радикальных группировок, в том числе «Аль-Каиды»⁹⁸, стало серьёзным фактором глобальной безопасности.

Трагические события 11 сентября 2001 г. в США привели к развёртыванию антитеррористической кампании, ставшей новым этапом в афганском конфликте. Соединённые Штаты и их союзники по НАТО объявили о начале операции «Несокрушимая свобода», предполагая быстрый военный разгром «Талибан»^{*} и переход к фазе политического урегулирования. Кабул был взят без особых трудностей, лидеры «Талибан»^{*} бежали в горы и в сопредельные районы Пакистана, а на место старого режима пришло новое правительство, возглавляемое Хамидом Карзаем. Поначалу в стране царили надежды на масштабные перемены, связанные с притоком международной помощи, перспективами восстановления инфраструктуры и укрепления государственных институтов.

Был разработан международным сообществом под эгидой ООН и при активном участии США и их союзников по НАТО целый комплекс мер по демократизации Афганистана. На Боннской конференции в декабре 2001 г.⁹⁹

⁹⁷ Стурейко С. А. Проблемы репатриации афганских беженцев в Пакистане. – М.: МГУ, 1988. – 214 с.

⁹⁸ Организация запрещена на территории РФ.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

⁹⁹ Резолюция 1386 (2001) Совета Безопасности Организации Объединённых Наций // ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/1386\(2001\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/1386(2001)) (дата обращения: 10.07.2025).

была определена политическая дорожная карта переходного периода, сформировано временное правительство во главе с Х. Карзаем и принята программа восстановления государственных институтов. В последующие годы под контролем международных структур были проведены президентские и парламентские выборы, предприняты шаги по ограничению власти полевых командиров и созданию национальных сил безопасности¹⁰⁰.

Чрезмерная опора на внешние силы, отсутствие глубоко продуманных социальных реформ и крайне высокий уровень коррупции в новом руководстве привели к тому, что множество афганцев вскоре разочаровалось в новом порядке, особенно в сельской глубинке. Там влияние талибов сохранилось и даже начало расширяться, поскольку представители радикальной идеологии вновь обещали «справедливость» и «порядок», в отличие от коррумпированных чиновников.

Параллельно с этим военное присутствие США и их союзников затянулось на многие годы, превратившись в самую продолжительную кампанию в истории НАТО. Попытки применить военные методы для полного подавления талибов оказались малоэффективными, поскольку исламистские бойцы пользовались поддержкой части местных сообществ, получали помощь и убежище в приграничных районах Пакистана, а также в местах, куда центральная власть не могла проникнуть. Теория региональной безопасности здесь указывала, что неудачи в установлении стабильной власти в самом Афганистане взаимосвязаны с политикой соседних стран, имеющих собственные интересы¹⁰¹.

Пакистан, опасавшийся усиления роли Индии в регионе, продолжал играть двойную игру, официально поддерживая действия антитеррористической коалиции, но не прекращая контактов с талибами. Иран, имеющий общую границу с Афганистаном, поддерживал группировки,

¹⁰⁰ Боннское соглашение по Афганистану // World Constitutions. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=474> (дата обращения: 04.03.2025).

¹⁰¹ Кокорев М.А. Военный конфликт в Афганистане: проблемы и перспективы // Материалы конференции ГрГУ. 2021. С. 450-465.

враждебные к талибам, что порождало ещё одну линию соперничества. Другие государства, такие как Китай, Россия и государства Центральной Азии, также внимательно следили за ситуацией, опасаясь распространения экстремизма и наркотрафика.

В период почти двадцатилетнего военного присутствия США и их союзников по НАТО в Афганистане (2001–2021 гг.) при международной поддержке осуществлялись масштабные программы по восстановлению инфраструктуры и созданию национальных институтов управления. Согласно отчётам Специального генерального инспектора США по вопросам восстановления Афганистана и Агентства США по международному развитию, за этот период было построено или капитально отремонтировано более 560 школьных зданий, создано 34 провинциальные администрации, а также около 2 000 км автодорог федерального значения и свыше 15 000 км сельских дорог, соединяющих основные регионы страны¹⁰².

Тем не менее достигнутые результаты имели ограниченный эффект. Чрезмерная зависимость Афганистана от внешней помощи, институциональная слабость центрального правительства, высокий уровень коррупции и сохранявшаяся активность движения «Талибан»^{*} не позволили обеспечить устойчивое развитие и внутреннюю консолидацию. В результате решение администрации США о выводе войск в 2021 г. стало переломным событием, ознаменовавшим завершение внешнего этапа международного вмешательства и переход страны в состояние нового политического и военного равновесия.

Падение правительства А. Гани в августе 2021 г. стало кульминацией глубокого кризиса афганской государственности и фактическим завершением двадцатилетнего военного присутствия США и их союзников. После объявления администрацией Дж. Байдена решения о полном выводе

¹⁰² United States Agency for International Development (USAID). Assessment of USAID's Afghanistan Education Programs: Analysis and Lessons Learned Study (2017) URL: https://www.researchgate.net/publication/329488524_ASSESSMENT_OF_USAID_AFGHANISTAN_EDUCATION_PROGRAMS_ANALYSIS_AND_LESSONS_LEARNED_STUDY.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

иностранных войск, афганские силовые структуры, на протяжении многих лет зависевшие от внешнего финансирования и военной поддержки, утратили боеспособность. В течение нескольких недель движение «Талибан»* установило контроль над большей частью страны, а 15 августа 2021 г. без серьёзного сопротивления заняло Кабул. В этот же день президент А. Гани покинул страну, заявив о намерении избежать кровопролития, что, по сути, стало признанием полного краха созданной под патронажем Запада политической системы¹⁰³.

Для международного сообщества эти события стали символом провала американской стратегии «национального строительства» и кризиса внешнеполитического курса администрации Дж. Байдена, не сумевшей реализовать заявленную «управляемую передачу власти»¹⁰⁴. Аналитики подчёркивают, что поспешный и несогласованный вывод войск США привёл к разрушению архитектуры безопасности, выстроенной под эгидой НАТО, и создал угрозу дестабилизации всего региона Центральной и Южной Азии. В российской экспертной среде этот эпизод рассматривается как показатель истощения неоинтервенционистской модели внешней политики США и подтверждение необходимости формирования новых региональных форматов безопасности, основанных на принципах невмешательства и уважения суверенитета¹⁰⁵.

На сегодняшний день в Афганистане сформировалась новая политическая реальность, связанная с приходом к власти движения «Талибан»*, что требует выработки прагматичных подходов к

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹⁰³ Князев А. А. Афганские события весны-лета 2021 г. и обновление региональной безопасности // CyberLeninka. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganskije-sobytiya-vesny-leta-2021-g-i-obnovlenie-regionalnoj-bezopasnosti> (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁰⁴ Амини А. Р. Причины провала миссии США + НАТО в Афганистане и прогноз ситуации в стране при «новом режиме» 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-provala-missii-ssha-nato-v-afganistane-i-prognoz-situatsii-v-strane-pri-novom-rezhime/viewer> (дата обращения: 20.10.2025).

¹⁰⁵ Ризоён Ш. Ш., Гиёсов М. Ф. Афганистан до и после возвращения Талибан 2023 С 508. URL: https://mo.tnu.tj/wp-content/uploads/2024/01/2023_book_afganistan-do-i-posle-vozvrashhenija-taliban.pdf (дата обращения: 20.10.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

взаимодействию со страной в целях поддержания региональной стабильности. Санкции, введённые против нового режима, усугубили экономические проблемы, ограничили возможности торговли и снижения безработицы. Тем временем гуманитарная ситуация ухудшилась, и ряд международных организаций говорит о реальном риске голода и новых волн беженцев, стремящихся покинуть страну. Признавая данный кризис, разные государства, включая Китай, Пакистан и Россию, пытаются установить рабочие контакты с новыми властями, чтобы не допустить полного коллапса и не потерять рычаги влияния на ситуацию.

Однако, как отмечают российские и зарубежные исследователи, жёсткая идеологическая риторика движения «Талибан»^{*} в отношении прав женщин, религиозных меньшинств и свободы выражения ставит под вопрос возможность трансформации режима в более умеренный и инклюзивный. Угроза терроризма, наркоторговля и возможная дестабилизация сопредельных государств остаются в повестке дня региональной безопасности, подтверждая, что Афганистан остаётся одной из самых взрывоопасных точек на карте мира.

С точки зрения политического реализма, текущее состояние Афганистана наглядно показывает, как баланс сил между внешними акторами напрямую влияет на внутреннюю политику нестабильного государства. Одновременно конструктивистский подход подчёркивает важность социальных идей и религиозных ценностей, формирующих идентичность афганского общества, где вопрос о национальной принадлежности и государственности остаётся не до конца решённым.

Важным аспектом афганского конфликта была и остаётся проблема беженцев. Миллионы афганцев бежали в Пакистан, Иран и другие страны в разные периоды конфликта. Репатриация зачастую оказывалась неудачной, так как в самой стране не создавались условия для безопасного возвращения: отсутствовали рабочие места, инфраструктура, гарантия прав и личной

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

безопасности. Эта проблема перманентно влияла на внутреннюю и внешнюю политику соседних стран, вызывая социально-экономическое напряжение и рост ксенофобии в местах концентрации афганских общин. Многие беженцы, так и не сумев адаптироваться, либо возвращались в Афганистан в периоды относительной стабильности, либо продолжали жить в неформальных поселениях, зависящих от гуманитарной помощи¹⁰⁶.

Рассматривая основные этапы афганского конфликта в целом, можно выделить несколько критически важных вех.

Первым этапом можно считать англо-афганские войны XIX – начала XX века, включая первую (1838-1842 гг.), вторую (1878-1880 гг.) и третью (1919), которые заложили у афганского государства традицию сопротивления внешнему влиянию.

Второй этап начинается с республиканской революции 1973 г., которая привела к падению монархии Захир-шаха и обострению внутренней борьбы между консервативными и прогрессивными силами. Несмотря на то, что рядом исследователей¹⁰⁷ начало Апрельской революции 1978 г., ознаменовавшей установление радикального левого режима, который продержался до конца 1980-х гг. при активной поддержке СССР, и последовавший за Апрельской революцией ввод советских войск в Афганистан (1979–1989 гг.), выделяется в два отдельных (третий и четвертый соответственно) этапа, представляется, что указанные события являются предпосылками вышеуказанного конфликта и могут быть объединены нами в единый этап (1973-1989 гг.).

Рамки третьего этапа ограничены гражданской войной 1989-1992 гг., в ходе которой Афганистан фактически распался на отдельные области,

¹⁰⁶ Стурейко С.А. Проблемы репатриации афганских беженцев в Пакистане. – М.: МГУ, 1988. – 214 с.

¹⁰⁷ Akhtar I., Government of Afghanistan Republic from Revolution to Collapse: A Realist Perspective on Political Dominance (November 29, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5024273> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5024273>

управляемые полевыми командирами, что привело к росту радикализма и подъёму движения «Талибан»^{*}.

Четвертый этап начался после американской интервенции после событий 11 сентября 2001 г. и длительное присутствие международных сил под эгидой НАТО до 2021 г.

Наконец, пятым этапом можно считать период после 2021 г. и до настоящего времени, когда талибы вновь пришли к власти, а внешние войска покинули страну, оставив за собой множество нерешённых проблем.

Каждый из перечисленных этапов неразрывно связан с идеологическим измерением конфликта. Так, коммунистическая идеология НДПА и светская модернизация, которую пытался проводиться М. Дауд, вызвали сопротивление со стороны религиозно-консервативных кругов. В противовес этому радикальный ислам, провозглашённый талибами, не находил поддержки у части более светски ориентированной городской интеллигенции и у представителей религиозных меньшинств.

Афганский конфликт приобрёл многоуровневый характер, где местные племенные интересы, религиозный фундаментализм, националистические идеи и геополитические амбиции различных держав сложились в узел, развязать который оказалось крайне непросто.

С экономической точки зрения Афганистан оставался на периферии мирового рынка энергоресурсов, не обладая крупными залежами нефти или газа. Однако транзитное положение, близость к богатым регионам Средней Азии и присутствие минеральных ресурсов (включая редкоземельные металлы) делали его важным объектом стратегических планов крупных держав.

По этой причине и СССР, и США, и Китай, и другие акторы проявляли интерес к контролю над Афганистаном или установлению с ним лояльных отношений. Масштабные проекты, направленные на строительство инфраструктуры, энергетических коридоров и добычу полезных ископаемых,

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

оставались в подвешенном состоянии из-за постоянной нестабильности и отсутствия единого центра власти, способного гарантировать безопасность инвестиций. Тем самым затяжной конфликт закрывал стране дорогу к экономической модернизации, порождая замкнутый круг бедности и насилия.

В связи с таким положением дел ряд экспертов (например, Н.Д. Саженов¹⁰⁸, Е.А. Степанова¹⁰⁹, П. Марсден¹¹⁰) указывают, что выход из кризиса невозможен без создания инклюзивной политической системы, учитывающей интересы всех этнических и религиозных групп. При этом важно проводить осторожную политику компромиссов и реформ, избегающих резких изменений традиционных структур.

Опыт социалистических преобразований 1978–1980-х гг. или радикальных исламских нововведений, проводимых талибами, наглядно демонстрирует: стремление навязать новую политико-экономическую модель силой вызывает отчуждение населения и сопротивление, которое может длиться десятилетиями. С другой стороны, полная заморозка социальной и экономической жизни во имя сохранения традиций также ведёт к стагнации и расширению влияния экстремистов, особенно среди молодёжи, не имеющей перспектив образования и карьеры¹¹¹.

Автор предполагает, что в Афганистане долгосрочная стабилизация возможна лишь при согласованности интересов ключевых внешних игроков и создании серьёзных стимулов для внутреннего диалога. Если страны, имеющие непосредственные связи с регионом (Пакистан, Иран, Китай, Россия), а также глобальные державы (США, государства Европы), сумеют выработать общий план действий, основанный на взаимном невмешательстве и поддержке умеренных сил в афганском обществе, то появится шанс на

¹⁰⁸ Саженов Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 – начало 2020 г.) / Отв. ред. Р.Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 220 с.

¹⁰⁹ Степанова Е.А. Афганистан: перспективы политического урегулирования // Россия и мусульманский мир. № 6 (252). 2013. С. 72-88.

¹¹⁰ Марсден П. Талибан: война и религия в Афганистане / Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: ИД «Городец», 2022. 320 с.

¹¹¹ Курков В.В. Уроки военного противостояния СССР и США в Афганистане: исторический рикошет «войны по доверенности» // Вестник Калужского университета. 2022. С. 30-45.

снижение уровня конфликта. Однако такой план требует учёта факта, что талибы не являются монолитной структурой: внутри их движения существуют различные течения, некоторые из которых проявляют склонность к более прагматичным решениям.

Экономическое сотрудничество, развитие инфраструктуры, вовлечение местных сообществ в проекты, приносящие реальную выгоду для населения, – все эти меры могут постепенно размыть радикальные установки. Тем не менее прошлый опыт показывает, что любая неосторожная попытка «давить извне» приводит к обратному эффекту и усилению экстремизма.

При рассмотрении причин и последствий афганского конфликта нельзя обходить стороной масштабные гуманитарные последствия. Доступ к медицинской помощи, образованию и элементарным благам цивилизации на протяжении десятилетий оставался роскошью для большинства населения. Это привело к социальной деградации и формированию «поколения войны», чьи представления о мире базируются на непрекращающемся насилии. Решение этих проблем требует, помимо политических договорённостей, длительной и кропотливой работы по восстановлению социальной сферы, реабилитации жертв и созданию условий для возрождения гражданского общества.

Международные организации, такие как ООН, ЮНИСЕФ, Всемирная продовольственная программа и ряд неправительственных структур, пытались смягчить последствия гуманитарного кризиса, но нередко их деятельность сталкивалась с сопротивлением местных властей или боевиков, что сводило на нет многие благородные инициативы.

Среди особенностей афганского конфликта можно выделить следующие: военное вмешательство без чёткого понимания местных реалий, без комплексной стратегии по восстановлению и без последовательной дипломатии редко приводит к устойчивому миру. Американская интервенция в 2001 году ярко это продемонстрировали. Помимо колоссальных финансовых и человеческих потерь, такие кампании часто заканчиваются тем, что после

вывода войск власть вновь переходит к тем силам, против которых боролись, либо страна погружается в ещё больший хаос. В случае Афганистана вывод войск США в 2021 г. привёл к стремительному возвращению талибов, что поставило под вопрос две декады усилий по демократизации, образованию и правам человека.

С точки зрения научного анализа, афганский конфликт является замечательным примером для проверки различных теорий международных отношений. Политический реализм помогает понять логику великих держав, стремившихся обезопасить свои границы или усилить влияние, не всегда считаясь с интересами самого афганского народа. Конструктивизм указывает, что идентичность и идеология играют колоссальную роль в мобилизации, в том числе вооружённой: исламистский дискурс, призывающий к священной войне против «неверных», неоднократно демонстрировал способность объединять разнообразные племена в единое движущееся во имя религиозной идеи войско. Теория региональной безопасности подчёркивает, что ни одна страна не может существовать в изоляции от более широкого контекста, поэтому непримиримые противоречия Пакистана и Индии, напряжённость между Ираном и Саудовской Аравией, конкуренция США и России – все эти факторы перекрещивались и перекрещиваются на афганской территории.

Таким образом, на основе анализа исторических событий, их закономерностей и предпосылок диссертантом было выделено пять этапов афганского конфликта – начиная с XIX – начала XX вв. и заканчивая современным периодом. Дальнейшее развитие событий остаётся неопределённым. Движение «Талибан»*, взявшее власть в августе 2021 г., стремится консолидировать общество под знаменем шариатского правления, однако уже сталкивается с локальным сопротивлением со стороны анти-талибских группировок, прежде всего Национального фронта сопротивления¹¹² под руководством Ахмада Масуда, а также отдельных

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

вооружённых формирований, действующих в провинциях Панджшер, Бадахшан и Тахар.

Наряду с этим в стране наблюдается глубокий экономический кризис, усугубляемый санкциями, заморозкой афганских валютных резервов и международной изоляцией. Международное признание нового правительства остаётся крайне ограниченным, что препятствует притоку инвестиций и реализации гуманитарных программ. В условиях отсутствия внешней экономической поддержки и сохранения санкционного давления уровень жизни населения продолжает снижаться, порождая новые волны миграции и радикализации. Создаётся замкнутый круг: без международной помощи невозможно стабилизировать экономику, но её предоставление блокируется из-за непризнанного статуса и радикальной идеологии властей. Эта дилемма демонстрирует, насколько тесно переплетены внутренние и внешние аспекты затяжных конфликтов в современном Афганистане.

1.2. Конфликт в Афганистане в оценках аналитических центров постсоветских стран

Афганский кризис, являясь одним из наиболее устойчивых и многослойных конфликтов современной международной системы, на протяжении последних десятилетий остаётся объектом пристального внимания ведущих исследовательских и экспертно-аналитических структур постсоветского пространства. В силу геополитической близости, историко-культурной взаимосвязанности и высокой степени чувствительности региона к трансграничным угрозам, изучение афганской проблематики в России и странах Центральной Азии приобрело не только теоретическое, но и прикладное значение, формируя интеллектуальную основу для выработки национальных и региональных стратегий безопасности.

В современной исследовательской практике аналитические центры выполняют ключевую роль в систематизации и интерпретации данных,

¹¹² Фронт национального сопротивления Афганистана // Афганистан.Ру 13.11.2021. URL: <https://afghanistan.ru/doc/147013.html> (дата обращения: 20.10.2025).

связанных с внутренней и внешней динамикой афганских процессов. Их деятельность способствует формированию комплексного представления о закономерностях эволюции афганского конфликта, выявлению факторов, влияющих на региональную безопасность, а также прогнозированию возможных сценариев взаимодействия государств постсоветского пространства с Афганистаном.

С целью систематизации накопленных оценок и выявления национальных особенностей исследовательского дискурса в данном параграфе анализ проводится по институционально-географическому принципу. В первой части рассмотрены подходы ведущих российских аналитических центров – Российского института стратегических исследований (РИСИ), Российского совета по международным делам, Центр исследований постсоветских стран, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Института востоковедения РАН и аналитических подразделений МГИМО МИД РФ, формирующих ядро отечественной внешнеполитической экспертизы. Во второй части представлены позиции центров постсоветских государств – Таджикистана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Беларуси, чьи исследования отражают региональную специфику и национальные интересы в контексте афганской проблематики.

Такое структурирование позволяет рассматривать афганский кризис не только как предмет междисциплинарного анализа, но и как индикатор формирования общего экспертного поля постсоветского пространства, где аналитические центры выступают посредниками между научным знанием и практикой принятия политических решений.

Ведущие российские аналитические центры уделяют повышенное внимание ситуации в Афганистане, рассматривая её сквозь призму национальной безопасности и глобальной геополитики. Так, Российский институт стратегических исследований – крупный государственный аналитический центр, учреждённый указом президента РФ в 1992 г.¹¹³ и

специализирующийся на информационно-аналитическом обеспечении органов власти¹¹⁴, – в своих работах акцентирует внешнеполитические аспекты афганского конфликта. Эксперты РИСИ подчёркивают, что военная кампания США в Афганистане изначально преследовала преимущественно геополитические цели, а не только борьбу с терроризмом. В частности, в опубликованном под эгидой РИСИ обзоре мнений ведущих российских специалистов (Д. С. Попов¹¹⁵, А. В. Глазова¹¹⁶, А. А. Князев¹¹⁷ и др.) было отмечено несоответствие официальной и реальной целей американского присутствия: под риторикой противодействия исламскому радикализму Вашингтон стремился закрепиться в центре Евразии, ослабляя позиции Китая, Ирана и России на фоне формирования многополярного порядка¹¹⁸. Эта точка зрения нашла отражение и в других работах РИСИ, где афганский кризис трактуется как элемент стратегии США по сохранению влияния в регионе даже после вывода войск (формула «уйти, чтобы остаться»). Таким образом, анализ РИСИ концентрируется на внешних факторах конфликта, указывая на выгодополучателей затяжной нестабильности и предупреждая о рисках трансформации Афганистана в плацдарм для реализации интересов третьих сил.

Не менее значимы оценки, предлагаемые Российским советом по международным делам (РСМД) – влиятельным негосударственным аналитическим центром, созданным в 2011 г. при участии МИД РФ и РАН для

исследований». URL: <https://riss.ru/ob-institute/> (дата обращения: 03.01.2025).

¹¹⁴ Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский институт стратегических исследований». Что такое РИСИ. https://aif.ru/dontknows/file/chtotakoe_risi (дата обращения: 03.10.2025).

¹¹⁵ Ведущие российские эксперты о политике США в Афганистане и Центральной Азии // РИСИ 2013. URL: <https://riss.ru/news/smi/vedushchiye-rossiyskiye-eksperty-o-politike-ssha-v-afganistane-i-tsentralnoy-azii/?ysclid=m8z4k5flb1798053012> (дата обращения: 13.03.2025)

¹¹⁶ Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский институт стратегических исследований». Стратегия США в Афганистане: дестабилизация как повод для усиления влияния. URL: <https://riss.ru/analitica/strategiya-ssha-v-afganistane-destabilizatsiya-kak-povod-dlya-usileniya-vlianiya/> (дата обращения: 03.07.2025).

¹¹⁷ Князев Александр Алексеевич «Афганские события весны-лета 2021 г. и обновление региональной безопасности». // Постсоветские исследования. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/afganskije-sobytiya-vesny-leta-2021-g-i-obnovlenie-regionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 19.10.2025).

¹¹⁸ Ведущие российские эксперты о политике США в Афганистане и Центральной Азии. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=17533> (дата обращения: 03.10.2025).

экспертного сопровождения внешней политики¹¹⁹. В своих публикациях РСМД акцентирует влияние афганских событий на региональную безопасность Центральной Азии и необходимость координации усилий постсоветских государств. В аналитическом докладе РСМД «Афганистан и региональная безопасность: перспективы развития ситуации»¹²⁰ (2024) подчеркивается, что сохранение очага нестабильности в Афганистане чревато цепными последствиями для безопасности сопредельных стран.

Особое место в экспертном поле занимает позиция Российского совета по международным делам (РСМД), представляющего современный подход к внешнеполитическому осмыслению афганского направления. В аналитических материалах Совета подчёркивается, что действия России в отношении нового режима в Кабуле отражают стратегию укрепления её статуса ключевого актора в евразийской системе безопасности. Признание де-факто политической реальности в Афганистане рассматривается не как акт конъюнктурного характера, а как элемент долгосрочной линии на формирование самостоятельной повестки России в регионе, независимой от западных подходов. Эксперты РСМД отмечают, что вовлечение Афганистана в евразийские инфраструктурные и логистические проекты способно расширить пространство экономического взаимодействия и укрепить позиции Москвы как координатора процессов региональной стабилизации¹²¹.

В другом материале РСМД, посвящённом анализу афганской проблематики, акцентируется значение историко-культурного и цивилизационного контекста в понимании современных процессов в Афганистане. В статье «Книга, которую стоит прочитать» подчёркивается, что глубокое осмысление афганского конфликта невозможно без учёта его

¹¹⁹ Российский совет по международным делам. О совете URL: <https://russiancouncil.ru/about/> (дата обращения: 03.10.2025).

¹²⁰ Российский совет по международным делам. «Афганистан и региональная безопасность: перспективы развития ситуации» URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-i-regionalnaya-bezopasnost-perspektivy-razvitiya-situatsii/> (дата обращения: 03.06.2025).

¹²¹ Бордачев Т. Признав Афганистан, Россия подтвердила своё центральное место в Евразии // Российский совет по международным делам. 07 июля 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/priznav-afganistan-rossiya-podtverdila-svoe-tsentralkoe-mesto-v-evrazii/?sphrase_id=249303716 (дата обращения: 20.08.2025).

культурной и этнополитической специфики, корнящейся в традиционных структурах афганского общества и исторической памяти региона. Российские исследователи, как отмечает РСМД, обладают уникальной экспертизой в данной области, способной обеспечить более взвешенное и объективное восприятие афганских реалий по сравнению с односторонними интерпретациями, распространёнными в западных медиа и аналитике. Такой подход отражает общую тенденцию российской внешнеполитической мысли, ориентированной на комплексное, междисциплинарное понимание феномена Афганистана – как узлового пространства Евразии, где переплетаются геополитические, религиозные и социокультурные факторы¹²².

В логике российской аналитической традиции, рассматривающей Афганистан как сложный социокультурный и политико-цивилизационный феномен, особое внимание уделяется не только вопросам региональной безопасности, но и гуманитарным измерениям внутренней динамики страны. Российские исследователи исходят из того, что устойчивость афганского государства во многом зависит от состояния его социальной сферы, включая положение женщин, образование и уровень занятости¹²³. В аналитических материалах Российского совета по международным делам подчеркивается, что гуманитарная ситуация в Афганистане после прихода к власти движения «Талибан»* напрямую влияет на перспективы стабилизации страны и региона в целом.

Согласно оценкам экспертов, ограничение прав женщин на образование и трудовую деятельность приобрело системный характер, что привело к значительным социальным и экономическим потерям¹²⁴. При этом

¹²² Иващинцов Г. Книга, которую стоит прочитать // Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/kniga-kotoruyu-stoit-prochitat/?sphrase_id=249303716 (дата обращения: 03.10.2025).

¹²³ Гулам Н. «Женский вопрос» в Афганистане после 2021 года: есть ли свет в конце тоннеля? // Азиатский калейдоскоп. – Москва: Российский совет по международным делам, 21 янв. 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/zhenskiy-vopros-v-afganistane-posle-2021-goda-est-li-svet-v-kontse-tonnelya/?sphrase_id=249303716 (дата обращения: 19.10.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹²⁴ Там же

отмечается, что данные процессы имеют не религиозную, а преимущественно социокультурную природу, укоренённую в традиционных структурах афганского общества. В этом контексте сохранение гуманитарных и образовательных каналов взаимодействия с Афганистаном рассматривается как необходимое условие предотвращения дальнейшей деградации социальной среды и формирования основ долгосрочной стабильности¹²⁵.

Российские эксперты, в том числе из ИМЭМО РАН, констатируют: вооружённое противостояние в Афганистане остаётся интенсивным, а сам затяжной кризис способен создавать серьёзные угрозы для Центральной Азии. Так, доктор политических наук Д.Б. Малышева¹²⁶ (ведущий специалист по Афганистану из ИМЭМО) отмечает, что после смены власти в Кабуле «интенсивность вооружённого противостояния не снизилась, и международный кризис может создавать серьёзные проблемы безопасности постсоветских центральноазиатских государств». Данный вывод подкрепляется статистикой инцидентов и данными международных организаций о росте насилия, углублении социально-экономического кризиса в Афганистане и расширении каналов наркотрафика. В целом, аналитики РСМД делают упор на реалистическую интерпретацию угроз: любая дестабилизация в Афганистане неминуемо проецируется вовне, поэтому России и её союзникам следует укреплять оборонительные возможности и готовность к совместному реагированию.

Серьёзный вклад в осмысление афганского кризиса вносит российское академическое сообщество. Институт мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО)¹²⁷, один из ведущих научно-исследовательских институтов России, традиционно рассматривает афганскую проблему в широком международно-политическом контексте. Эксперты ИМЭМО характеризуют Афганистан как «шахматную доску» для

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Малышева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. М., 2017. Т. 61. № 8. С. 14–23.

¹²⁷ Институт международной экономики и международных отношений Российской академии наук. О нас URL: <https://www.imemo.ru/about> (дата обращения: 03.10.2025).

соперничества держав¹²⁸, сочетая реалистический подход (акцент на силовых факторах и национальных интересах) с элементами конструктивизма (учёт внутренних процессов в афганском обществе). Так, руководитель Центра ближневосточных исследований ИМЭМО профессор И.Д. Звягельская¹²⁹ прогнозирует усиление роли Афганистана в региональной политике: по её оценке, в ближайшие годы страны-конкуренты (Китай, Иран, Турция) постараются использовать афганский плацдарм для ослабления позиций США, тогда как движение «Талибан»*, стремясь к международному признанию, будет искать новых внешних покровителей и инвесторов.

Схожие выводы прозвучали и на заседаниях Президиума РАН, где ИМЭМО представил анализ ситуации в Афганистане после 2021 г.: с одной стороны, внешние вливания и более скоординированная политика вовне могут обеспечить относительную стабилизацию Афганистана, с другой – существует риск превращения страны в арену ожесточённой борьбы внешних игроков, лишь усугубляющей хаос. В своих выводах исследователи ИМЭМО солидарны с коллегами из других центров в том, что для России афганский вызов носит долгосрочный характер, требуя адаптации стратегии – от поддержания военного присутствия в Центральной Азии до выстраивания новых экономических коридоров и форматов сотрудничества¹³⁰.

В аналитическом обзоре «Афганистан: вызовы и перспективы»¹³¹, опубликованном ИМЭМО РАН, подчёркивается, что современный этап афганского кризиса требует переосмысления существующих механизмов

¹²⁸ Гаджиев К. С. Большие трещины на «Великой шахматной доске» // Институт международной экономики и международных отношений Российской академии наук. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2017/29-42Gadjiev.pdf (дата обращения: 03.10.2025).

¹²⁹ Звягельская И. Д. «Радикальные идеи не знают границ». Интервью с профессором И. Д. Звягельской о кризисе в Афганистане. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/radikalnye-idei-ne-znaut-granic-intervyu-s-professorom-irinoj-zvagelskoj-o-krizise-v-afganistane> (дата обращения: 03.10.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹³⁰ Журавлёва В. Ю., Ибрагимов И. Э. (сост.) Афганский кризис будущего Большого Ближнего Востока // Африканский журнал (Af Journal). URL: <https://www.afjournal.ru/2022/2/post-factum/the-afghan-crisis-of-the-future-greater-middle-east> (дата обращения: 03.06.2025).

¹³¹ Афганистан: вызовы и перспективы // ИМЭМО РАН. – 26 апреля 2023. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/afghanistan-vizovi-i-perspektivi> (дата обращения: 20.10.2025).

региональной безопасности и поиска новых форм взаимодействия с Кабулом. Эксперты института отмечают, что после вывода международных сил и прихода к власти движения «Талибан»* в 2021 г. ситуация в стране характеризуется высокой степенью неопределённости, сочетанием гуманитарных, социально-экономических и политических вызовов. При этом ИМЭМО рассматривает Афганистан как ключевой элемент евразийской системы безопасности, от состояния которого напрямую зависит стабильность Центральной Азии и постсоветского пространства. В публикации подчёркивается, что конструктивное вовлечение Афганистана в региональные экономические и инфраструктурные проекты может стать основой для постепенной стабилизации, при условии сохранения баланса интересов России, Китая, Ирана и других соседних государств. Такой подход отражает характерную для ИМЭМО научную установку на междисциплинарное осмысление афганской проблематики, объединяющее политический, экономический и гуманитарный анализ.

В сфере востоковедческих исследований ключевым центром экспертизы выступает Институт востоковедения РАН (ИВ РАН)¹³². Эта академическая структура специализируется на изучении стран Востока и ислама, что позволяет её экспертам глубоко анализировать внутренние аспекты афганского кризиса. В структуре центра функционирует сектор изучения Афганистана¹³³. Деятельность Центра направлена на комплексное исследование политических, социально-экономических, религиозных и культурных процессов в Афганистане, а также на анализ последствий афганского кризиса для безопасности сопредельных государств. Согласно официальным данным ИВ РАН, сектор объединяет ведущих отечественных специалистов-афганистов, осуществляющих фундаментальные и прикладные

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹³² Институт востоковедения Российской академии наук. URL: <https://ivran.ru/about-institute> (дата обращения: 03.04.2025).

¹³³ Сектор Афганистана // Институт востоковедения Российской академии наук. URL: <https://bsv.ivran.ru/sektor-afganistana> (дата обращения: 19.10.2025).

исследования, подготовку экспертных заключений и аналитических материалов для государственных структур и научного сообщества¹³⁴.

Российский Институт востоковедения РАН и особенно его Центр изучения современного Афганистана (ЦИСА) на протяжении многих лет исследуют афганский кризис и анализируют его влияние на безопасность постсоветского пространства. Ученые ИВ РАН, опираясь на многолетнее наблюдение, выделяют ключевые факторы нестабильности в Афганистане, среди которых на глобальном уровне доминируют терроризм и наркотрафик¹³⁵.

Другие проблемы – политическая и экономическая нестабильность, радикализация и гуманитарные кризисы – относятся к региональным факторам риска, но в совокупности с первыми двумя также могут перерасти в угрозы глобальной безопасности. Такой комплексный научный подход позволяет глубоко оценить, каким образом афганские события сказываются на безопасности Центральной Азии и других постсоветских регионов¹³⁶.

В последние годы эксперты Института востоковедения РАН акцентируют внимание на трансформации афганского наркопроизводства, рассматривая его не только как традиционный источник финансирования терроризма, но и как структурный элемент афганской экономики, способный влиять на региональную безопасность. В статье О.Е. Митрофаненковой «Производство метамфетамина в Афганистане» показано, что с 1998 по 2022 г. Афганистан оставался мировым лидером по производству опиатов, получив в 2003 г. от МВФ статус «наркогосударства». Однако начиная с 2010-х гг. в стране наблюдается переход от опиатного к метамфетаминному производству, что свидетельствует о диверсификации наркобизнеса¹³⁷.

¹³⁵ Нессар О. М. Современный Афганистан // Россия и мир: научный диалог. URL: <https://www.russia-world.ru/jour/article/view/59> (дата обращения: 03.11.2024).

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Митрофаненкова О. Е. Производство метамфетамина в Афганистане // Вестник Института востоковедения РАН. 2025. № 2. С. 91–98.

Автор связывает эту тенденцию с изменениями спроса на мировом нелегальном рынке и отмечает, что производство метамфетамина стало новым направлением афганской теневой экономики после 2022 г. В работе также подчеркивается, что метамфетамин, в отличие от опиатов, требует меньших издержек, имеет более широкий потребительский рынок и приносит прибыль даже при локальном производстве. Эти особенности делают его особенно привлекательным для афганских наркокартелей и связанных с ними экстремистских структур, что усиливает трансграничные риски для Центральной Азии и России¹³⁸.

Активизация исламистских радикальных движений в Центральной Азии является одним из ключевых аспектов, тесно связанных с афганским кризисом и системно исследуемых Центром изучения современного Афганистана ИВ РАН. Эксперты института отмечают нарастающую тенденцию радикализации ислама в регионе, подпитываемую соседством с нестабильным Афганистаном, где после многолетних вооружённых конфликтов сконцентрировались различные экстремистские и террористические группировки¹³⁹.

В экспертных оценках Института востоковедения РАН подчёркивается, что постепенное изменение официального отношения России к движению «Талибан»* отражает трансформацию внешнеполитической стратегии Москвы в отношении Афганистана¹⁴⁰.

Как отмечает старший научный сотрудник Центра изучения современного Афганистана ИВ РАН Мохаммад Омар Нессар, озвученные в мае 2024 г. инициативы МИД и Минюста по исключению движения из списка террористических организаций стали юридическим шагом, закрепившим

¹³⁸ Нессар О. М. Современный Афганистан. // Россия и мир: научный диалог. URL: <https://www.russia-world.ru/jour/article/view/59> (дата обращения: 03.11.2024).

¹³⁹ Зейферт А. К. Гражданское противодействие религиозному радикализму в Центральной Азии. Институт востоковедения РАН, 2020. 69 с. URL: <https://book.ivran.ru/book?id=5010> (дата обращения: 19.10.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹⁴⁰ Что может означать изменение статуса «Талибана» в России // Институт востоковедения Российской академии наук. ИВ РАН в СМИ. 28 мая 2024 г. URL: <https://www.ivran.ru/ivran-v-smi?artid=216169> (дата обращения: 19.10.2025).

фактическое признание талибского правительства – России как реальной власти в Афганистане. По мнению эксперта, этот шаг устранил длительный правовой казус, при котором Москва поддерживала контакты с Кабулом, не имея для этого формальной правовой основы. При этом, как подчёркивает Нессар, признание носит прагматический и ограниченный характер – оно не означает автоматической легитимации талибов в международном правовом поле, а призвано создать условия для развития экономического и дипломатического взаимодействия, важного для обеспечения безопасности южных рубежей постсоветского пространства. Российский подход, таким образом, характеризуется стремлением адаптировать политику к реальной конфигурации власти в Афганистане, сохраняя при этом принципы инклюзивности и требование соблюдения прав женщин и этноконфессиональных меньшинств¹⁴¹.

В аналитических публикациях Института востоковедения РАН подчёркивается, что ключевым условием стабилизации обстановки в Афганистане остаётся внутри афганский политический диалог, без которого невозможно преодолеть гуманитарный и социально-экономический кризис. Как отмечает Н. Д. Плотников, ведущий научный сотрудник Центра научно-аналитической информации ИВ РАН, движение «Талибан»* установив жёсткий контроль над всеми сферами общественной жизни, не предложило реальной программы национального примирения и государственного строительства¹⁴².

По оценке исследователя, несмотря на прекращение крупномасштабных боевых действий после вывода войск США, уровень насилия в стране остаётся высоким, а территория Афганистана продолжает

¹⁴¹ Что может означать изменение статуса «Талибана» в России // Институт востоковедения Российской академии наук. ИВ РАН в СМИ. 28 мая 2024 г. URL: <https://www.ivran.ru/ivran-v-smi?artid=216169> (дата обращения: 19.10.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹⁴² Плотников Н. Д. Спасти Афганистан может только внутриафганский диалог // Еженедельник «Звезда». 2023. Источник: Институт востоковедения РАН. URL: <https://www.ivran.ru/ivran-v-smi?artid=212470> (дата обращения: 19.10.2025).

использоваться различными экстремистскими организациями – от «Исламского государства – Хорасан»¹⁴³ до движения «Ансаруллах»¹⁴⁴ и Исламского движения Узбекистана¹⁴⁵. Кроме того, усиливаются трансграничные риски для Центральной Азии, включая угрозы со стороны афганских террористических формирований и продолжающийся рост наркопроизводства. Плотников указывает, что, наряду с героиновым бизнесом, Афганистан превращается в центр производства метамфетамина, что значительно усложняет борьбу с наркоторговлей и усиливает криминализацию экономики. В экспертной оценке ИВ РАН подчёркивается, что единственным устойчивым путём к миру может стать инклюзивный политический процесс, предполагающий участие всех этнических и религиозных групп страны, а также развитие добрососедских отношений и экономической интеграции Афганистана с государствами региона.

Наряду с Институтом востоковедения РАН, значительную исследовательскую активность в области анализа афганской проблематики проявляет Центр исследований постсоветских стран (ЦИПС), специализирующийся на комплексной оценке политических, этноконфессиональных и геополитических процессов на постсоветском пространстве. ЦИПС функционирует как независимая аналитическая структура, объединяющая экспертов со всего постсоветского пространства, работающих на стыке политологии, международных отношений и региональной безопасности.

В последние годы (после 2021 г.) эксперты Центра Д.Р. Итяшева, А.А. Лушина и К.Х. Рахимов и Д.Д. Чекрыгина в статье «Новый режим в Афганистане как вызов безопасности Республики Таджикистан» уделяют особое внимание ситуации в Афганистане и связанным с ней вызовам безопасности Центральной Азии. Они фиксируют возросшие риски терроризма, распространения радикального ислама и наркотрафика после

¹⁴³ Организация запрещена на территории РФ.

¹⁴⁴ Организация запрещена на территории РФ.

¹⁴⁵ Организация запрещена на территории РФ.

прихода к власти движения «Талибан»* в 2021 г.¹⁴⁶ Так, подчёркивается уникальная позиция Таджикистана, имеющего самую протяжённую границу с Афганистаном: Душанбе не признаёт легитимность правления талибов, а президент Э. Рахмон призвал создать вокруг Афганистана «пояс безопасности» в ответ на ухудшение обстановки на границе. Аналитики ЦИПС Д.Р. Итяшева, А.А. Лушина и К.Х. Рахимов и Д.Д. Чекрыгина указывают на наличие более 40 лагерей подготовки боевиков (свыше 6 тыс. участников) в северных провинциях Афганистана и напоминают, что летом 2021 г. талибы освободили тысячи заключённых, многие из которых пополнили ряды радикалов – эти факторы напрямую угрожают стабильности Центральной Азии¹⁴⁷.

Отдельное внимание уделяется трансграничной преступности. В монографии Ахмад Зия Мусави и К.П. Курылева «Политика и опиум: Пути контрабанды наркотиков из Афганистана в Центральную Азию» представлен комплексный анализ проблемы незаконного афганского наркотрафика и её влияния на безопасность Центральной Азии, причём подчёркивается глобальный характер этой угрозы и роль России в противодействии распространению афганских наркотиков¹⁴⁸.

Характеризуя оценки постсоветских государств, следует отметить, что они во многом определяются степенью близости к Афганистану и глубиной вовлечённости в региональные процессы. Таджикистан, имеющий самую протяжённую границу с Афганистаном и историко-культурную общность с ним, выработал наиболее жёсткий подход. Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан¹⁴⁹ – главный аналитический институт страны – акцентирует непосредственные угрозы,

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹⁴⁶ Итяшева Д. Р., Лушина А. А., Рахимов К. Х., Чекрыгина Д. Д. Новый режим в Афганистане как вызов безопасности Республики Таджикистан // «Постсоветские исследования». 76-86. (2023).

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ «Политика и опиум: Пути контрабанды наркотиков из Афганистана в Центральную Азию» // Центр исследований постсоветских стран. URL: <https://www.postussr.ru/publikatsii/64/> (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁴⁹ Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан. Общая информация URL: https://mts.tj/?page_id=325&lang=ru (дата обращения: 03.10.2025).

исходящие с афганской территории. В своих докладах таджикские эксперты подробно фиксируют случаи проникновения экстремистов и контрабанды через общую границу, указывая на рост опасности для приграничных районов. Ключевой акцент в оценках таджикистанских аналитиков делается на недопустимости легитимации радикальных групп ¹⁵⁰.

Отмечается, что Душанбе, как наиболее уязвимый к дестабилизации актор, последовательно отстаивает жёстко отрицательную линию в отношении диалога с террористическими организациями, опасаясь «*талибанизации*» региона. При этом в официальных обзорах подчёркивается особая роль этнического фактора: значительная доля населения Афганистана (порядка 25% по различным оценкам)¹⁵¹ – это носители таджикского языка дари, связанные с Таджикистаном общей культурно-языковой традицией. Исходя из этого, Центр стратегических исследований при президенте РТ обосновывает внешнеполитическую линию Душанбе на поддержку принципа инклюзивного правительства в Кабуле и защиты прав афганских таджиков ¹⁵².

Позиция Республики Таджикистан на афганском направлении институционально артикулируется через концепт формирования «пояса безопасности»¹⁵³ вокруг Афганистана с участием смежных государств. Данная идея, восходящая к выступлениям Президента Э. Рахмона конца 1990-х гг., была реактуализирована в 2021–2022 гг. на площадках ШОС и ОДКБ и получила конкретизацию в обращении на внеочередной сессии ОДКБ 10 января 2022 г., где указывалось на функционирование «десятков лагерей

¹⁵⁰ Исполнительный комитет Содружество Независимых Государств. «В Душанбе прошёл первый раунд политических консультаций между руководителями аналитических структур МИД Казахстана и Таджикистана»

URL:https://eccis.org/news/20474/v_dushanbe_proshjol_pervyj_raund_politicheskikh_konsultacij_mezhdu_rukovoditeljami_analiticheskikh_struktur_mid_kazahstana_i_tadzhikistana (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁵¹ Какова роль «Талибана» в активизации террористических организаций центральноазиатского происхождения // AsiaPlus TJ. URL: <https://asiaplus.tj.info/ru/news/opinion/20220726/kakova-rol-taliban-v-aktivizatsii-terroristicheskikh-organizatsij-tsentralnoaziatskogo-proishozhdeniya> (дата обращения: 03.08.2025).

¹⁵² Ризоён Ш. «Таджикистан и ОДКБ: вызовы и перспективы региональной безопасности» // Central Asia Analytical Network. 25 января 2023. URL: <https://www.caa-network.org/archives/24630/tadzhikistan-i-odkb-vyzovy-i-perspektivy-regionalnoj-bezopasnosti> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁵³ МТРК «Мир» «Рахмон: Странам ШОС и ОДКБ необходимо создать вокруг Афганистана надёжный пояс безопасности» 17.09.2021. URL:<https://tj.mir24.tv/news/16475233/rahmon-stranam-shos-i-odkb-neobhodimo-sozdat-vokrug-afganistana-nadezhnyi-poyas-bezopasnosti#> (дата обращения: 03.08.2025).

подготовки боевиков» в северных провинциях Афганистана и, как следствие, на необходимость координированного укрепления южного стратегического направления, усиления пограничной инфраструктуры и совместного мониторинга трансграничных угроз¹⁵⁴.

Этот нормативно-политический нарратив последовательно воспроизводится в аналитике Центра стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан. В публичных комментариях руководства ЦСИ (в т. ч. Х. Усмонзода)¹⁵⁵ подчёркивается принципиальная непризнанность де-факто властей Кабула до выполнения базовых условий: формирования по-настоящему инклюзивного правительства с участием этно-конфессиональных меньшинств, соблюдения фундаментальных прав и свобод, а также однозначного разрыва связей с международными террористическими организациями. Экспертная активность ЦСИ – включая профильные конференции и диалоговые форматы в орбите ШОС – фокусируется на технологизации «жёсткого пограничного режима», синхронизации погранично-антитеррористических практик государств-партнёров и защите прав афганских таджиков как уязвимой общности, что рассматривается Душанбе в качестве необходимого условия снижения конфликтного потенциала на севере Афганистана.

В аналитических материалах подчёркивается, что отказ талибов включить национальные меньшинства во власть усиливает напряжённость и может спровоцировать новый виток гражданского противостояния¹⁵⁶. Основной вывод таджикистанской стороны сводится к необходимости сохранения жёсткой позиции: без выполнения требований по политической

¹⁵⁴ Central Asia Analytical Network. «Таджикистан и ОДКБ: вызовы и перспективы региональной безопасности» URL: <https://www.caa-network.org/archives/24630/tadzhikistan-i-odkb-vyzovy-i-perspektivy-regionalnoj-bezopasnosti> (дата обращения: 03.05.2025).

¹⁵⁵ Кудаяров Каныбек Акматбекович «Аналитические центры таджикистана» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskie-tsentry-tadzhik> (дата обращения: 0.10.2025).

¹⁵⁶ Рахмон Э. «Странам Шанхайская организация сотрудничества и Организация Договора о коллективной безопасности необходимо создать вокруг Афганистан надёжный пояс безопасности». 2021. URL: <https://tj.mir24.tv/news/16475233/rahmon-stranam-shos-i-odkb-neobhodimo-sozdat-vokrug-afganistana-nadezhnyi-poyas-bezopasnosti#> (дата обращения: 03.10.2025).

инклюзивности и борьбе с терроризмом официальный Душанбе не торопится устанавливать полноценные отношения с новым афганским режимом. Тем не менее, некоторые таджикские исследователи признают, что Таджикистан не может игнорировать Афганистан полностью – параллельно с жёсткими заявлениями продолжается торгово-экономическое взаимодействие (в 2023 г. товарооборот превысил 98 млн. долл.), реализуются образовательные проекты для афганских беженцев и молодежи¹⁵⁷.

Казахстан выстраивает политику в отношении Афганистана в рамках прагматичной комбинации мер: развитие торгово-экономических связей и проектов инфраструктурной связности при одновременном учёте рисков безопасности. Для Казахстана, географически отдалённого от Афганистана, афганский кризис представляет скорее макрорегиональный вызов, влияющий на общую архитектуру безопасности Центральной Азии. Ключевым аналитическим институтом, формирующим внешнеполитическую экспертизу Республики Казахстан в области международной безопасности, выступает Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ). Созданный в 1993 г., КИСИ выполняет функции государственного экспертно-прогностического центра, обеспечивающего аналитическое сопровождение деятельности главы государства, Администрации Президента и профильных ведомств. В структуре института действуют сектора, специализирующиеся на региональной безопасности, международных отношениях и внешнеэкономических связях, что позволяет формировать комплексную оценку динамики процессов в сопредельных государствах, включая Афганистан¹⁵⁸.

В статье директора КИСИ Еркина Тукумова подчёркивается баланс между признанием реальных рисков, исходящих от афганской

¹⁵⁷ В Душанбе обсудили торгово-экономическое сотрудничество Таджикистана и Афганистана // URL: <https://dialog.tj/v-dushanbe-obsudili-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-tadzhikistana-i-afganistana/> (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁵⁸ Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. URL: <https://kisi.kz/ru/obshhaya-informachiya/> (дата обращения: 13.06.2025).

нестабильности, и прагматизмом, продиктованным национальными интересами Казахстана¹⁵⁹. С одной стороны, отмечается опасность усиления терроризма, наркотрафика и радикальной идеологии, которые в случае кризиса в Афганистане могут затронуть весь регион. Еркин Тукумов отмечает, что серьёзное потрясение в Афганистане способно негативно сказаться не только на безопасности, но и на экономике РК, учитывая её роль транзитного узла и инвестора в Центральной Азии¹⁶⁰. С другой стороны, Еркин Тукумов подчеркивает необходимость конструктивного участия Казахстана в афганских делах. Акцент делается на проактивной «дипломатии сотрудничества»: Астана последовательно позиционирует себя как миротворец и посредник, готовый содействовать внутреннему примирению в Афганистане и интеграции страны в региональные экономические проекты.

Так, в Казахстане реализуются программы обучения афганских студентов, особенно женщин, в казахстанских вузах – в 2022–2024 гг. на эти цели было выделено около 50 млн долл. Также казахстанские компании участвуют в инфраструктурных проектах (например, управление ж/д линией в Афганистане с 2022 г.), что свидетельствует о стремлении увязать безопасность с развитием. В целом, казахстанские аналитические доклады сходятся во мнении, что оптимальной для РК является комбинация мер: сохранение бдительности и оборонных ресурсов на случай ухудшения ситуации (силовой компонент) при одновременном углублении экономического и дипломатического взаимодействия с Афганистаном (мягкий компонент).

Узбекистан, непосредственно граничащий с Афганистаном, исторически занимает активную позицию в вопросах урегулирования афганского конфликта и стабилизации посткризисных процессов. После 2021

¹⁵⁹ Директор КИСИ опубликовал статью об Афганистане на ведущей европейской новостной платформе // Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. 2025. URL: <https://kisi.kz/ru/direktor-kisi-opublikoval-statju-ob-afganistane-na-vedushhej-evropejskoj-novostnoj-platforme/#:~:text=Автор%20подчеркивает%2C%20что%20Казахстан%20сохраняет> (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁶⁰ Там же.

г. официальный курс внешней политики Ташкента приобрёл выраженные черты прагматического вовлечения, противопоставленного политике изоляции. В выступлениях Президента Ш. М. Мирзиёева последовательно проводится идея о необходимости интеграции Афганистана в региональные экономические и гуманитарные процессы, что рассматривается в качестве залога долгосрочной безопасности Центральной Азии. Как подчёркивалось в его обращениях на саммитах ШОС и международных конференциях, «Афганистан должен стать частью регионального развития, а не выпадающим звеном»¹⁶¹.

Узбекистан, будучи непосредственно заинтересованным в стабильности на южных границах, развивает собственную экспертизу афганского направления через Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан (ИСМИ) и другие площадки. Узбекские аналитики Алексей Кустов и Ирода Имамова исходят из высокой чувствительности внутренней безопасности страны к любым изменениям обстановки в Афганистане¹⁶².

В то же время Узбекистан демонстрирует более гибкий и прагматичный подход по сравнению с соседями. В аналитических комментариях отмечается, что Ташкент стремится позиционировать себя как региональный посредник, способный поддерживать контакты со всеми силами в Афганистане, включая талибов. Такой курс обусловлен практическими расчетами: Узбекистану жизненно важно сохранить торгово-экономические связи, в частности транзит через Афганистан, проекты вроде железной дороги в Мазари-Шариф и предотвратить превращение Афганистана в закрытый очаг нестабильности у своих границ.

Узбекский аналитик С. Пайкар подчеркивает, что узбекская стратегия объединяет жесткие меры безопасности, в частности усиление охраны

¹⁶¹ Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. О Институте. URL: <https://www.isrs.uz/ru/page/smti-haqida> (дата обращения: 03.06.2025).

¹⁶² Кустов А., Имамова И. СНГ в фокусе внешней политики Узбекистана // ИСМИ. 2025. <https://isrs.uz/ru/maqolalar/sng-v-fokuse-vnesnej-politiki-uzbekistana> (дата обращения: 03.06.2025).

границы, активное сотрудничество спецслужб с партнёрами, проведение антитеррористических учений с элементами конструктивного взаимодействия – от диалога с де-факто властями Кабула до культурно-гуманитарных инициатив, призванных смягчить почву для радикализации. В частности, Ташкент уже в 2021–2022 гг. выступил организатором ряда международных встреч по афганской проблематике, призывая мировое сообщество к выработке общей позиции по вовлечению Афганистана в региональные проекты. Так, в пример можно привести перспективу подключения Афганистана к транспортно-энергетическому коридору CASA-1000 ¹⁶³.

В оценках узбекского эксперта Фурката Сиддикова подчеркивается, что такая «срединная позиция» несёт издержки – она уязвима перед непредсказуемостью действий радикалов и колебаниями политики великих держав. При этом он исходит из отсутствия у Узбекистана альтернативы диалогу: политика изоляции Кабула могла бы привести к ещё большим рискам. Общий вывод узбекских экспертов состоит в том, что инклюзивный и устойчивый мир в Афганистане отвечает интересам Ташкента, а потому Узбекистан готов выступать инициатором региональных усилий по стабилизации, сочетая охрану собственных границ с активной дипломатией ¹⁶⁴.

Беларусь, не имеющая прямой границы с Афганистаном, тем не менее рассматривает афганский конфликт через призму обеспечения коллективной безопасности и устойчивости евразийского пространства. Как союзное государство Российской Федерации и активный участник ОДКБ, Республика Беларусь придаёт особое значение анализу трансрегиональных угроз, исходящих из Афганистана, в контексте функционирования единой системы стратегической обороны на постсоветском пространстве.

¹⁶³ Пайкар С. «Инициативы, выдвигаемые Узбекистаном, заложили прочную основу для укрепления взаимосвязанности» // Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. 2025. URL: <https://isrs.uz/ru/xorijiy-ekspertlar-fikri/sangar-pajkar-iniciativy-vydvigaemye-uzbekistanom-zalozili-procnuu-osnovu-dla-ukreplenia-vzaimosvazannosti> (дата обращения: 03.10.2025)

¹⁶⁴ Узбекистан выступает за создание инклюзивного правительства в Афганистане. 2021. URL: <https://report.az/ru/vneshnyaya-politika/uzbekistan-vystupaet-za-sozдание-inklyuzivnogo-pravitelstva-v-afganistane/> (дата обращения: 03.10.2025).

Институционализированным центром аналитической деятельности в данной сфере выступает Белорусский институт стратегических исследований (БИСИ), созданный в 2019 г. Указом Президента Республики Беларусь¹⁶⁵. В рамках своей деятельности БИСИ осуществляет экспертно-прогностический мониторинг международных конфликтов, тенденций глобальной безопасности и динамики региональных кризисов. Афганская проблематика занимает устойчивое место в исследовательской повестке института, где она рассматривается как один из ключевых элементов формирующегося «пояса нестабильности» на южных рубежах постсоветского пространства.

Белорусские аналитики например, Ю. Ярмолинский и А. Дударёнок прямо указывают на связь афганских событий с «гибридным давлением» на союзников Москвы: по их оценке, поддержание хаоса в Афганистане позволяет определённым западным кругам отвлекать ресурсы России и её партнёров, а также служит удобным предлогом для информационных атак. В одной из публикаций БИСИ афганская ситуация была даже образно названа частью «Большой игры 2.0» в Азии – «Афганистан: пиррова победа», где отмечается, что победа США в войне оказалась мнимой и обернулась долгосрочными проблемами¹⁶⁶. На основе такого анализа БИСИ делает вывод о необходимости для Беларуси сохранять высокую обороноспособность и тесную координацию с Россией в сфере безопасности¹⁶⁷.

В условиях глобальной турбулентности даже удалённый афганский конфликт рассматривается Минском как потенциальный фактор внешнего давления, к которому надо быть готовым. Эта позиция нашла отражение в официальных документах и заявлениях: Беларусь неизменно поддерживает

¹⁶⁵ Белорусский институт стратегических исследований (БИСИ). URL:<https://bistr.gov.by/o-bisi> (дата обращения: 03.05.2025).

¹⁶⁶ Ярмолинский Ю. ««Большая игра в Азии 2.0»: Центральная Азия снова в «игре»» // Белорусский институт стратегических исследований. 2022. URL:<https://bistr.gov.by/mneniya/bolshaya-igra-v-azii-20-centralnaya-aziya-snova-v-igre> (дата обращения: 22.11.2024).

¹⁶⁷ Там же.

усилия ОДКБ по укреплению южных рубежей и осуждает любые попытки подрвать попытки Афганистана в построении стабильного мира¹⁶⁸.

Киргизия, не имеющая общей границы с Афганистаном, тем не менее рассматривает развитие ситуации в этой стране сквозь призму потенциальных рисков для безопасности в Ферганской долине и на южных рубежах государства. В первые недели после прихода движения «Талибан»* к власти (август 2021 г.) официальные представители Бишкека заявили о необходимости укрепления обороноспособности и готовности к отражению возможных трансграничных угроз, апеллируя к опыту Баткенских событий 1999–2000 гг., когда на территорию Кыргызстана проникали вооружённые формирования из сопредельных афганских и таджикских районов¹⁶⁹.

Аналитическое и экспертное обеспечение государственной политики Кыргызской Республики в сфере внешней и региональной безопасности осуществляется Национальным институтом стратегических инициатив при Президенте Кыргызской Республики (НИСИ) – правопреемником упразднённого в 2010-е гг. Национального института стратегических исследований. Современная институциональная модель НИСИ отражает тенденцию к усилению экспертного сопровождения процессов стратегического планирования и внешнеполитического прогнозирования.

Институт активно участвует в международных и региональных экспертных сетях, что способствует интеграции кыргызской исследовательской повестки в более широкий контекст евразийской аналитики. Так, представители НИСИ приняли участие в Форуме аналитических центров «Центральная Азия – Россия», в рамках которого

¹⁶⁸ Организация Договора о коллективной безопасности. «В Москве 16 мая пройдет встреча глав государств-членов ОДКБ, посвященная 30-летию подписания» URL: <https://odkb-csto.org/30-let-odkb/novosti/news/v-moskve-16-maya-proydet-vstrecha-glav-gosudarstv-chlenov-odkb-posvyashchennaya-30-letiyu-podpisaniya/> (дата обращения: 03.10.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹⁶⁹ Маматалиев А. «Баткенские события – это первое испытание, выпавшее на долю суверенного Кыргызстана: отразив нападение, мы смогли доказать, что сможем отстоять и защитить своё» // Правительство Кыргызской Республики. URL: <https://www.gov.kg/ru/post/s/abdyirahman-mamataliev-batkenskie-sobyitiya-eto-pervoe-ispytanie-vyipavshee-na-dolyu-suverennogo-kyrgyzystana-otraziv-napadenie-myi-smogli-dokazat-chto-smozhem-otstoyat-i-zashhitit-svoe> (дата обращения: 22.02.2025).

рассматривались вопросы трансграничной безопасности, афганской проблематики и перспектив региональной координации¹⁷⁰.

В контексте трансформации региональной архитектуры безопасности Центральной Азии 2023 год стал переломным моментом во внешнеполитическом позиционировании Кыргызской Республики в отношении Афганистана. В этот период Бишкек предпринял шаги по пересмотру правового статуса движения «Талибан»*, что стало отражением стремления к корректировке прежней модели взаимодействия с афганской стороной. Отказ от жёсткой политики отчуждения трактуется в экспертной среде как переход к ограниченно прагматическому формату контактов с де-факто властями в Кабуле при сохранении общей ориентации на многосторонние механизмы обеспечения безопасности.

Данный сдвиг сопровождался активацией торгово-экономических связей, что подтверждается статистическими и аналитическими данными национальных исследовательских структур. Согласно оценкам, представленным в докладе Центра стратегического развития Кыргызской Республики («Кыргызстан и Афганистан: перспективы двустороннего сотрудничества», 2025), объёмы взаимной торговли между двумя странами за период 2021–2023 гг. увеличились более чем в десять раз: экспорт кыргызской продукции вырос с 1,2 млн до 21,5 млн долл., а импорт афганских товаров – до 5,3 млн долл. Такой рост интерпретируется аналитиками как проявление высокой корреляции между либерализацией внешнеполитических установок и динамикой экономического обмена.

В материалах экспертов Национального института стратегических инициатив при Президенте Кыргызской Республики (НИСИ) и независимых экспертных центров («Полис Азия», ICSD.kz) Сейтджан Апышева¹⁷¹ и

¹⁷⁰ Национальный институт стратегических инициатив при Президенте Кыргызской Республики. URL: <https://nisi.kg/about-us-page> (дата обращения: 03.02.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

¹⁷¹ Апышев С. Президентская дипломатия и Ферганский узел: опыт Кыргызстана // НИСИ. 2025. URL:

Бексултана Момунбекова¹⁷² подчёркивается, что корректировка внешнеполитического курса Бишкека обусловлена необходимостью адаптации к новой системе региональных взаимозависимостей. Кыргызстан, располагая ограниченными военными и экономическими ресурсами, формирует стратегию, основанную на принципах *гибкой вовлечённости* и *дипломатии малых государств*. В этом контексте официальный курс после 2023 г. приобретает комплексный характер, совмещая участие в коллективных механизмах безопасности (в первую очередь в рамках ОДКБ) с постепенным расширением экономического, гуманитарного и коммуникационного взаимодействия с Афганистаном.

Анализ экспертных оценок аналитических центров постсоветского пространства позволяет утверждать, что афганский кризис в их интерпретации выходит далеко за рамки локального конфликта и рассматривается как структурный элемент евразийской нестабильности, встроенный в более широкие геополитические и цивилизационные процессы. Несмотря на различия в национальных приоритетах и методологических подходах, в экспертном дискурсе прослеживается ряд системных проблем, формирующих ядро афганской повестки.

Во-первых, ключевой проблемой является внешняя обусловленность афганской нестабильности. Значительная часть российских и союзных экспертов сходится во мнении, что Афганистан на протяжении десятилетий использовался внешними акторами как инструмент геополитического влияния. При этом военное и политическое присутствие США и их союзников интерпретируется не столько как попытка стабилизации, сколько как фактор воспроизводства конфликта. Даже после вывода войск сохраняется восприятие Афганистана как потенциального плацдарма непрямого воздействия на Россию, Китай и Иран. Таким образом, афганский кризис

<https://nisi.kg/archives/1540> (дата обращения: 23.12.2025).

¹⁷² Момунбеков Б. Территориальные конфликты в мировой истории: право силы и сила права // НИСИ. 2024. URL: <https://nisi.kg/archives/501> (дата обращения: 03.02.2025).

предстает не автономным, а встроенным в логику глобального соперничества, что существенно снижает возможности его внутреннего урегулирования.

Во-вторых, эксперты указывают на хроническую институциональную слабость афганского государства, усугубившуюся после 2021 года. Несмотря на формальное прекращение масштабных боевых действий, движение «Талибан»^{*} не предложило инклюзивной модели государственного строительства, способной интегрировать этнические, религиозные и политические группы. Это порождает ситуацию «негативной стабильности», при которой отсутствие полномасштабной войны сочетается с высоким уровнем насилия, репрессий и социальной деградации. В данном контексте проблема Афганистана заключается не только в безопасности, но и в дефиците легитимного политического порядка, что делает любые внешние усилия по стабилизации уязвимыми.

В-третьих, существенное место в экспертных оценках занимает проблема трансграничных угроз, прежде всего терроризма и наркотрафика. Афганистан рассматривается как узловой источник нестабильности, последствия которой выходят далеко за его пределы. Особое внимание уделяется трансформации наркопроизводства — переходу от опиатов к синтетическим наркотикам, что качественно повышает уровень угроз для Центральной Азии и России. В этом смысле афганский кризис приобретает характер многоуровневого риска, сочетающего криминальные, террористические и социальные компоненты, с которыми невозможно справиться исключительно военными методами.

В-четвёртых, эксперты подчёркивают гуманитарное измерение кризиса, которое нередко оказывается вторичным в политико-стратегических дебатах, но фактически формирует долгосрочные предпосылки нестабильности. Ограничение прав женщин, деградация системы образования и занятости, рост бедности и изоляция Афганистана от международных гуманитарных каналов создают почву для радикализации и воспроизводства насилия. В

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

авторской интерпретации именно игнорирование гуманитарного фактора превращает Афганистан в «консервацию кризиса», где безопасность подменяет развитие, а контроль — устойчивость.

В-пятых, анализ выявляет противоречие между стратегиями изоляции и вовлечения, которое по-разному решается государствами постсоветского пространства. Таджикистан делает ставку на жёсткое сдерживание и непризнание, Узбекистан и Казахстан — на прагматичное вовлечение, Кыргызстан — на адаптивную гибкость, Россия — на ограниченное признание де-факто реальности. Это различие отражает не столько расхождение оценок, сколько отсутствие универсальной модели взаимодействия с Афганистаном. В целом эксперты фиксируют, что политика изоляции усиливает риски, но и безусловное вовлечение без политических условий несёт угрозу легитимации радикальных практик.

В совокупности представленные оценки позволяют сделать вывод, что афганский кризис в экспертном дискурсе постсоветского пространства осмысливается как долгосрочный системный вызов, требующий синтеза силовых, политико-дипломатических, экономических и гуманитарных инструментов. Его специфика заключается в том, что Афганистан одновременно является и источником угроз, и потенциальным элементом региональной стабилизации — при условии формирования инклюзивного политического процесса и вовлечения в региональные связи.

Таким образом, основная проблема, выявляемая в экспертных оценках, состоит не в отсутствии понимания рисков, а в структурной ограниченности существующих механизмов реагирования, которые пока не позволяют трансформировать Афганистан из объекта сдерживания в субъект региональной безопасности.

1.3. Афганский вектор во внешней политике постсоветских государств: детерминанты и современные тенденции

Политика постсоветских стран в отношении Афганистана формируется под влиянием исторических прецедентов, национальных интересов в сфере безопасности, экономических расчетов и многоуровневых геополитических факторов, возникающих в контексте глобальной борьбы за влияние. Исторический фон, связанный с военным присутствием СССР в Афганистане в 1979–1989 гг., обуславливает восприятие этой страны как потенциального источника рисков, однако экономические выгоды от сотрудничества и гуманитарные обязательства побуждают их к разработке новых форматов взаимодействия. Безопасность и борьба с терроризмом остаются центральными темами, поскольку «угрозы, возникающие из-за нестабильности в Афганистане, многократно затрагивали национальную безопасность Российской Федерации»¹⁷³.

Тем не менее двусторонние и многосторонние контакты усложняются неоднородностью политических систем на постсоветском пространстве, а также неодинаковым видением роли Афганистана в региональной и глобальной политике. Их изучение позволяет выделить военные, экономические, дипломатические и культурные факторы, которые определяют характер отношений постсоветских стран с Кабулом, формируя своеобразный баланс интересов и стратегий.

Начиная с 1990-х гг. политические аспекты отношений постсоветских государств с Афганистаном отражают сочетание реалистического подхода, направленного на обеспечение безопасности и проецирование влияния, с элементами конструктивистского восприятия, предполагающего опору на общественное мнение, культурно-исторические связи и роль СМИ. В этом контексте особенно прослеживается политика России, продолжающей играть роль главного стратегического актора в регионе. Она исходит из того, что «советское вторжение в Афганистан стало переломным моментом, оказавшим влияние на все последующие этапы взаимодействия», поскольку этот опыт

¹⁷³Козюлин В. Враг моего врага: Москва в поиске новых союзников. 2016. URL: <https://pircenter.org/wp-content/uploads/2022/11/Russia-Confidential-2016-N01-RUS.pdf> (дата обращения: 05.07.2025).

отразился на общественном сознании, военных доктринах и внешнеполитических приоритетах государства¹⁷⁴.

Для России приоритетом является минимизация рисков проникновения экстремистских идеологий и структур с территории Афганистана в соседние страны и на собственную территорию. Вслед за этим возникает необходимость поддерживать дипломатические контакты даже с теми силами, которые ранее были объявлены террористическими, – практикующийся ныне формат консультаций с талибами иллюстрирует переход к более гибким формам взаимодействия. Так, в августе 2021 г. Россия сохранила функционирование посольства в Кабуле и перешла к рабочим консультациям с де-факто властями. Уже на второй день после смены режима в Кабуле, посол России Д. Н. Жирнов провёл встречу с представителями движения, получив подтверждение гарантий безопасности для дипмиссии¹⁷⁵.

20 октября 2021 г. в Москве состоялось заседание «московского формата» по Афганистану с участием делегации талибов во главе с и. о. министра иностранных дел А. Х. Муттаки, а также представителей России, Китая, Пакистана, Ирана, Индии и пяти государств Центральной Азии¹⁷⁶. При отсутствии формального международного признания нового правительства российская дипломатия обосновывала поддержание контактов их прагматическим характером и задачами региональной стабилизации; как отмечал С. В. Лавров, эти контакты рассматривались как взаимодействие с частью афганского общества. Тем самым консультационный трек закрепил переход к более гибким формам вовлечения де-факто властей в обсуждение вопросов безопасности. При этом на международной арене РФ стремится к

¹⁷⁴ Введение в исследования границ / под ред. С. В. Севастьянова, Ю. Лайне, А. А. Киреева. – Владивосток: Дальнаука, 2016. 426 с. С. 35–64.

¹⁷⁵ Посол России рассказал о встрече с представителями «Талибана» // Ведомости – 17.08.2021. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/08/17/882445-posol-rossii-rasskazal-o-vstreche-s-predstaviteliyami-talibana> (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁷⁶ В Москве прошли переговоры с талибами. Россия согласна помочь Афганистану, но не готова признать «Талибан» // Лента.ру – 21.10.2021. – URL: https://lenta.ru/brief/2021/10/21/peregovory_v_moskve/ (дата обращения: 22.02.2024).

признанию своей роли посредника и ключевого партнера по обеспечению безопасности в таких форматах, как, например, ОДКБ, ШОС и СНГ.

Важнейшим направлением, формирующим специфику отношений, становится экономическая составляющая. Многие государства постсоветского пространства, особенно центральноазиатские республики, видят в Афганистане не только зону потенциальной дестабилизации, но и связующее звено в региональных транспортных коридорах. Так, планируется развитие трансафганской железной дороги – маршрут «Узбекистан–Афганистан–Пакистан», длиной около 573 км, который может существенно повысить логистическую связанность и сократить время доставки во внешнюю Южную Азию¹⁷⁷. Расширение торговли, развитие логистики и совместных энергетических проектов, а также доступ к афганским недрам начиная с 1993-2000-х гг. представляют интерес для стран, стремящихся диверсифицировать собственные рынки. По данным Министерства торговли и интеграции Казахстана, в 2023 г. товарооборот с Афганистаном превысил 1 млрд долл. США, а для территории Афганистана открывается Торговый дом Казахстана в Херате – объект, обеспечивающий двустороннее продвижение товаров и диверсификацию поставок.¹⁷⁸ В свою очередь, Узбекистан последовательно развивает торгово-экономическое взаимодействие с Афганистаном, уделяя особое внимание созданию устойчивой инфраструктуры двусторонних связей. В 2025 г. в Кабуле и Мазари-Шарифе были открыты узбекские торгово-логистические представительства, что стало важным шагом для институционализации сотрудничества¹⁷⁹.

¹⁷⁷ РФ и Узбекистан подписали документы о проекте Трансафганской железной дороги // ALTA. Новости логистики. 08.04.2025. URL: https://www.altar.ru/logistics_news/118276 (дата обращения: 06.09.2025).

¹⁷⁸ Казахстан и Афганистан намерены расширять торгово-экономическое сотрудничество. // Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан. – Астана, 2024. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/597308?lang=ru> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁷⁹ Президент Республики Узбекистан обсудил вопросы торгово-экономического сотрудничества с Афганистаном // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. – 03.07.2025. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/8297> (дата обращения: 06.09.2025).

При этом инвестиции нередко сопровождаются рисками, вызванными слабостью афганских институтов, недостаточной прозрачностью финансовой сферы и сохраняющейся угрозой терактов. Некоторые страны, такие как Казахстан и Узбекистан, придают особое значение гуманитарным программам, которые создают в Афганистане благоприятную социальную среду для проектов в образовании и здравоохранении¹⁸⁰.

Экономические инициативы постсоветских стран в афганском направлении выполняют не только задачи развития, но и служат инструментом сдерживания миграционных потоков. Согласно данным УВКБ ООН, по состоянию на июнь 2025 г. за пределами Афганистана находилось более 5,26 млн афганских граждан, из которых около 3,47 млн зарегистрированы в Иране, а 1,76 млн – в Пакистане¹⁸¹. Усиление депортационных практик в соседних государствах приводит к росту числа вынужденных возвращений: в 2025 г. в Афганистан вернулось свыше 2,55 млн человек, что оказывает давление на социально-экономическую ситуацию в стране и повышает риск вторичных миграционных потоков в северном направлении¹⁸². В государствах Центральной Азии абсолютные значения скромнее, но значимы для институциональных возможностей: в Таджикистане официально зарегистрировано около 13,6 тыс. афганцев, в Узбекистане – около 8 тыс., в Туркменистане – около 3,3 тыс.¹⁸³.

Комплексный подход постсоветских государств к афганскому вектору, объединяющий экономические инициативы и меры по обеспечению безопасности, зафиксирован в официальных декларациях и соглашениях региональных структур. В решениях ОДКБ подчёркивается необходимость усиления охраны таджикско-афганской границы, регулярного проведения антинаркотических операций «Канал» и совместных учений, направленных

¹⁸⁰ Korolev, A. Bringing Geopolitics Back In: Russia's Foreign Policy and Its Relations with the Post-Soviet Space // Oxford University Press, 2015. URL: <https://academic.oup.com/isr/article-abstract/17/2/298/1797875> (дата обращения: 13.03.2025)

¹⁸¹ Статистика по ситуации в Афганистане // Operational Data Portal. – 30.06.2025. – URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/afghanistan> (дата обращения: 06.09.2025).

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

на отработку алгоритмов противодействия трансграничным угрозам¹⁸⁴.¹⁸⁵ Эти меры отражают понимание Афганистана как ключевого фактора устойчивости Центральной Азии и подчеркивают приоритет упреждающих действий над реактивными. В свою очередь, Астанинская декларация ШОС закрепила согласованную позицию государств-участников о необходимости комплексной нейтрализации каналов терроризма и наркотрафика, подтверждая возрастание роли ШОС в выстраивании коллективной архитектуры безопасности¹⁸⁶.

Параллельно в рамках ОДКБ проводились совместные учения, например, «Рубеж»¹⁸⁷ и «Взаимодействие»¹⁸⁸, призванные отработать методы противодействия транзитным вызовам, исходящим с афганской территории. В этих учениях участвовали Киргизия, Таджикистан и другие члены организации, формируя региональную систему, которая ориентирована на быстрый ответ в случае резкого обострения ситуации. Поставки вооружения, организация системы ПВО¹⁸⁹ и обмен разведывательными данными укрепляют оборонительный потенциал, что особенно критично для Таджикистана и Туркменистана, имеющих с Афганистаном протяжённую границу.

¹⁸⁴Проведена субрегиональная антинаркотическая операция «Канал-Авангард» // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/provedena-subregionalnaya-antinarkoticheskaya-operatsiya-kanal-avangard/ (дата обращения: 06.08.2025).

¹⁸⁵ О субрегиональной антинаркотической операции «Канал – Второй барьер» // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. 03.06.2022. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1816006/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000dc80fc641e56699a04bbf502c5d35b2f42d0ac9a02bfe017dc6384883024764c084f7d409e143000fca038f26fc7e540c185c9e46e2d686a077eb57a070c13676860e1eb8e4ae2982f5820691f18bd84239911ecc8155d96 (дата обращения 09.10.2024)

¹⁸⁶ Астанинская декларация Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества // Официальный сайт министерства иностранных дел Индии URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/37942/Astana_Declaration_of_the_Council_of_Heads_of_State_of_the_Shanghai_Cooperation_Organization (дата обращения: 06.07.2025).

¹⁸⁷ КСБР ЦАР в рамках учения «Рубеж-2022» в Таджикистане поставлена задача на «ликвидацию» незаконных вооружённых формирований // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. – 18.10.2022. URL: <https://odkb-csto.org/training/rubezh/ksbr-tsar-v-ramkakh-ucheniya-rubezh-2022-v-tadzhikistane-postavlena-zadacha-na-likvidatsiyu-nezakonn/> (дата обращения: 05.08.2025).

¹⁸⁸ Участники учений ОДКБ «Взаимодействие-2024», «Поиск-2024» и «Эшелон-2024» направляются в Кыргызскую Республику // Официальный сайт Организации Договора о коллективной безопасности. 30.09.2024. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/uchastniki-ucheniya-odkb-vzaimodeystvie-2024-poisk-2024-i-eshelon-2024-napravlyayutsya-v-kyrgyzskuyu/ (дата обращения: 05.08.2025).

¹⁸⁹ Объединенная система ПВО государств-участников СНГ (ОС ПВО СНГ) создана на основе соглашения десяти стран содружества (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), подписанного 10 февраля 1995 года в Алма-Ате.

Подобная тактика во многом стимулируется геополитическим противостоянием: в регионе присутствуют интересы Китая, США, Ирана и Пакистана, каждый из которых стремится влиять на развитие афганского кризиса. Это заставляет Россию и близкие к ней государства выстраивать собственные механизмы, чтобы избежать полной зависимости от западных или восточных стратегий. При этом «Афганистан для РФ имеет огромное значение с точки зрения безопасности, поскольку угрозы, порождаемые нестабильностью в стране, распространяются на различные сферы национальных интересов»¹⁹⁰.

Подход к анализу политики стран постсоветского пространства в отношении Афганистана должен быть адресным, так как каждая из них выстраивает собственную модель взаимодействия с Кабулом, опираясь на исторические связи, культурную общность, экономические интересы и специфику национальной безопасности. Несмотря на общие для региона вызовы, такие как угроза терроризма, наркотрафика и нестабильности, – реакции государств различаются, отражая их геополитическое положение и стратегические приоритеты. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть внешнеполитические шаги стран по отдельности, чтобы проследить их роль в формировании региональной архитектуры безопасности и оценить вклад каждого государства в урегулирование афганского кризиса.

Узбекистан демонстрирует политику сбалансированного прагматизма: он ведёт активный диалог с афганскими представителями, стараясь вовлечь Кабул в транспортные и торговые схемы, но при этом жёстко контролирует границу и периодически проводит пограничные учения. В этом контексте следует отметить уже ранее упомянутый железнодорожный коридор, связывающий Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар¹⁹¹. Запуск

¹⁹⁰ Yawar, M. E. Security and Political Relations Between Russia and Afghanistan // Akademik Tarih ve Düşünce Dergisi, 2024. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/3706330> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁹¹ Формирование транспортных коридоров Юго-Восточная Азия–ЕС, через систему Центральной Азии и Кавказа: презентация в рамках Caspian Sea Ports & Shipping 2022 “Большой Шёлковый путь” 2022. URL: <https://www.transportevents.com/presentations/georgia2022/UzbekistanRailways.pdf> (дата обращения: 06.06.2025).

проработки трассы запланирован на 2025 г., что подчёркивает долговременную приверженность Узбекистана региональной транспортной интеграции и снижению транзитных барьеров с Афганистаном.

Одновременно Узбекистан последовательно укрепляет оборонный потенциал на южных рубежах, используя формат двусторонних и многосторонних учений для повышения готовности силовых структур к реагированию на трансграничные вызовы. В ноябре 2021 г. на полигоне «Термез» проведены совместные манёвры «Хамкорлик-2021» с участием подразделений Казахстана, в ходе которых отрабатывались тактические сценарии нейтрализации незаконных вооружённых формирований и пресечения их проникновения на территорию республики; применялись беспилотные летательные аппараты, авиация и бронетехника, что свидетельствует о повышении технологичности вооружённых сил¹⁹².

Таджикистан. Отношения Таджикистана и Афганистана опираются на глубокую историческую и культурную общность. Таджикский и афганский народы связывают единая вера, язык персидской группы (таджикский и дари) и схожие традиции¹⁹³. Афганистан – многонациональное государство, среди различных групп этнические таджики составляют вторую по численности общность, их долю оценивают примерно в 25–27% населения (около 9–12 млн человек) по данным различных международных источников¹⁹⁴. Официальный Душанбе нередко приводит ещё более высокие цифры: в частности, президент Эмомали Рахмон заявил на международной арене, что таджики составляют свыше 46% населения Афганистана¹⁹⁵. Хотя независимые исследователи

¹⁹² Казахстан и Узбекистан проведут совместные учения «Hamkorlik-2021» // Министерство обороны Республики Казахстан. Астана, 2021. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mod/press/news/details/285029?lang=ru> (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁹³ Таджикистан – Афганистан: братская дружба на века // Азия-Плюс (при поддержке МИД РТ). 13.08.2014. URL: <https://old.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20140813/tadzhikistan-afghanistan-bratskaya-druzhba-na-veka> (дата обращения: 21.10.2024).

¹⁹⁴ Tajikistan and Afghanistan// Understanding War Research. 2025. URL: <https://www.understandingwar.org/research/middle-east/tajikistan-and-afghanistan/> (дата обращения: 06.09.2025).

¹⁹⁵ Президент Таджикистана: Афганистан превратился в площадку для геополитических игр // Новости ООН. 23.09.2021. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1410572> (дата обращения: 11.02.2025).

оценивают долю таджиков значительно скромнее, не вызывает сомнений, что речь идёт о миллионах людей, разделяющих с таджикстанцами язык и культуру. Этот этнический фактор во многом определяет позицию Таджикистана. Несмотря на разночтения в цифрах, с большой очевидностью можно констатировать наличие множества этнических таджиков, говорящих на дари, которые составляют основу общей культурной и языковой памяти с жителями Таджикистана. Этот фактор обуславливает характер внешней политики Душанбе: Таджикистан последовательно отстаивает принцип инклюзивности афганского правительства и защиту прав таджиков, что отражает стратегический интерес – обеспечение безопасности родственников на юге и предотвращение этнической маргинализации, которая может дестабилизировать регион¹⁹⁶.

В официальной риторике Душанбе сохраняется чёткая грань: «не признаём, но сотрудничаем» – так охарактеризовал позицию страны глава МИД С. Мухриддин на пресс-конференции в феврале 2022 г.¹⁹⁷

Несмотря на политическую сдержанность Душанбе по отношению к нынешним властям Кабула, Таджикистан сохраняет активные экономические связи с Афганистаном, руководствуясь прагматическими интересами и стремлением к региональной стабильности. По данным таможенной и статистической службы Республики Таджикистан, в 2023 г. товарооборот с Афганистаном достиг около 98 млн долл. США, что на 11,7 % ниже уровня 2022 года (110,9 млн долл. США), но сохраняется вблизи допандемийных показателей. При этом экспорт из Таджикистана составил 93,7 млн долл. США, импорт – 4,2 млн долл. США, а доля Афганистана во внешней торговле страны составила 1,2 %, при этом занимая третье место по азиатским партнёрам после Китая и Ирана¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Шашок Л.А. Смена власти в Афганистане как фактор обострения обстановки в сфере региональной безопасности (на примере Таджикистана) // Постсоветские исследования. 2025. С. 127-136

¹⁹⁷ Позиция Таджикистана в отношении «Талибан» остаётся неизменной // Радио Озоди. 04.02.2022. URL: <https://rus.ozodi.org/a/31683488.html> (дата обращения: 18.02.2024).

¹⁹⁸ Торговля Таджикистана с талибами: факты и цифры // Sputnik Таджикистан. 29.01.2024. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20240129/torgovlya-tajikistan-taliby-afghanistan-tsifry-1061466044.html> (дата

Туркменистан. Внешнеполитическая стратегия Туркменистана по отношению к Афганистану реализуется через призму принципа нейтралитета, закреплённого в Конституции страны¹⁹⁹. На практике это означает, что официальный Ашхабад подчёркивает готовность тесно сотрудничать с новым правительством Афганистана и оказывать всестороннюю поддержку ради скорейшей стабилизации обстановки в стране²⁰⁰. Уже в октябре 2021 г., спустя считанные недели после смены режима, в Кабул прибыла правительственная делегация Туркменистана во главе с вице-премьером, главой МИД Р. Мередовым, которая на переговорах с талибским руководством подтвердила глубокую заинтересованность Туркменистана в политической стабильности, безопасности и единстве Афганистана²⁰¹. В январе 2022 г. ответный визит делегации Афганистана во главе с и. о. министра иностранных дел А.Х. Моттаки в Ашхабад закрепил договорённости о продолжении равноправного диалога. Туркменская сторона тогда особо подчеркнула, что будет продолжать оказывать регулярную гуманитарную поддержку афганскому народу – исходя из принципов добрососедства и многовековой дружбы²⁰².

Практическое воплощение внешнеполитического курса Туркменистана в афганском направлении наглядно демонстрирует сочетание строгих мер пограничной безопасности с комплексной программой экономического и гуманитарного взаимодействия. Летом 2021 г., в период стремительного наступления движения «Талибан»* и временного установления контроля над ключевыми пунктами пропуска на туркмено-афганской границе (Акина,

обращения: 06.05.2025).

¹⁹⁹Конституция Туркменистана (новая редакция) (с изменениями и дополнениями, внесёнными Конституционными законами Туркменистана от 09.10.2017 № 617-V, 25.09.2020 № 297-VI и 21.01.2023 № 531-VI) // Официальный интернет-ресурс Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Туркменистана. URL: <https://saylav.gov.tm/ru/law?id=2> (дата обращения: 18.08.2025).

²⁰⁰Туркмения заявила о готовности работать с новым правительством Афганистана // Информационное агентство ТАСС. 01.10.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12556539> (дата обращения: 01.09.2025).

²⁰¹Состоялся визит правительственной делегации Туркменистана в Афганистан // Каспийский вестник. 31.10.2021. URL: <https://casp-geo.ru/sostoyalsya-vizit-pravitelstvennoj-delegatsii-turkmenistana-v-afganistan/#:~:text=Он%2C%20в%20частности%2C%20встретился%20с,дипломатическими%20средствами> (дата обращения: 26.01.2025).

²⁰²В Туркменистан прибыла с визитом представительная делегация Афганистана // Министерство иностранных дел Туркменистана. 15.01.2022. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/news/2974> (дата обращения: 12.11.2024).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

Тургунди), Ашхабад осуществил оперативное усиление обороны южных рубежей. В приграничный трап Серхетабад были переброшены дополнительные контингенты вооружённых сил, тяжёлая бронетехника и артиллерия, что подчёркивает приоритет военной компоненты национальной безопасности. Однако Туркменистан воздержался от любых действий, способных усугубить кризис, и отказался поддерживать международные инициативы, направленные на изоляцию нового афганского режима. Такой подход свидетельствует о стратегической ориентации Ашхабада на прагматичное сотрудничество и недопущение дестабилизации собственной периферии²⁰³.

Ещё до смены власти в Кабуле в 2019 г. был заключён Договор о стратегическом партнёрстве, зафиксировавший намерение сторон развивать торгово-экономические связи и интегрировать Афганистан в региональные инфраструктурные проекты²⁰⁴. После 2021 г. эти договорённости не только сохранили актуальность, но и получили дополнительный импульс: представители талибского правительства публично подтвердили готовность содействовать реализации трансафганских инициатив, включая магистральный газопровод ТАПИ, линии электропередачи и транспортно-коммуникационные коридоры. Туркменистан, в свою очередь, продемонстрировал готовность к углублению взаимодействия. Знаковым событием стало начало строительства участка газопровода ТАПИ «Серхетабад – Герат» в сентябре 2024 г., сопровождавшееся запуском новой линии электроснабжения и оптоволоконной сети, а также модернизацией железнодорожной инфраструктуры на границе²⁰⁵. Тем самым Ашхабад последовательно реализует стратегию вовлечения Афганистана в

²⁰³ СМИ узнали о переброске Туркменией тяжелой техники к афганской границе // РБК. 10.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/07/2021/60e9f2849a79475aa8c6a789#:~:text=Туркмения%20начала%20переброску%20тяжелой%20техники,news%20со%20ссылкой%20на%20источники> (дата обращения: 06.03.2025).

²⁰⁴ Национальный парламент ратифицировал ряд международных документов // Туркменистан: Золотой век. 10.06.2019. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/33809/natsionalnyi-parlament-ratifikiroval-ryad-mezhdunarodnykh-dokumentov> (дата обращения: 22.02.2024).

²⁰⁵ Туркменистан и Афганистан приступили к строительству ключевого участка газопровода ТАПИ. И не только // Neftegaz.RU. 12.09.2024. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/854656-turkmenistan-i-afganistan-pristupili-k-stroitelstvu-klyuchevogo-uchastka-gazoprovoda-tapi/#> (дата обращения: 04.04.2025).

экономическую архитектуру региона, рассматривая такие проекты как основу долгосрочной стабилизации.

Наряду с энергетическим сотрудничеством Туркменистан активно развивает гуманитарную дипломатию. Регулярные поставки продовольствия, топлива и медикаментов афганскому населению, а также образовательные и медицинские программы укрепляют образ Туркменистана как ответственного соседа и донора безопасности. Показательным примером стала отправка крупной партии гуманитарной помощи в сентябре 2024 г. в связи с началом строительства газопровода ТАПИ²⁰⁶. Подобные инициативы дополняются проектами модернизации транспортных узлов, такими как соглашение 2025 г. о развитии порта Торгунди, что усиливает транзитный потенциал Афганистана и способствует укреплению его экономических связей с внешним миром²⁰⁷.

Беларусь. Позиция Беларуси по афганскому вопросу после смены власти в Кабуле в августе 2021 г. демонстрирует стратегическую приверженность многосторонним механизмам. Официальный Минск рассматривает ситуацию в Афганистане как фактор региональной безопасности, имеющий значение прежде всего для государств Центральной Азии и ключевых союзников в рамках ОДКБ²⁰⁸. В публичных заявлениях белорусское руководство подчеркнуло необходимость согласованной линии, опирающейся на экспертный и оперативный потенциал стран, непосредственно граничащих с Афганистаном, таких как Таджикистан и Узбекистан. Такой подход соответствует внешнеполитическому вектору Беларуси, при которой Минск

²⁰⁶ Туркменистан направил очередную гуманитарную помощь Афганистану // Министерство иностранных дел Туркменистана. 12.09.2024. URL: <https://mfa.gov.tm/ru/news/4736#:~:text=Яркое%20тому%20свидетельство%20-%20отправленная,афганской%20границе> (дата обращения: 09.02.2025).

²⁰⁷ Туркменистан и Афганистан подписали контракт на модернизацию порта Тургунди // Business Turkmenistan. 01.08.2025. URL: <https://business.com.tm/ru/post/14058/turkmenistan-i-afganistan-podpisali-kontrakt-na-modernizatsiyu-porta-turgundi#:~:text=Туркменистан%20и%20Афганистан%20подписали%20соглашение,сообщило%20в%20пятницу%20издание%20TOLOnews> (дата обращения: 06.09.2025).

²⁰⁸ Лукашенко принял участие во внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ по Афганистану // БелТА. 23.08.2021. URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-prinimaet-uchastie-vo-vneochednoy-sessii-soveta-kollektivnoj-bezopasnosti-odkb-po-456400-2021/> (дата обращения: 22.02.2024).

позиционирует себя как активного, но не основного участника интеграционных структур, стремясь к выработке общей позиции со странами-партнерами по проблематике афганского кризиса^{209, 210}

Беларусь использует афганскую повестку преимущественно для подтверждения своей ответственности как члена интеграционных объединений. На заседаниях СНГ Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко не раз заявлял о поддержке гуманитарных инициатив, направленных на стабилизацию обстановки и предотвращение дальнейшего распространения угрозы экстремизма. Так, в октябре 2021 г. Минск поддержал предложение о координированных поставках гуманитарной помощи Афганистану под эгидой СНГ, что позволило Беларуси подчеркнуть солидарность с союзниками²¹¹.

Армения. Внешнеполитическая стратегия Армении по афганскому направлению характеризуется низкой степенью вовлечённости и опорой на многосторонние форматы. Ситуация в Афганистане после прихода движения «Талибан»* к власти в августе 2021 года рассматривалась в Ереване преимущественно через призму потенциальных рисков для региональной безопасности, однако страна воздержалась от активных инициатив и ограничилась мониторингом событий²¹².

Следует отметить, что Армения обладает значительным опытом участия в международных миссиях по стабилизации ситуации в Афганистане, что оказало влияние на формирование её внешнеполитической идентичности как ответственного партнёра в сфере коллективной безопасности. С 2010 г.

²⁰⁹ Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10500060> (дата обращения: 22.12.2024).

²¹⁰ Лукашенко рассказал о роли Белоруссии в урегулировании кризиса в Афганистане // Lenta.ru. 08.09.2021. URL: https://lenta.ru/news/2021/09/08/luka_afgan/#:~:text=При%20этом%20политик%20подчеркнул%2C%20что%20знакомы%20с%20ситуацией%20в%20Афганистане (дата обращения: 28.04.2025).

²¹¹ Александр Лукашенко принимает участие в онлайн-саммите СНГ // Grodnonews.by. 15.10.2021. URL: https://grodnonews.by/news/glavnoe/aleksandr_lukashenko_prinimaet_uchastie_v_onlayn_sammite_sng.html#:~:text=Президент%20Беларуси%20Александр%20Лукашенко%2C%20председательствующий,эгидой%20СНГ%2C%20передает%20корреспондент%20БЕЛТА (дата обращения: 06.02.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

²¹² Какое влияние на Армению окажут процессы, происходящие в Афганистане? Комментарии эксперта // Armenpress. 17.08.2021. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1060928> (дата обращения: 06.09.2025).

армянские военные подразделения были интегрированы в состав Международных сил содействия безопасности²¹³. Их деятельность носила вспомогательный характер и была сосредоточена на обеспечении безопасности стратегически важных объектов, включая транспортные узлы и инфраструктурные объекты, а также на взаимодействии с партнёрами по альянсу. Формат службы предполагал регулярную ротацию личного состава и незначительную численность контингента (около 120–130 военнослужащих в разные периоды)²¹⁴.

Армянские официальные лица подчёркивали, что Республика Армения не имеет непосредственных интересов в Афганистане: на момент обострения кризиса в стране не находилось граждан Армении, а национальный миротворческий контингент завершил свою миссию ещё в марте 2021 г.²¹⁵ Полный вывод армянского контингента ознаменовал окончание более чем десятилетнего этапа участия Армении в афганских процессах и стал индикатором переориентации внешнеполитических приоритетов в сторону внутренней стабильности и укрепления национальной безопасности. Этот опыт остаётся важным элементом дипломатической стратегии Еревана, позволяя стране поддерживать статус ответственного участника международных инициатив при минимальной прямой вовлечённости в кризисы за пределами ближайшего геополитического окружения.

Вместе с тем эксперты и представители армянских внешнеполитических кругов отмечают, что обострение ситуации на таджикско-афганской границе или распространение экстремистских сетей способно косвенно отразиться на интересах Армении. Членство в ОДКБ предполагает автоматическое включение Армении в коллективные решения по реагированию на угрозы,

²¹³ Наши солдаты на чужой войне: почему армянские военные помогают НАТО // Sputnik Армения. 30.08.2017. URL: <https://am.sputniknews.ru/20170830/nashi-na-chuzhoj-vojne-armyanskie-mirotvorcy-v-afganistane-8453438.html> (дата обращения: 12.02.2025).

²¹⁴ Очередной контингент армянских миротворцев отправился в Афганистан // Armenia Today. 15.08.2020. URL: <https://armeniatoday.am/armed-forces-ru/155358/> (дата обращения: 06.05.2025).

²¹⁵ Армянских миротворцев в Афганистане давно нет, граждан республики – неизвестно // EADaily. 17.08.2021. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/08/17/armyanskih-mirotvorcev-v-afganistane-davno-net-grazhdan-respubliki-neizvestno> (дата обращения: 06.09.2025).

исходящие из афганского направления. Данная зависимость подчёркивает системную связку армянской внешней политики с интеграционными структурами постсоветского пространства и ограничивает её самостоятельные действия в Центральной Азии ²¹⁶.

Грузия традиционно выстраивает свою внешнюю политику в области безопасности в тесной координации с НАТО и США, что нашло отражение и в её подходе к афганскому вопросу. В сентябре 2021 г. грузинские военные контингенты были полностью выведены из Афганистана в соответствии с решениями альянса, завершив участие в миссиях Международных сил содействия безопасности операции «Решительная поддержка» под эгидой НАТО²¹⁷. После смены власти в Кабуле Тбилиси продолжил поддерживать инициативы западных партнёров: 16 августа 2021 г. Грузия присоединилась к совместному заявлению 98 государств и Европейского союза, в котором подчёркивалась необходимость обеспечения безопасного и упорядоченного выезда иностранцев и афганских граждан, стремящихся покинуть страну²¹⁸.

Современная позиция Грузии по Афганистану носит преимущественно декларативный характер и выражается в дипломатической поддержке международных гуманитарных мер, участия в эвакуационных операциях и предоставлении транзитной инфраструктуры для союзников. При этом страна не реализует самостоятельных экономических или военно-политических проектов в Афганистане, а её вовлечённость в региональную проблематику ограничивается рамками сотрудничества с НАТО и США. Для грузинской внешней политики афганское направление не представляет стратегического приоритета, что отражает географическую удалённость региона и отсутствие прямых угроз национальной безопасности²¹⁹.

²¹⁶ Какое влияние на Армению окажут процессы, происходящие в Афганистане? Комментарии эксперта // Armenpress. 17.08.2021. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1060928> (дата обращения: 09.07.2025).

²¹⁷ В сентябре грузинские войска покинут Афганистан // SPRESS.ge. 19.05.2021. URL: <https://spress.ge/45526/#> (дата обращения: 06.01.2024).

²¹⁸ Грузия присоединилась к международному заявлению по Афганистану // Civil.ge. 17.08.2021. URL: <https://civil.ge/ru/archives/436989> (дата обращения: 06.09.2025).

²¹⁹ Yazdani, E. Central Asia's Foreign Relations: A Comparison Between the Soviet and Post-Soviet Era // Academia.edu, 2021. URL: https://www.academia.edu/download/75407217/1_IRD211011_1.pdf (дата обращения: 13.03.2025)

Важной частью общей картины становится развитие экономического сотрудничества постсоветских государств с Афганистаном. Помимо двусторонних соглашений, существуют и многосторонние форматы, в которых принимают участие страны СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС. Подтверждается это следующим: на уровне многосторонних институтов взаимодействие постсоветских государств с Афганистаном складывается в «режимный комплекс», где каждый формат закрывает свой блок задач. В ШОС экономическая повестка по Афганистану встроена в решения саммита в Астане, где были зафиксированы приоритеты связности, портово-логистических центров, энергетического сотрудничества до 2030 г. и контрнаркотической стратегии 2024–2029²²⁰.²²¹

Следует отметить, что на площадках СНГ системно формируются меры по унификации транспортно-логистических и таможенно-регуляторных механизмов, направленные на обеспечение устойчивых экспортно-транзитных потоков, включая направления, связанные с Афганистаном. Так, в апреле 2024 г. на первом заседании рабочей группы в Термезе была подписана «дорожная карта» по развитию мультимодального транспортного коридора «Беларусь–Россия–Казахстан–Узбекистан–Афганистан–Пакистан», предусматривающая координацию инфраструктурных проектов и маршрутизации грузопотоков между Центральной и Южной Азией²²². Пакистан официально присоединился к этому меморандуму уже в сентябре 2024 г., что свидетельствует о расширяющемся составе участников и растущем значении коридора на региональной арене²²³.

²²⁰ Astana Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation, 9 July 2024. URL: <https://eng.sectsc.org/20240709/1438929.html> (дата обращения: 06.09.2025).

²²¹ Об утверждении Антинаркотической стратегии государств-членов Шанхайской организации сотрудничества на 2024–2029 годы и Программы действий по её выполнению. URL: <https://rus.sectsc.org/images/07e8/0b/15/1599044.pdf> (дата обращения: 25.03.2025)

²²² Подписана «Дорожная карта» по развитию мультимодального транспортного коридора «Беларусь – Россия – Казахстан – Узбекистан – Афганистан – Пакистан». URL: <https://mintrans.uz/ru/news/belarus-rossiya-qozogiston-o-zbekiston-afg-oniston-pokiston-multimodal-transport-koridorini-rivojlantirish-bo-yicha-yo-l-xaritasi-imzolandi> (дата обращения: 06.05.2025).

²²³ Пакистан присоединился к мультимодальному коридору через Узбекистан. URL: <https://kun.uz/ru/news/2024/09/19/pakistan-prisoyedinilsya-k-multimodalnomu-koridoru-cherez-uzbekistan> (дата обращения: 06.09.2025).

Особое значение приобретает восточная ветвь международного транспортного коридора «Север–Юг», которая постепенно трансформируется в один из ключевых маршрутов интеграции Евразийского экономического пространства с рынками Южной Азии. По оценкам Минтранса РФ и профильных аналитических центров, объем перевозок по этому направлению в 2024 г. достиг 1,8–2 млн тонн, что в три раза превышает показатели 2023 г. (~650 тыс. тонн)²²⁴. Такая динамика отражает не только рост торговой активности в регионе, но и стратегическое перераспределение грузопотоков в условиях геополитической турбулентности и санкционного давления, что делает данный маршрут инструментом диверсификации внешнеэкономической логистики России и стран Центральной Азии.

Параллельно с расширением коридора «Север–Юг» в Центральной Азии разворачивается масштабный инфраструктурный проект строительства железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», которая должна стать ключевым звеном формирования нового южного маршрута транспортного коридора «Один пояс – один путь». Общая протяжённость трассы составляет около 532 км, при этом более 60% участка в пределах Кыргызстана пройдёт через сложные горные районы, что требует строительства трёх высокогорных тоннелей длиной свыше 12 км каждый и ряда мостов сложной конструкции. Официальный старт строительных работ в апреле 2025 г. стал важным свидетельством перехода проекта из стадии переговоров, длящихся более двух десятилетий, к практической фазе реализации²²⁵.

Для региональных экономик, особенно в Центральной Азии, Афганистан может стать своеобразными «воротами» в Южную Азию и Ближний Восток. Правда, степень реализации этих возможностей напрямую

²²⁴ Объем перевозок по транспортному коридору «Север–Юг» увеличился в 3 раза. URL: <https://trans.ru/news/obem-perevozok-po-transportnomu-koridoru-sever-yug-velichilsya-v-3-raza> (дата обращения: 16.02.2025).

²²⁵ Проект железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан имеет потенциал стать одним из самых значимых инфраструктурных проектов XXI века – эксперт. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/0JV70MNA.html?cateName=Актуальное> (дата обращения: 06.09.2025).

зависит от политической стабильности и способности местных властей обеспечивать безопасность инвесторов и инфраструктуры²²⁶.

Важным фактором выступают гуманитарные и культурные аспекты. В данном контексте следует отметить такой инструмент мягкой силы, как образовательные программы, в которых студенты из Афганистана получают возможность учиться в российских и центральноазиатских вузах. Так, в 2018-2019 учебном году в России обучалось 960 студентов в 194 вузах, расположенных в более чем 70 городах почти 60 субъектов РФ, причем большая часть сосредоточилась в Москве – 38,6%, Ростовской области – 6% и Санкт-Петербурге – 5,3%²²⁷. По состоянию на 2022 год численность афганских студентов в России превысила 1,5 тыс. человек, что подтверждает устойчивый интерес граждан Афганистана к российскому образованию и значимость России как центра подготовки специалистов для этой страны²²⁸. Для 2023/2024 учебного года Правительством Российской Федерации утверждена квота в размере 500 бюджетных мест для граждан Афганистана по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, что свидетельствует о системности и долгосрочном характере образовательного сотрудничества²²⁹.

Российские региональные партнеры не остаются в стороне и на данном направлении. Так, развитие образовательного сотрудничества с Афганистаном в странах Центральной Азии свидетельствует о формировании устойчивого гуманитарного измерения региональной политики. Узбекистан выступает важнейшей площадкой подготовки кадров для Афганистана: по данным Министерства высшего образования республики, в 2023 г. в вузах страны

²²⁶ Stobdan, P. Central Asia in Geo-Political Transition // Strategic Analysis, 1998. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09700169808458793> (дата обращения: 13.03.2025)

²²⁷ Афганские студенты в России // Аккредитация в образовании. URL: <https://akvobr.ru/new/publications/326> (дата обращения: 13.03.2025).

²²⁸ Россия выделила Афганистану 500 бюджетных мест для обучения в вузах на 2023/2024 учебный год // URL: <https://tatar-inform.ru/news/rossiya-vydelila-afganistanu-500-byudzetnyx-mest-dlya-obuceniya-v-vuzax-v-sleduyushhem-godu-5882785> (дата обращения: 06.06.2025).

²²⁹ Афганские студенты в России: О состоянии и перспективах обучения граждан из Афганистана в вузах РФ // «Аккредитация в образовании», № 131. URL: <https://akvobr.ru/new/publications/326> (дата обращения: 06.06.2025).

обучение завершили 111 студентов из Афганистана, в том числе по филологическим и гуманитарным специальностям в Ташкентском государственном университете имени Алишера Навои²³⁰. Казахстан последовательно реализует стипендиальные программы для афганской молодежи: если в 2022 г. в казахстанских вузах обучались 454 афганских студента²³¹, то в 2023/2024 учебном году по государственным грантам продолжили обучение 257 человек, среди которых 184 студента бакалавриата, 27 магистрантов, 4 докторанта, а также 42 слушателя подготовительных курсов²³².

Таджикистан также занимает активную позицию в гуманитарной сфере, предоставляя образовательную поддержку афганским беженцам. Особенно показателен функционал школы «Сомониён» в Душанбе – единственного учебного заведения, предназначенного для детей афганских мигрантов. Учреждение действует с 1990-х гг., при посольстве Афганистана и работает на ограниченных финансовых ресурсах, поддерживаемых диппредставительством и благотворителями. На начало учебного года 2024/25 в школе обучались около 450 учащихся, а плата за обучение – менее 13 долл. США в месяц что говорит о высоком уровне доступности образования в условиях ограниченного бюджета²³³.

Региональные инициативы дополняются многосторонними механизмами, координируемыми международными организациями. Так, в рамках совместной образовательной программы Европейского союза и Программы развития ООН два набора афганских девушек (первый – 50 участниц, второй – 105 участниц) получили пятилетние гранты на обучение в

²³⁰ 111 студентов из Афганистана получили степень бакалавра в вузах Узбекистана. // URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/287766199> (дата обращения: 06.09.2025).

²³¹ Почти 60 афганских женщин получают высшее образование в Казахстане. // Bizmedia.kz, 24 января 2023. URL: <https://bizmedia.kz/2023-01-24-pochti-60-afganskih-zhenshhin-poluchayut-vysshee-obrazovanie-v-kazahstane/> (дата обращения: 06.08.2025).

²³² «Восхищаюсь Казахстаном – афганский студент об учебе и жизни в Астане» // URL: <https://www.inform.kz/ru/voshishayus-kazahstanom-afganskiy-student-ob-uchebe-i-zhizni-v-astane-be269d> (дата обращения: 22.08.2025).

²³³ В школе для детей афганских беженцев в Душанбе начался учебный год. Sputnik Таджикистан, 11 сентября 2024. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20240911/shkola-dety-dushanbe-afganistan-bezhentsy-uchebnyy-god-1064297681.html> (дата обращения: 23.06.2025).

университетах Казахстана,²³⁴ Узбекистана и Кыргызстана²³⁵. Эти меры направлены не только на повышение квалификации национальных кадров, но и на решение социальных задач, включая расширение доступа женщин к образованию и укрепление гендерного равенства.

Аналогичные механизмы действуют при реализации культурных обменов, конференций и фестивалей: создаётся платформа для коммуникации, обсуждения исторических связей и поиска позитивной повестки. Культурно-гуманитарная дипломатия является важным инструментом укрепления российско-афганских связей и играет роль в формировании устойчивых каналов диалога между обществами двух стран. Регулярные культурные и просветительские инициативы создают основу для «мягкой силы» России, способствуя восстановлению доверия и выстраиванию позитивного образа страны в регионе. Так, в сентябре 2020 г. в Ростове-на-Дону состоялся международный телемост «Россия–Афганистан», приуроченный к 101-й годовщине независимости Афганистана²³⁶. Мероприятие объединило представителей дипломатических и образовательных кругов двух стран, а многоязычный формат (четыре языка) позволил подчеркнуть многонациональный характер диалога. Участники обсуждали перспективы политического и экономического взаимодействия, культурного обмена и взаимопонимания в условиях региональных вызовов, что свидетельствует о стремлении обеих сторон к поиску конструктивных моделей сотрудничества²³⁷.

Параллельно культурная дипломатия интегрирована в повестку официальных встреч. Каждый год в Казани проходит международный форум министров образования «Формируя будущее», в работе которого участвует

²³⁴ MOM помогает афганским студентам в Казахстане // Новости ООН. 15 декабря 2021. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/12/1416152> (дата обращения: 06.09.2025).

²³⁵ Афганских девушек принимают в вузы Центральной Азии. На родине талибы запретили им учиться // Радио Азаттык, 31 января 2023. URL: <https://rus.azattyq.org/a/afghan-women-central-asian-universities/32247058.html> (дата обращения: 06.09.2025).

²³⁶ В донской столице прошёл телемост «Россия–Афганистан» // Официальный портал Правительства Ростовской области, 15 сентября 2020. URL: <https://www.donland.ru/news/10602/> (дата обращения: 06.09.2025).

²³⁷ Там же

делегация Афганистана во главе с министром высшего образования. В рамках форума обсуждается ряд вопросов развития образовательных программ и обучения афганских студентов в российских вузах²³⁸.

Помимо Российской Федерации на направлении культурной дипломатии выходят и ряд стран по СНГ. В данном контексте следует упомянуть Казахстан. Важной частью культурного взаимодействия является сохранение исторической памяти и переосмысление афганского кризиса. В Алматы также была представлена выставка «Жанымды жаралаған Ауғанстан», что в переводе на русский звучит, как «Афганистан, оставивший боль в душе». Выставка была приурочена к 35-летию вывода советских войск из Афганистана. Экспозиция содержала документальные материалы, личные вещи воинов, фотографии, форму и экипировку, предоставленные Союзом ветеранов локальных войн «Боевое братство»²³⁹.

Важным элементом гуманитарного взаимодействия между Казахстаном и Афганистаном стали культурные инициативы, направленные на популяризацию богатой истории Афганистана и традиционных ремёсел. В Алматы была организована специализированная выставка афганских товаров, в которой приняли участие более 80 компаний Афганистана и свыше 150 представителей профессионального сообщества. Экспозиция, разместившаяся в выставочном комплексе «Атакент-Экспо» на площади более 1 000 м², представила широкий спектр предметов материальной культуры: ковры ручной работы, изделия традиционного ремесленного производства, шафран, чай, антиквариат, ювелирные украшения и предметы декоративно-прикладного искусства²⁴⁰. Подобные мероприятия выполняют функцию культурного диалога, способствуя популяризации национальных традиций

²³⁸ Талибы приехали в Казань на форум министров образования – их делегация посетила КФУ. Business-gazeta.ru, 7 июня 2023. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/674702> (дата обращения: 06.09.2025).

²³⁹ Выставка «Жанымды жаралаған Ауғанстан» – открытие в Центральном государственном музее РК, Алматы. Davai Snodom!, 14 февраля 2024. URL: <https://sxodim.com/almaty/event/vystavka-zhanymdy-zharala-an-au-anstan> (дата обращения: 29.08.2025).

²⁴⁰ В Алматы открылась выставка афганских товаров. Официальный сайт Правительства Республики Казахстан, 20 октября 2024. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/868047?lang=ru> (дата обращения: 25.06.2025).

Афганистана, формированию позитивного образа страны на международной арене и укреплению гуманитарных связей между народами Центральной Азии.

Отдельно следует отметить Узбекистан на данном направлении. Самарканд, исторически являющийся одним из ключевых центров культурного и интеллектуального развития в регионе, продолжает играть роль важнейшей площадки для международного диалога о сохранении культурного наследия. В 2023 г. здесь состоялась международная конференция «Афганистан, Центральная Азия и Иран – общее наследие вдоль Шёлкового пути», организованная при поддержке ЮНЕСКО²⁴¹. Форум объединил представителей научного сообщества, экспертов по культурному наследию и международных организаций, сосредоточив внимание на вопросах сохранения историко-культурных памятников региона, а также разработке комплексной программы по продвижению и популяризации культурного наследия Афганистана и сопредельных государств. Одним из результатов конференции стало решение о подготовке передвижной выставки, отражающей богатое культурное и историческое разнообразие Шёлкового пути²⁴².

Следует отметить, любые позитивные сдвиги в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения требуют долгосрочных вложений, которые не всегда оправданы с точки зрения быстрого возврата инвестиций. Тем не менее для сглаживания исторических травм и продвижения конструктивной повестки в отношениях Афганистана с государствами постсоветского пространства такие программы необходимы. Они позволяют формировать новый образ отношений, в котором военная сила и силовой контроль перестают быть единственным инструментом влияния, уступая место гуманитарным, культурным и образовательным инициативам.

²⁴¹ Международная конференция «Афганистан, Центральная Азия и Иран – общее наследие вдоль Шёлкового пути и коридоров в Европу и из Европы». UNESCO, 6 октября 2018 г. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/mezhdunarodnaya-konferenciya-afganistan-centralnaya-aziya-i-iran-obschee-nasledie-vdol-shelkovogo> (дата обращения: 06.08.2025).

²⁴² Там же

Говоря о специфике взаимоотношений стран региона с Афганистаном, следует отметить влияние внешних игроков. Оно характеризуется противоречивостью: Иран ведёт собственную игру в Афганистане, опираясь на шиитские общины и поддерживая часть местных группировок. Пакистан исторически рассматривал Афганистан как зону своих интересов, что во многом определило судьбу талибского движения. Китай ищет доступ к ресурсам и видит в афганской территории ключевой пункт проекта «Один пояс – один путь»²⁴³.

В результате постсоветские страны (прежде всего Россия и государства Центральной Азии) должны каждый раз переоценивать расстановку сил, чтобы не допустить доминирования какого-либо одного внешнего игрока. Тем временем США и их союзники, формально закончив участие в крупных военных операциях, сохраняют точечное воздействие через экономические санкции, дипломатические каналы и гуманитарные фонды. Все эти факторы создают сложный фон, на котором постсоветские государства пытаются выстраивать долгосрочные стратегии.

Таким образом, с учётом рассмотренных элементов становится очевидным, что будущее отношений постсоветских государств и Афганистана зависит от трёх взаимосвязанных блоков. Первый связан с безопасностью и военными вопросами: если удастся удерживать экстремистскую активность на низком уровне и минимизировать наркотрафик, то взаимодействие сохранится в формате переговоров, консультаций и совместных учений. Второй блок – экономический: при росте торговых оборотов и запуске инфраструктурных проектов появится более прочная основа для связей между регионами, которая способна создать рабочие места и повысить уровень жизни в пограничных зонах. Третий аспект – культурно-гуманитарный: устойчивое решение гуманитарных проблем, в том числе связанных с беженцами и переселенцами, формирование программ обмена студентами,

²⁴³ Князев А. А. Бизнес и политика: для чего Китай инвестирует в Афганистан? МГИМО МИД России, 2 ноября 2023. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/biznes-i-politika-dlya-chego-kitay-investiruet-v-afganistan/> (дата обращения: 28.07.2025).

учёными и деятелями искусства уменьшат взаимное недоверие. От сбалансированности этих трёх блоков будет зависеть, станет ли Афганистан частью будущего геополитического ландшафта как относительно стабильный партнёр или же останется очагом конфликтов и социальной нестабильности.

При всей сложности и неоднозначности отношений с Афганистаном многие евразийские государства склоняются к мысли о необходимости поддерживать регулярный диалог с правительством в Кабуле. В основе такого подхода лежит понимание, что конфликт и экономическая деградация Афганистана неизбежно рикошетом ударяют по всему региону, так как, как минимум, все страны Центральной Азии находятся «в одной лодке», а ситуация у их соседей во многом завязана на их внутривнутриполитическую стабильность. Учитывая, что угрозы, возникающие из-за нестабильности в Афганистане, многократно затрагивали национальную безопасность Российской Федерации, Россия стремится использовать военный и дипломатический опыт при реализации инициатив, позволяющих удерживать ситуацию под контролем, одновременно укрепляя свои позиции как ведущего посредника в Центральной и Южной Азии. Данная политика вбирает в себя элементы политического реализма (противодействие угрозам), геополитического анализа (соперничество крупных держав), экономического расчёта (возможности нового рынка и ресурсов) и конструктивистского понимания роли общественного мнения и гуманитарных проектов. Все эти факторы формируют объёмное представление о том, как именно «Характер и особенности отношения евразийских стран с Афганистаном» будут развиваться в средне- и долгосрочной перспективе, опираясь на внутреннюю логику интересов каждой из сторон и общий баланс сил на евразийском пространстве.

Выводы по первой главе:

Содержание первой главы свидетельствует о том, что современный афганский кризис носит комплексный и затяжной характер, уходящий корнями в глубинные внутренние проблемы Афганистана. Историческая

ретроспектива подтверждает: вывод советских войск в 1989 г. не положил конец конфликту, а лишь ознаменовал новую фазу гражданской войны. В дальнейшем ни иностранная интервенция начала 2000-х гг., ни двадцатилетнее присутствие сил НАТО, ни их уход в 2021 г. не смогли ликвидировать системные противоречия, присущие афганскому обществу. Анализ показал, что устойчивость афганской государственности подрывается сочетанием институциональной слабости, племенно-этнической фрагментации и экономической стагнации. Внешние акторы при этом лишь видоизменяют динамику кризиса, но не устраняют его первопричины. Данная совокупность факторов обуславливает необходимость крайне осторожного и прагматичного подхода со стороны сопредельных государств: их политика безопасности должна основываться на реальной картине уязвимостей афганской ситуации, а не на шаблонных сценариях и упрощённых оценках.

Отдельное значение в главе придаётся трансформации характера угроз после возвращения движения талибов к власти в 2021 г. Показано, что смена политического режима в Кабуле изменила структуру рисков. Открытая военная конфронтация была в значительной мере вытеснена скрытыми каналами дестабилизации – такими, как усиление транснационального наркотрафика, активизация трансграничной преступности и идеологическая экспансия радикального ислама через сети вербовки. Постсоветским странам, прежде всего расположенным в Центральной Азии, приходится адаптировать инструменты реагирования: акцент смещается на превентивные меры, укрепление пограничной безопасности, обмен разведданными, а также целевую экономическую и гуманитарную поддержку Афганистана для нейтрализации долгосрочных рисков. В главе подчёркивается, что после 2021 г. Афганистан остаётся постоянным источником вызовов, требующих нового осмысления региональных подходов к обеспечению безопасности.

В целом первый раздел диссертации подтверждает, что для выработки эффективной региональной политики в отношении афганского кризиса необходим комплексный анализ его внутренних детерминант и внешних

проявлений. Адекватное понимание глубинных причин нестабильности в Афганистане – предпосылка для формирования реалистичных и действенных мер со стороны постсоветских государств. Только опираясь на проверенную фактами и историческим опытом основу, соседние страны могут выработать стратегию, способную снизить негативное влияние афганского кризиса на их национальную безопасность и интересы. Это вывод подчёркивает значимость научно обоснованного, лишённого иллюзий подхода: многоуровневый характер афганского конфликта требует от постсоветского пространства продуманной, гибкой и долгосрочной стратегии реагирования, соразмерной масштабам и сложности угроз.

ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ АФГАНСКОГО ФАКТОРА НА ЛАНДШАФТ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЫЯВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ КЛЮЧЕВЫХ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ

После прихода к власти движения «Талибан»^{*} в августе 2021 г. ситуация в Афганистане претерпела кардинальные изменения, что отразилось на состоянии региональной безопасности. Завершение двадцатилетнего присутствия США и НАТО, крах прозападного правительства А. Гани и установление нового режима привели к геополитическому вакууму, который оказался заполнен новыми вызовами и угрозами. Несмотря на публичные заверения талибов о наведении порядка и недопущении использования территории Афганистана для террористической деятельности, проблемы безопасности остаются по-прежнему актуальными²⁴⁴.

Помимо прямой террористической угрозы, страны постсоветского пространства сталкиваются с нарастанием идеологической экспансии радикального ислама. В условиях полного запрета на женское образование, ограничений на права женщин и жёсткого следования нормам шариата афганский режим становится примером для радикальных движений в соседних государствах²⁴⁵.

Настоящая глава посвящена анализу ключевых угроз, исходящих из Афганистана, с учётом их влияния на стабильность стран постсоветского пространства и стратегию реагирования стран региона. В первом разделе рассматриваются основные террористические группировки, их влияние на постсоветское пространство и меры противодействия. Во втором разделе анализируется ситуация с наркотрафиком, его маршруты и последствия для

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

²⁴⁴ Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 65–72. DOI: 10.33693/2223-0092- 2021-11-6-65-72

²⁴⁵ Грант А. Оценка ролей и прав женщин в меняющемся политическом ландшафте Афганистана // Женщины и внешняя политика. 2023. С. 70.

безопасности СНГ. Третий раздел посвящён радикализации и идеологической экспансии.

2.1. Террористическая угроза афганского происхождения: трансграничный характер и воздействие на безопасность постсоветских государств

Террористическая составляющая в Афганистане представляет собой многоаспектную проблему, оказывающую значительное влияние на безопасность региона и мира. Афганистан остается своего рода стратегической базой для террористических группировок, чья деятельность распространяется не только на его территорию, но и далеко за её пределы. При этом страны Центральной Азии и Россия оказываются в числе наиболее уязвимых государств, на которые оказывает влияние афганская террористическая угроза.

По оценкам аналитических подразделений ООН и специализированных структур региональной безопасности, Афганистан после 2001 года утвердился как ключевой источник террористической активности в Центральной Азии²⁴⁶. Территория страны остаётся убежищем для широкого спектра экстремистских формирований: «ИГ-Хорасан»*, «Аль-Каида»*, «Катиба Имам аль-Бухари»* (провинции Джаузджан, Сари-Пуль и Фарьяб), Шариатское движение «Мохаммади»* (уезд Вардудж провинции Бадахшан), «Союз исламского джихада»* (уезды Имам-Сахиб и Дашти-Арчи провинции Кундуз), «Лашкар-е Джангави»*, «Ансарулла»* (Кундуз), «Группа призыва джихада»* (Нангархар, Кунар, Нуристан), «Лашкар-е Ислам»* (уезды Назиян,

²⁴⁶ Доклад Мониторинговой группы аналитической поддержки и санкций // Совет Безопасности ООН. 13 февраля 2023. (S/2023/95).

URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/N2303891.pdf> (дата обращения: 02.08.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

Ачин и Дурбаба провинции Нангархар), «Группа Аль-Бадр» * (уезды Гошта, Назиян и Момандара провинции Нангархар, уезд Шигал провинции Купар), «Горух-е Махаз-е Федайи» * (Урузган, Кандагар и Гильменд), «Движение моджахедов» *, «Движение исламского джихада» *, а также этнических группировок, в составе которых действуют выходцы из Узбекистана, Таджикистана и Пакистана. Хроническая политическая нестабильность и слабость институтов нового афганского правительства создают «вакуум управления», в котором экстремисты могут беспрепятственно укреплять логистическую инфраструктуру и расширять зоны влияния. По данным ОДКБ²⁴⁷, в последние годы в Афганистан переместились сотни боевиков из зон вооружённых конфликтов Ближнего Востока, что свидетельствует о формировании транснационального плацдарма.

В ответ на эти вызовы соседние государства и международные организации (ООН, ШОС, ОДКБ) усилили мониторинг афганской территории, реализуя комплекс мер превентивного характера, включающий совместные учения, информационную разведку и координацию усилий на границах. Однако сохраняющийся разрыв между политическими декларациями и практической способностью Кабула контролировать собственную территорию усиливает риск экспорта терроризма за пределы страны, делая афганский фактор системным вызовом для региональной безопасности постсоветского пространства²⁴⁸.

Ниже представлены более многочисленные террористические группировки по отдельности, особо останавливаясь на идеологии,

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁴⁷ В ОДКБ сообщили о росте угроз на границе с Афганистаном // Парламентская ассамблея ОДКБ. 15 апреля 2025. URL: <https://paodkb.org/events/v-odkb-soobschili-o-roste-ugroz-na> (дата обращения: 08.08.2025).

²⁴⁸ Международная научно-практическая конференция на тему: «Ситуация в Афганистане и ее влияние на региональную безопасность». Официальный сайт ОДКБ, 3 октября 2023. URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=22541 (дата обращения: 07.09.2025).

численности, анализе официальных источников и проблемах, дестабилизирующих регион постсоветского пространства²⁴⁹.

Особое место среди действующих на территории Афганистана экстремистских формирований занимает «Исламское государство – провинция Хорасан» (ИГ-Х) *, которое в последние годы стало одной из наиболее агрессивных и динамично развивающихся террористических структур региона. По данным мониторинговых групп ООН²⁵⁰, численность боевого ядра организации оценивается в пределах от одной до трёх тысяч боевиков, при этом ряд независимых источников указывает на возможность увеличения их числа до шести тысяч. В составе ИГ-Х* присутствуют выходцы не только из Афганистана и Пакистана, но и из стран Центральной Азии, включая Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, что усиливает трансграничный характер угрозы²⁵¹. Организация сконцентрировала свои основные базы в восточных и северных провинциях Афганистана – Кунар, Нангархар, Нуристан, а также в отдельных районах Кабула, где слабость институционального контроля позволяет ей сохранять устойчивую инфраструктуру и каналы снабжения²⁵².

Идеология ИГ-Х* основана на доктрине глобального джихада, что отличает её от движения «Талибан» *, ориентированного преимущественно на внутреннюю исламизацию. Группировка активно стремится подорвать легитимность нынешних властей Афганистана, позиционируя их неспособными обеспечить безопасность населения, и регулярно организует

²⁴⁹ Демченко И., Попов В. Действенные меры по сдерживанию афганской границы // Официальный сайт ОДКБ. 16 июля 2019. URL: <https://antiterror.odkb-csto.org/news/deystvennye-mery-po-sderzhivaniyu-afganskoy-granitsy/> (дата обращения: 07.09.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁵⁰ Совет Безопасности ООН: террористы ИГИЛ адаптируются и используют новые технологии // Новости ООН. 14 августа 2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/08/1466235> (дата обращения: 07.09.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁵¹ Terrorist Groups in Afghanistan // Congressional Research Service. 2 апреля 2024 (IF10604). URL: https://www.congress.gov/crs_external_products/IF/PDF/IF10604/IF10604.17.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

²⁵² Рауф Сарват Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgranichnoe-vzaimodeystvie-afganistana-i-shanhayskoy-organizatsii-sotrudnichestva-posle-vyvoda-voysk-ssha-iz-afganistana> (дата обращения: 07.09.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

масштабные теракты внутри страны, целенаправленно атакуя шиитские общины для разжигания конфессиональных конфликтов. С 2022 года зафиксированы резонансные нападения на дипломатические миссии в Кабуле, включая атаки на посольства России, Пакистана и Китая, что свидетельствует о стремлении организации заявить о себе как о силе глобального масштаба. Дополнительную озабоченность вызывает практика ИГ-Х* по проведению ракетных обстрелов приграничных районов Таджикистана и Узбекистана, подтверждающая намерение расширить свою деятельность за пределы Афганистана и дестабилизировать сопредельные государства.

Информационно-пропагандистский потенциал ИГ-Х* также заслуживает внимания: организация активно использует мультязычные медийные каналы (пушту, дари, таджикский, узбекский, русский языки) для вербовки сторонников, что делает её влияние более широким, чем простое присутствие на территории Афганистана ²⁵³. ИГ-Х* представляет собой не только локальную, но и трансрегиональную угрозу, способную воздействовать на политическую устойчивость и безопасность всего постсоветского пространства.

Далее, следует подробнее остановиться на одной террористической группировке «Аль-Каида»*, после акта которой в науку было введено понятие «международный терроризм»²⁵⁴. Организация «Аль-Каида»* официально находится под санкциями СБ ООН с 6 октября 2001 г. согласно Резолюциям 1267 (1999) и 1333 (2000) за участие в финансировании, планировании и осуществлении террористических актов, а также за поставки оружия и материальной поддержки «Талибану»* и напрямую связанное с Усамой бен

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁵³ О росте глобальной угрозы «ИГ-Хорасан». Часть 1 // Региональная антитеррористическая структура ШОС. 27 июня 2024. URL: https://ecrats.org/ru/security_situation/analysis/11162/ (дата обращения: 07.09.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁵⁴ Al-Qaida // Совет Безопасности ООН. 6 октября 2001. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/al-qaida (дата обращения: 07.06.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

Ладеном и другими лидерами формирования. Организация «Аль-Каида»²⁵⁵ по-прежнему сохраняет своё присутствие на афганской территории, опираясь на долгосрочное взаимодействие с движением «Талибан»*. По данным российского МИДа, в Афганистане функционируют около 1–2 тысяч боевиков, объединённых в структуре «Аль-Каида»*; группировка укрепляет позиции и поддерживает связи с властями Афганистана, что вызывает озабоченность специалистов региональной безопасности²⁵⁶.

Согласно резюме санкционного комитета (СБ ООН)²⁵⁷, «Аль-Каида»* активно действовала из Афганистана и Пешавара, завершив период базирования под защитой движения «Талибан»* в 2001 году, а после возвращения лидеров – снова располагается там, демонстрируя устойчивость своей логистической и идеологической инфраструктуры.

Разветвлённая сеть ячеек и наличие хорошо подготовленных приверженцев группировки позволяют «Аль-Каиде»* сохранять потенциал для оперативного манёвра и развертывания террористической активности, в первую очередь в южных и восточных провинциях Афганистана.

Среди наиболее активных трансграничных террористических формирований, использующих территорию Афганистана, также выделяется движение Терике Талибан Пакистан (ТТП)*, известное как пакистанский «Талибан»²⁵⁸. Организация представляет собой коалицию радикальных исламистских группировок, действующих преимущественно в приграничных

²⁵⁵ Организация запрещена на территории РФ.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁵⁶ О военно-политической ситуации в Афганистане // Министерство иностранных дел Российской Федерации. (информация). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty/obstanovka-v-afganistane/ (дата обращения: 07.09.2025).

²⁵⁷ Al-Qaida // Совет Безопасности ООН. 6 октября 2001. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/al-qaida (дата обращения: 07.06.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

²⁵⁸ Tehrik-e Taliban Pakistan (TTP) // Совет Безопасности ООН. URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/tehrick-e-taliban-pakistan-%28ttp%29 (дата обращения: 01.02.2024).

районах Пакистана и Афганистана, но использующих малодоступные горные регионы юго-восточного Афганистана в качестве ключевых опорных баз. Согласно данным международных мониторинговых структур и оценкам региональных спецслужб, численность активных боевиков ТТП* после 2020 г. увеличилась, достигнув примерно 4–6 тысяч человек, что позволило организации расширить сеть ячеек и укрепить логистическую инфраструктуру на афганской территории²⁵⁹.

Идеологически ТТП* разделяет радикальную салафитско-джихадистскую платформу и сохраняет тесные связи с «Аль-Каидой»*, а также отдельными кланами движения «Талибан»* несмотря на то, что её основным приоритетом остаётся вооружённая борьба против властей Пакистана. Смена власти в Кабуле в 2021 г. способствовала росту активности ТТП*: зафиксировано значительное увеличение числа атак на территории Пакистана, включая громкие теракты, такие как нападение смертника на полицейское управление в январе 2023 г. Эти инциденты вынудили пакистанские вооружённые силы наносить точечные удары по предполагаемым базам боевиков на афганской территории, что подчеркнуло высокий уровень угрозы трансграничной эскалации²⁶⁰.

Доклады аналитических центров²⁶¹ отмечают, что ТТП* сохраняет доступ к финансовым и организационным ресурсам через сеть союзников внутри Афганистана, включая элементы, тесно связанные с нынешними

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁵⁹ Субботин И. Бомба под дипломатию: как меняются вызовы в афганской сфере безопасности // Российский совет по международным делам. 4 мая 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bomba-pod-diplomatiyu-kak-menyayutsya-vyzovy-v-afganskoy-sfere-bezopasnosti/> (дата обращения: 07.02.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁶⁰ Шашок Л. А. «Техрик-е-Талибан Пакистан» как фактор напряженности в отношениях между Афганистаном и Пакистаном. Часть 1 // Институт проблем международной безопасности. 11 июня 2022. URL: <http://www.iimes.ru/?p=86811> (дата обращения: 07.05.2025).

²⁶¹ Кхан И. «Borderland Struggles: The Consequences of the Afghan Taliban's Takeover on Pakistan» // The Round Table. 2025. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00358533.2025.2466193> (дата обращения: 13.08.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

властями²⁶². Такая динамика указывает на потенциальную трансформацию афганско-пакистанского пограничья в зону хронической нестабильности, где укрепление ТТП²⁶³ может стать фактором дестабилизации не только для Пакистана, но и для более широкого региона Центральной и Южной Азии.

Кроме упомянутых организаций, на территории Афганистана активно функционируют и другие транснациональные джихадистские формирования, представляющие стратегическую угрозу странам СНГ. В частности, Исламское движение Узбекистана (ИДУ)* – когда-то едва ли не главная узбекская антиправительственная группировка²⁶⁴. На сегодняшний день время группировка по-прежнему имеет последователей и ячейки в Афганистане. В советское и постсоветское время ИДУ* тесно сотрудничало с «Аль-Каидой»* и талибами, совершая нападения на постсоветские республики. ИДУ* исторически играло ключевую роль в структуре террористических сетей Центральной Азии, участвовало в серии вооружённых конфликтов на территории Таджикистана и Афганистана, а также во вторжении в Баткенскую область Кыргызстана в конце 1990-х гг.²⁶⁵.

Далее следует отметить относительно новую террористическую группировку - «Катиба Имам аль-Бухари» (КИБ)*. По данным санкционного комитета СБ ООН, КИБ* сформировалась в 2011 г. как откол от ИДУ* на афгано-пакистанском пограничье²⁶⁶. С 2015 г. активно кооперировалась с

²⁶² Там же.

²⁶³ Организация запрещена на территории РФ.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁶⁴ Islamic Movement of Uzbekistan // Совет Безопасности ООН. Актуально на 7 апреля 2011. URL: https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/islamic-movement-of-uzbekistan (дата обращения: 07.07.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁶⁵ Малышева Д. Б. Постсоветская Центральная Азия: угроза религиозного экстремизма с Юга // Международная жизнь. 2022. С. 96–105. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2022/MezhdZhyzn062022-Malysheva.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁶⁶ KHATIBA IMAM AL-BUKHARI (KIB) // Совет Безопасности ООН. 29 марта 2018 (дата публикации резюме на сайте Комитета). URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/content/khatiba-imam-al-bukhari-kib> (дата обращения: 02.12.2024).

сирийскими структурами «ан-Нусры», при этом общий контингент её иностранцев в Сирии оценивался «до 500» бойцов (преимущественно выходцы из Узбекистана, Кыргызстана и РФ)²⁶⁷. В афганском измерении ядро КИБ* существенно меньше: отечественные исследования фиксируют «афганское ядро» порядка до 50 боевиков, а также наличие тренировочных ячеек и связанных групп на севере страны²⁶⁸. По локализации присутствия указываются провинции Джаузджан, Сари-Пуль и Фарьяб (север и северо-запад Афганистана), что коррелирует с этноязыковыми и миграционными коридорами в сторону Узбекистана и Туркменистана²⁶⁹. Идеологически КИБ* ориентируется на салафитско-джихадистскую платформу с исторической лояльностью к структурам «Аль-Каиды»* и тесной кооперацией с джихадистскими сетями из Ферганской долины, а его этнический состав является заметно «узбекским» при участии выходцев из юга Кыргызстана и таджикских ячеек²⁷⁰. Для государств ЦА риск от КИБ* заключается не столько в «массе» бойцов, сколько в сохранённой инфраструктуре вербовки/транзита и географии северо-афганских опорных точек, создающих предпосылки для «просачивания» в приграничные регионы СНГ. Дополнительным индикатором угрозы выступает констатированное ООН присутствие КИБ* среди действующих в Афганистане группировок после 2021 г., наряду с ИДУ* и «Аль-Каидой»* связанными сетями²⁷¹.

²⁶⁷ KHATIBA IMAM AL-BUKHARI (KIB) // Совет Безопасности ООН. Аннотация на сайте с 29 марта 2018, обновлена 19 декабря 2023. URL: https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list/summaries/entity/khatiba-imam-al-bukhari-%28kib%29 (дата обращения: 09.01.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁶⁸ Степанова Е. В. ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq// Институт мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО). 2020. ISBN 978-5-9535-0583-3. DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3.

²⁶⁹ Шедь Я.Р. Международно-правовое положение действующей власти Афганистана после вывода войск западной коалиции // Закон и право. 2024. № 10. С. 290-297.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁷⁰ Новикова О. Н. В зоне внимания Европы: процессы радикализации в Центральной Азии // Научный журнал «Актуальные проблемы Европы» URL: https://upe-journal.ru/files/2021_%D0%90%D0%9F%D0%95_4_%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9E%D0%9D.pdf (дата обращения: 07.09.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

Далее рассмотрим террористическую группировку «Катиба ат-Таухид валь-Джихад»^{*}. Санкционный комитет СБ ООН включил КТД^{*} в перечень в марте 2022 г. за тесную ассоциацию с «Аль-Каидой»^{*} и «ан-Нусрой»^{*}. Численность КТД^{*} оценивается около 500 боевиков, с документированным сотрудничеством с КИБ^{*} и «Группой исламского джихада»^{*}. По происхождению и каналу рекрутинга КТД^{*} – преимущественно центральноазиатская сеть (узбеки/таджики Ферганской долины), что подтверждается и российскими экспертными оценками.²⁷² В афганском контексте КТД^{*} не создаёт крупного «массива войск», но поддерживает связные узлы/тыловые ячейки и идеологическую работу, пользуясь общей «центральноазиатской» экосистемой джихад-сетей на севере Афганистана (Тахар, Бадахшан, Кундуз – зоны традиционной концентрации иностранных боевиков по данным отечественных исследований)²⁷³.

Характерно, что представители КТД^{*} публично приветствовали победу талибов как «триумф джихада». Можно сделать вывод о том, что это подразумевает под собой своего рода индикатор готовности использовать афганскую территорию как символический и логистический ресурс²⁷⁴. С учётом этого профиль угрозы КТД^{*} для постсоветского пространства, в частности для Центральной Азии может грозить идеологической и

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁷¹ Талибы отвергли выводы экспертов ООН о росте террористической активности в Афганистане // ТАСС. 7 февраля 2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13635367> (дата обращения: 02.09.2025).

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁷² Плотников Н. Д. Почему центральноазиатские джихадисты воспряли духом // Независимая газета. URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=15865> (дата обращения: 07.09.2025).

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁷³ Степанова Е. В. ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq // Институт мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО). 2020.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁷⁴ Малышева Д. Б. Постсоветская Центральная Азия: угроза религиозного экстремизма с Юга // Международная жизнь. 2022. С. 96–105. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/Articles/2022/MezhdZhyzn062022-Malysheva.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

оперативной «сшивкой» сирийского и афганского театров (вербовка, транзит, подготовка исполнителей), что повышает риски трансграничной дестабилизации на направлении Таджикистан–Узбекистан²⁷⁵.

Текущая ситуация демонстрирует усиление террористической активности в Афганистане, что подтверждается многочисленными атаками, организованными группировкой "Исламское государство – Хорасан", ИГ-Х*. Группировка активно использует северные провинции Афганистана как базу для подготовки террористических атак на территорию Таджикистана, Узбекистана и других стран региона. В отличие от движения «Талибан»*, который ориентирован на внутреннюю исламизацию и создание национального религиозного государства, Хорасан* придерживается доктрины глобального джихада, что делает его активность трансграничной и опасной для стран СНГ в целом²⁷⁶.

Один из важнейших аспектов деятельности заключается в активизации вербовочной деятельности в странах СНГ²⁷⁷. Одной из ключевых трансформаций террористической угрозы, исходящей из Афганистана, стало смещение акцента с преимущественно военных действий на информационно-идеологическую сферу, что существенно усложняет задачи региональной безопасности. Современные джихадистские сети используют инструменты цифровой среды – мессенджеры, социальные сети, видеохостинги, а также закрытые онлайн-платформы – для создания гибкой и трудно отслеживаемой инфраструктуры вербовки. По данным Национального антитеррористического комитета РФ, в последние годы количество выявленных каналов и чатов, содержащих экстремистскую пропаганду на русском, таджикском и узбекском языках, увеличилось кратно;

²⁷⁵ Талибы отвергли выводы экспертов ООН о росте террористической активности в Афганистане // ТАСС. 7 февраля 2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13635367> (дата обращения: 02.09.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Организация запрещена на территории РФ с 2004 по 2024 год.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁷⁶ Яшлавский А.Э. «Афганский филиал» ИГИЛ как угроза Центральной Азии // Центральная Азия в глобальном мире. 2023. С. 105–119.

²⁷⁷ Там же.

в 2023–2024 гг. блокированы десятки тысяч единиц контента, а число расследований по статьям о вовлечении в террористическую деятельность возросло более чем на треть²⁷⁸. Эти тенденции подтверждают, что терроризм перестаёт быть исключительно вооружённым вызовом, превращаясь в комплексную гибридную угрозу, в которой медиа и идеология играют роль не меньшую, чем оружие.

Служба государственной безопасности Узбекистана сообщает о регулярном пресечении сетей, работающих через Telegram и другие площадки. Так, в Намангане в 2025 г. раскрыта ячейка ИГ-Х* (16 участников), которой, по данным следствия, руководила 19-летняя женщина, а вся в интернет пространстве группа вела пропаганду и координировала действия через соцсети и мессенджеры²⁷⁹.

Еще одним примером вербовки служит задержание июле 2025 г. В г. Бишкек сторонника ИГ-Х*, готовившегося к выезду на Ближний Восток. Госкомитет национальной безопасности республики Киргизия регулярно докладывает о задержаниях лиц, вовлечённых через мессенджеры и соцсети в идеологию ИГ-Х* и смежных структур. Это свидетельствует о цифровых каналах связи и работы удалённых кураторов, которые выступают как ключевой механизм рекрутинга. Для Кыргызстана характерна модель «онлайн-инициации» (курирование через закрытые чаты, рассылка медиапакетов, дистанционное «баят»), после чего следует офлайн-этап – сбор средств, «хиджра» и логистика выезда²⁸⁰.

Теракт, совершённый в марте 2024 года в «Крокус Сити Холл», стал крупнейшим актом терроризма в России за последние два десятилетия и

²⁷⁸ Telegram с 22 марта заблокировал тысячи аккаунтов по вербовке террористов // РИА Новости. 28 марта 2024. URL: <https://ria.ru/20240328/telegram-1936497731.html> (дата обращения: 07.08.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁷⁹ В Узбекистане раскрыта ячейка «ИГ-Хорасан», которой руководила 19-летняя девушка // Радио Азаттык (русская служба Радио Свобода). 21 июля 2025. URL: <https://rus.azattyq.org/a/v-uzbekistane-raskryta-yacheyka-ig-horasan-kotoroy-rukovodila-19-letnyaya-devushka/33479826.html> (дата обращения: 07.05.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁸⁰ ГКНБ: в Бишкеке задержан сторонник ИГИЛ, планировавший выезд в Сирию // Радио Азаттык (русская служба Радио Свобода). 17 июля 2025. URL: <https://rus.azattyq.org/a/gknb-v-bishkeke-zaderzhan-storonnik-igil-planirovavshiy-vyezd-v-siriyu-/33476749.html> (дата обращения: 04.08.2025).

выявил новый уровень трансграничной террористической угрозы, исходящей из Афганистана. В результате нападения погибли 145 человек, свыше 550 получили ранения, а ответственность за атаку взяла на себя группировка «Исламское государство – Хорасан»^{*}.

Данное события свидетельствует о кардинальном изменении стратегии ИГ-Хорасан^{*}. Если ранее её деятельность была сосредоточена внутри Афганистана и сопредельных странах, то теперь наблюдается экспансия вглубь постсоветского пространства, что кардинально меняет архитектуру региональной безопасности. Нападение в Москве продемонстрировало не только способность ИГ-Хорасан^{*} координировать атаки за пределами Афганистана, но и её возможность влиять на радикализацию мигрантов из Центральной Азии, что было зафиксировано в предшествующие годы²⁸¹.

Примечательно, что исполнителями теракта стали выходцы из государств Центральной Азии, что подтверждает тезис о расширении вербовочной сети ИГ-Хорасан^{*}, использующей цифровые технологии и социальные сети для формирования скрытых экстремистских ячеек. В этом контексте особую озабоченность вызывает не только сам факт атаки, но и её подготовительная фаза, в ходе которой террористическая инфраструктура оказалась незамеченной спецслужбами, несмотря на существующие предупреждения²⁸².

Данный инцидент требует пересмотра стратегий борьбы с терроризмом, поскольку демонстрирует новые тактики ведения террористической деятельности, включающие гибридные формы нападений, скрытую радикализацию, децентрализованную координацию. В этих условиях традиционные меры антитеррористической политики (усиление силового

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁸¹ Бастрыкин заявил, что мигранты все чаще совершают экстремистские преступления и теракты // Интерфакс. 2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1006438> (дата обращения: 01.02.2025).

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁸² В Таджикистане назвали теракт в "Крокус" испытанием для отношений Душанбе и Москвы // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20892739> (дата обращения: 01.02.2025).

контроля, закрытие границ) оказываются недостаточными. Борьба с такой угрозой требует комплексного подхода, включающего мониторинг идеологических потоков, финансовых каналов террористических организаций, усиление международного сотрудничества и модернизацию антитеррористической инфраструктуры.

Еще одним громким случаем стал теракт в Кандагаре, произошедший в марте 2024 г., который унёс жизни более 26 человек²⁸³. Террорист-смертник совершил взрыв у входа в один из банков Кабула, в результате чего погибли 19 человек, а более 20 получили ранения. Ответственность за атаку взяла на себя также группировка ИГ*. Данный акт демонстрирует что, несмотря на обещания от нового правительства талибов выстраивание выстраивания Афганистана в качестве мирного государства, ситуация остается крайне нестабильной. Выбор времени проведения атаки, совпавший со священным для мусульман месяцем Рамадан, свидетельствует о ее целенаправленном провокационном характере, направленном на усиление социальной напряженности и дестабилизацию обстановки в регионе. Подобные действия способствуют не только росту тревожности среди населения, но и подрыву доверия к правительственным институтам, демонстрируя их уязвимость перед террористической угрозой. Кроме того, выбор в качестве цели финансового учреждения указывает на стремление нарушить экономическую стабильность региона, создать панику среди населения и ослабить доверие к банковской системе, что в долгосрочной перспективе может привести к снижению инвестиционной активности и усугублению кризисных явлений в экономике.

Кроме ИГ-Х*, в Афганистане продолжают действовать другие террористические группировки, включая «Аль-Каиду» * и Исламское движение Узбекистана (ИДУ) *. Дополнительную обеспокоенность вызывает

²⁸³ Захарова, М. Россия осуждает теракт в Афганистане и выражает соболезнования семьям погибших // ТАСС. 2024. 25 марта. URL: <https://tass.ru/politika/20348261> (дата обращения: 23.01.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

сохранение связей между движением «Талибан»^{*} и «Аль-Каидой»^{*}, несмотря на подписанные в 2020 году Дохийские соглашения, в рамках которых талибы обязались не предоставлять убежище международным террористическим группировкам²⁸⁴. Однако фактическое положение дел демонстрирует иную динамику: согласно докладом ООН, боевики «Аль-Каиды»^{*} продолжают проживать на территории Афганистана, осуществляя координацию ряда экстремистских сетей в регионе.

Исламское движение Узбекистана активно использует нестабильность в Афганистане для распространения своего влияния в Центральной Азии. Особое беспокойство вызывает тот факт, что ИДУ^{*} использует территорию Афганистана не только как укрытие, но и как плацдарм для последующего распространения своего влияния в Центральную Азию. Географическое положение северных провинций страны создает благоприятные условия для нелегального проникновения боевиков в сопредельные государства, в первую очередь в Таджикистан и Туркменистан. Эти страны наиболее уязвимы из-за слабой системы пограничного контроля и внутренних социально-экономических проблем, способствующих радикализации местного населения²⁸⁵.

ИДУ^{*} в последние годы усилило свое присутствие в северных провинциях Афганистана, используя слабый контроль со стороны афганских властей и выгодное географическое положение региона. ИДУ^{*} использует афганскую территорию как логистический центр, обеспечивая подготовку боевиков и координацию операций в Центральной Азии. Организация также

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁸⁴ Соглашение о достижении мира в Афганистане между Исламским Эмиратом Афганистан, который не признан Соединенными Штатами в качестве государства и известен как движение «Талибан», и Соединенными Штатами Америки URL:<https://2017-2021-translations.state.gov/2020/02/29/соглашение-о-достижении-мира-в-афгани/> (Дата обращения 12.12.2024)

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁸⁵ Салим А., Балоч З., Амбрин С. Genesis, Strategies and Threat Perspectives of Islamic Movement of Uzbekistan (IMU): Central Asia and Beyond // Webology. 2022. Т. 19, № 2. С. 7562-7577.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

наладила взаимодействие с трансграничными преступными группировками, что способствует финансированию её деятельности за счет контрабанды оружия и наркотиков²⁸⁶.

Доклад ООН мониторинговой группы аналитической поддержки и санкций²⁸⁷ фиксирует частичное восстановление боевого потенциала ИДУ* и его интеграцию в структуры афганских и пакистанских талибов. Это создает условия для проникновения боевиков через слабозащищенные границы Таджикистана и Узбекистана, увеличивая террористическую угрозу в регионе. В отличие от прежней тактики, направленной на подрыв светских режимов в Центральной Азии, современная стратегия ИДУ* ориентирована на закрепление позиций в Афганистане с последующим расширением влияния²⁸⁸.

Воздействие терроризма, исходящего с территории Афганистана- на страны СНГ проявляется в нескольких ключевых аспектах, формируя комплексные вызовы для региональной безопасности. Одним из наиболее значимых факторов является трансграничная угроза, связанная с проникновением террористических групп через границы. Слабый контроль на отдельных участках таджикско-афганской границы, обусловленный не только географическими, но и военными и институциональными факторами, создает условия для беспрепятственного перемещения боевиков²⁸⁹. Согласно данным ОДКБ, только в 2022 г. было зафиксировано более 300 попыток незаконного пересечения границы со стороны боевиков, связанных с террористической группировкой «Исламское государство – Хорасан» (ИГ-Х) *. Данная тенденция представляет собой непосредственную угрозу для Центральной Азии, повышая риск дестабилизации приграничных регионов.

²⁸⁶ Шай С. Afghanistan and the Terror Threat in Central Asia // Journal of Security Science. 2024. Т. 5, № 1.

²⁸⁷ Доклад Мониторинговой группы аналитической поддержки и санкций // Совет Безопасности ООН. 13 февраля 2023. (S/2023/95). URL: <https://docs.un.org/en/S/2023/95> (дата обращения: 07.03.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁸⁸ Там же

²⁸⁹ На дальнем пограничье // Коммерсантъ Власть. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3325529> (дата обращения: 29.03.2024).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

Не менее значимым аспектом является идеологическая экспансия терроризма, проявляющаяся в радикализации населения постсоветского пространства. Афганистан остается эпицентром распространения экстремистской идеологии, которая активно проникает в страны СНГ посредством социальных сетей, онлайн-пропаганды и деятельности религиозных организаций. Значительная часть вербовочной деятельности ИГ-Х²⁹⁰ сосредоточена на русскоязычных мусульманах, включая мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации²⁹¹. Это формирует потенциальную внутреннюю угрозу, которая может способствовать росту террористической активности внутри стран СНГ.

Данные тенденции уже проявляются в увеличении числа террористических инцидентов в Центральной Азии. Активизация группировок, поддерживающих ИГ-Х*, наблюдается в приграничных районах Казахстана и Кыргызстана, что повышает вероятность проведения террористических атак. Эти процессы свидетельствуют о трансформации террористических угроз, в рамках которых террористические структуры используют гибридные методы ведения деятельности, включая кибертехнологии для координации атак и распространения экстремистской пропаганды.

Для минимизации угроз, связанных с афганским терроризмом, Россия и её союзники по ОДКБ реализуют комплексные меры, включающие:

1. усиление пограничного контроля и модернизацию таджикско-афганской границы путем оснащения её современными средствами наблюдения и разведки;
2. проведение совместных контртеррористических операций по ликвидации ячеек террористических организаций в странах Центральной Азии;

²⁹⁰ Организация запрещена на территории РФ.

²⁹¹ Как вербуют в ИГИЛ // Научно-исследовательский и образовательный портал НИУ «МИЭТ». URL: <https://miet.ru/page/106785> (дата обращения: 07.06.2025)

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

3. мониторинг и пресечение финансовых потоков, связанных с наркотрафиком, который остается основным источником финансирования террористических структур;

4. реализацию программ по предупреждению радикализации молодежи, включая взаимодействие с религиозными организациями, образовательные инициативы и контрпропаганду в цифровом пространстве;

5. развитие сотрудничества с Китаем, Ираном и Индией, которые также заинтересованы в минимизации террористической активности в Афганистане и укреплении региональной безопасности²⁹².

Проведённый анализ террористических группировок, действующих на афганском направлении и оказывающих влияние на безопасность постсоветского пространства, позволяет утверждать, что данная угроза носит структурно неоднородный характер и не может рассматриваться как единый феномен. Различия в идеологических установках, целеполагании и масштабах деятельности определяют специфику их трансграничного воздействия и, соответственно, требуют дифференцированных подходов к реагированию.

Представленные данные позволяют интерпретировать террористическую угрозу афганского происхождения не как единый феномен, а как структурно дифференцированную совокупность акторов, различающихся по логике действия, целеполаганию и характеру трансграничного воздействия. В аналитическом плане целесообразно выделить, по меньшей мере, три типа террористических субъектов. Первый тип образуют глобалистские джихадистские структуры (прежде всего ИГ-Х²⁹³), ориентированные на экспорт насилия и символическую демонстрацию силы за пределами Афганистана. Их активность направлена на подрыв региональной архитектуры безопасности через децентрализованные атаки, гибридные формы координации и цифровую радикализацию. Вторым тип

²⁹² Очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР Мао Нин // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 21 августа 2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/202508/t20250823_11694968.html (дата обращения: 02.09.2025).

²⁹³ Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

представлен организациями с «квази-локальной» повесткой («Аль-Каида», ТТП)²⁹⁴, для которых афганская территория выполняет функцию устойчивого убежища и логистической базы, позволяя сочетать локальные задачи с транснациональными операциями. Третий тип формируют центральноазиатские этнические группировки (ИДУ, КИБ, КТД)²⁹⁵, для которых Афганистан выступает пространством воспроизводства кадрового, идеологического и инфраструктурного потенциала, ориентированного на страны происхождения.

С точки зрения политического реализма, ключевым фактором, превращающим данные группировки в угрозу для постсоветских государств, является не столько их численность или военный потенциал, сколько их способность использовать институциональные и социально-экономические уязвимости приграничных регионов. Наличие протяжённых и трудноконтролируемых границ, ограниченные ресурсы пограничных служб, а также экономическая зависимость части местного населения от неформальных источников дохода создают условия для устойчивого воспроизводства террористической активности.

Таким образом, террористическая угроза афганского происхождения формируется на пересечении идеологических, институциональных и социально-экономических факторов. Её трансграничный характер обусловлен не только внутренней нестабильностью Афганистана, но и структурными ограничениями систем безопасности сопредельных государств. Это обстоятельство предопределяет необходимость перехода от унифицированных силовых мер к более комплексным стратегиям реагирования, включающим координацию на региональном уровне и сочетание военно-политических и несиловых инструментов, что получает дальнейшее развитие в анализе стратегий постсоветских государств в третьей главе.

²⁹⁴ Запрещенные в Российской Федерации террористические организации.

²⁹⁵ Запрещенные в Российской Федерации террористические организации.

Причинно-следственная связь между внутренней нестабильностью Афганистана и ростом трансграничной террористической угрозы проявляется не столько в «экспорте боевиков», сколько в формировании устойчивого институционального вакуума, в котором радикальные сети получают возможность автономного развития. Слабость контроля над периферийными территориями, фрагментированность силовых структур и избирательный характер взаимодействия талибских властей с различными группировками создают ситуацию «селективной терпимости», когда одни акторы вытесняются, а другие – фактически интегрируются в неформальный порядок. Это обуславливает парадокс: формальное снижение уровня внутреннего конфликта в Афганистане сочетается с ростом внешних угроз для сопредельных государств.

Отдельной дилеммой является трансформация террористической угрозы из преимущественно военной в гибридную. Акцент на цифровую вербовку, радикализацию мигрантских сообществ и автономные ячейки снижает эффективность традиционных силовых мер и делает постсоветские государства уязвимыми изнутри. Таким образом, афганский терроризм функционирует как системный дестабилизатор, воздействующий не только через физическое насилие, но и через подрыв социальных связей, институтов интеграции и механизмов доверия, что требует принципиально иных стратегий реагирования.

2.2. Влияние исламистского радикализма из Афганистана на внутриполитическую ситуацию в странах Центральной Азии

Вопрос исламистского радикализма является одной из ключевых проблем, определяющих безопасность постсоветского пространства в контексте афганского кризиса. Исламистский радикализм в странах постсоветского пространства предстает как многогранное явление, которое нельзя сводить лишь к террористической тактике. В отличие от чисто

оперативных форм насилия, терроризм представляет собой инструмент достижения конкретных политических целей, тогда как радикальный исламизм выражается через целостную идеологическую парадигму, стремящуюся к фундаментальной перестройке общественно-политической системы²⁹⁶.

Анализ влияния исламистского радикализма из Афганистана на Центральную Азию требует применения конструктивистской оптики, которая рассматривает идеологию и процесс радикализации не как набор статичных догм, а как динамичный социальный конструкт. С этой точки зрения, радикальные движения выступают не просто носителями насилия, а активными «инженерами идентичности», которые формируют и мобилизуют своих сторонников через создание специфических идеологических нарративов и дискурсивных практик. Эти нарративы строятся на противопоставлении «истинной» религиозно-этнической самости (часто мифологизированной) «чуждому» другому – будь то светские режимы, иные этнические группы или западная культура. Таким образом, радикализм становится инструментом переопределения коллективной идентичности, предлагая в условиях социально-экономической неопределенности и ценностного вакуума новые, хотя и деструктивные, смыслы и модели социальной солидарности. Влияние афганских факторов на Центральную Азию, следовательно, следует оценивать через их способность резонировать с локальными идентичностными разломами и предоставлять готовые дискурсивные инструменты для их обострения.

После окончания холодной войны, когда распад советской системы оставил пространство для поиска новых идеологических ориентиров, усилилась потребность в переосмыслении самоидентификации. В условиях нарастающей ценностной фрагментации глобального пространства и отсутствия универсальных идеологических ориентиров наблюдается

²⁹⁶ Исламский радикализм как глобальный вызов безопасности современной Центральной Азии // Afghanistan.ru. 2006. URL: <https://afghanistan.ru/doc/4932.html> (дата обращения: 29.03.2024).

устойчивая тенденция обращения значительной части населения, включая граждан России, к процессам культурно-религиозной реидентификации. Этот процесс сопровождается возрождением и укреплением национальных традиций, актуализацией религиозных практик и обращением к историко-культурному наследию как источнику смыслов и символического капитала. Тем самым формируется более чёткое осознание собственной идентичности, основанное на этнокультурных корнях, религиозных убеждениях и исторической памяти, что отражает глобальный тренд поиска устойчивых ценностных ориентиров в условиях социокультурных трансформаций²⁹⁷.

С точки зрения государственной политики, этот процесс переосмысления самоидентификации представляет собой как вызов, так и возможность для развития инклюзивного общества. Возрождение традиционных ценностей может способствовать укреплению социальной стабильности, если оно сопровождается конструктивным диалогом между различными культурными и религиозными сообществами. Россия с ее региональными партнёрами, стремясь поддерживать устойчивость и социальную гармонию, уделяет особое внимание программам, направленным на мультикультурный диалог и интеграцию традиционных ценностей в современную общественную жизнь²⁹⁸.

Важно отметить, что поиск самоидентификации не обязательно ведет к радикализации. Наоборот, осмысленное возвращение к культурному и религиозному наследию может стать основой для развития позитивных общественных инициатив, способных объединить общество вокруг общих ценностей и традиций. Эффективное управление этим процессом требует сбалансированного подхода, сочетающего уважение к историческому наследию с необходимостью модернизации социальных институтов, что позволяет создавать условия для устойчивого развития в условиях изменяющейся геополитической обстановки.

²⁹⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. Политические исследования. 1994. С. 31-49.

²⁹⁸ Путин выступил на Петербургском форуме объединенных культур // Ведомости. 2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/09/12/1061921-putin-vistupil> (дата обращения: 26.08.2024).

С одной стороны, в контексте Афганистана радикальный исламизм представляет собой неразрывную связь с движением «Талибан»*, которое, в отличие от транснациональных джихадистских структур, таких как «Аль-Каида»* и «Исламское государство»*, представляет собой преимущественно националистический феномен. Радикальные идеи талибов глубоко укоренены в этнических и племенных традициях пуштунов²⁹⁹. Одной из ключевых особенностей радикального исламизма в Афганистане является его этническая обусловленность. Пуштунвали, представляя собой кодекс чести пуштунских племен, оказывает значительное влияние на формирование политической и социальной структуры движения «Талибан»*.

Пуштунвали представляет собой совокупность традиционных норм, обычаев и неписаных правил, являющихся основой культурного кода пуштунского общества. Этот свод формируется на основе древних докоранических обычаев (адат), которые впоследствии интегрировались с нормами ислама, адаптируясь к особенностям образа жизни пуштунов. Среди ключевых принципов – чувство национальной гордости (гайрат), понятие чести и репутации (нанг), настойчивость и целеустремлённость (сабат), а также традиция компенсации или кровной мести (бадал). Эти устои служат не только для регулирования повседневного поведения, но и для разрешения конфликтов внутри племени, сохраняя социальную солидарность и укрепляя коллективную идентичность. Феномен пуштунвали носит двойственный характер³⁰⁰.

С одной стороны, соблюдение этих традиций способствует сохранению культурного наследия и поддержанию крепких социальных связей в рамках племенной системы, что позволяет пуштунам сохранять свою

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация

²⁹⁹ Оришев А.Б. «Пуштунвали» – История жизни и философия пуштунов // Вестник экспериментального образования. 2015.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

³⁰⁰ Rzehak L. Doing Pashto: Pashtunwali as the Ideal of Honourable Behaviour and Tribal Life among the Pashtuns // Afghanistan Analysts Network. 21 марта 2011. URL: <https://www.afghanistan-analysts.org/wp-content/uploads/downloads/2012/10/20110321LR-Pashtunwali-FINAL.pdf> (дата обращения: 07.09.2025).

уникальность даже в условиях культурной изоляции. С другой стороны, строгая и зачастую догматичная трактовка этих норм может приводить к жестоким конфликтам, чрезмерному соблюдению принципов кровной мести и отказу от компромиссных решений. Такая интерпретация традиций, часто усугубляемая внешним давлением, способствует формированию радикальных настроений и экстремистской идеологии, что в современных условиях становится источником серьезных вызовов для общественной и политической стабильности в постсоветском пространстве³⁰¹.

Одной из ключевых проблем современного афганского политического ландшафта является глубокий этнополитический раскол, проявляющийся в доминировании пуштунов в структуре движения «Талибан»* и приводящий к устойчивому притеснению таджикского населения и других этнических групп³⁰². Включение в национальные институты, доступ к управлению, культурное и образовательное выступают лакмусовыми показателями: таджики, проживающие в преимущественно пуштунских регионах, всё чаще сталкиваются с ограничениями, которые эксперты интерпретируют как элементы неформальной политики «пуштунизации»³⁰³.

В связи с продолжающимся кризисом, страны постсоветского пространства, в особенности Таджикистан и Россия, рассматривают защиту прав этнических таджиков в Афганистане как вопрос национального значения. По оценкам, численность этнических таджиков в Афганистане достигает 20 млн человек, что составляет приблизительно 40% от общей численности населения страны³⁰⁴. Однако отсутствие официальной переписи населения

³⁰¹ Пуштуны – «народ чести» // Afghanistan.ru. 2006. URL: <https://afghanistan.ru/doc/13498.html> (дата обращения: 03.12.2024).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

³⁰² Махмадшоев Р. М. Таджики и пуштуны: вопросы взаимоотношений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. URL: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/4751dce5712315e802b3087e6cdf1c21.pdf> (дата обращения: 06.09.2024).

³⁰³ Власть берущие: талибы не смогли сформировать инклюзивное правительство // Институт востоковедения РАН в средствах массовой информации. 5 октября 2024. URL: <https://ivran.ru/ivran-v-smi?artid=219668> (дата обращения: 07.09.2025)

³⁰⁴ Таджики и Пуштуны. Вопросы взаимодействия. URL: <https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/5826/28.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения 15.05.2023)

затрудняет точную демографическую оценку. Политика, проводимая талибами, вызывает серьезную обеспокоенность у таджикских властей, учитывая её жесткий националистический и религиозно-консервативный характер. Внедрение таких подходов способствует ограничению гражданских прав национальных меньшинств, усилению этнического дисбаланса и обострению региональной нестабильности.

Хотя официальная риторика движения «Талибан»^{*} утверждает приверженность принципам шариата, на практике его политика характеризуется репрессивными мерами, включая ограничение прав человека, дискриминацию национальных меньшинств, а также запрет на образование для девочек. Эти факторы не только усугубляют внутреннюю нестабильность в Афганистане, но и создают потенциальные угрозы для безопасности других региональных игроков, в первую очередь для стран Центральной Азии, с которыми Афганистан граничит.

Многие принципы управления, проводимые талибами, включая ограничение прав женщин, коллективную ответственность и концепцию мести имеют не столько религиозное, сколько этно-племенное происхождение. Несмотря на провозглашаемый религиозный характер, «Талибан»^{*} в значительной степени является этноцентрическим движением. В отличие от транснациональных джихадистских группировок, «Талибан»^{*} фокусируется на построении исламского государства в пределах Афганистана, при этом талибы активно используют ислам как инструмент легитимации своей власти, однако их государственная модель базируется не только на шариатских нормах, но и на традиционных принципах пуштунского общества. В этом контексте можно говорить о специфической форме радикального исламизма, которая представляет собой симбиоз религиозного фундаментализма и этнического национализма³⁰⁵.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

³⁰⁵ Аманбекова Ш. Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии // Постсоветские

Одной из причин возможности практического воплощения радикальных идей талибов стала разобщенность страны в результате долгой войны, что обусловило полную самостоятельность полевых командиров и отдельных пуштунских племен³⁰⁶.

Некоторые идеологи панпуштунизма (О.Р. Тараки) желали, чтобы талибы силой заставили своих противников «соблюдать принципы демократии»³⁰⁷. В подобной полуанархической обстановке, в стране, разрушенной войной и наводненной оружием со всего мира, сложно представить, что исламисты мыслили бы более умеренными категориями.

После успешного наступления на Кандагар, а позднее и падения в 1996 г. Кабула, планы талибов по превращению страны в общество, живущее по указаниям пророка Мухаммеда, стали воплощаться в жизнь. Заявляя, что разработка нового законодательства не имеет смысла, поскольку по-настоящему праведная жизнь может идти только по законам Аллаха, они сделали волю муллы Омара и их правительства абсолютной в рамках большей части государства³⁰⁸.

На подконтрольной им территории, помимо строгих запретов в отношении женщин, действовал и ряд других ограничений. Мужчины должны были носить бороду и одеваться в белое, запрещалось слушать музыку, объявлялась вне закона практически вся банковская деятельность, а средства массовой информации жестко цензурировались.

После падения режима талибов в 2001 г., в период подпольной борьбы против нового правительства, их исламистский радикализм продолжал распространяться на жителей северо-западных районов Пакистана, которые подвергались их нападению и террору. Так, в округе Сват разрушению от рук талибов подверглись десятки школ, в которых получали образование

исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 318-329.

³⁰⁶ Князев А.А. К истории афганского движения «Талибан» (середина - вторая половина 1990-х гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 15.

³⁰⁷ Сикоев, Р. Политический облик афганской диаспоры / Р. Сикоев // Азия и Африка сегодня. - 1999. - № 3. - С. 21.

³⁰⁸ Сикоев Р. Шариатское законодательство в действии Р. Сикоев // Азия и Африка сегодня. - 2000. С. 27.

девочки³⁰⁹, а в самом округе правительство было вынуждено по требованию исламистов ввести законы шариата.

Над другими регионами, как, например, вошедшими в состав Исламского государства Вазиристан, правительство вовсе утратило контроль.

Возвращение талибов к власти в 2021 г. привело к ужесточению социальной политики, направленному на ущемление прав женского населения Афганистана³¹⁰. В условиях, когда официальный дискурс опирается на традиционные устои, такие как пуштунвали, женщины сталкиваются с систематическими ограничениями в доступе к образованию, трудовой деятельности и свободе передвижения. Эти меры, будучи частью попытки сохранить традиционный образ жизни, одновременно служат инструментом идеологического давления, способствуя укреплению радикальной интерпретации ислама в стране. В результате, репрессивная политика в отношении женщин приобретает двойной характер: она не только ограничивает возможности личностного и профессионального развития, но и усиливает антизападный, консервативный дискурс, что способствует дальнейшей радикализации общества и негативно сказывается на региональной безопасности постсоветского пространства³¹¹.

Одновременно следует отметить, что жесткие ограничения прав женщин, проводимые талибским режимом, рассматриваются как способ поддержания традиционной социальной структуры, в основе которой лежат устаревшие нормы пуштунвали. Такой подход, воплощённый в официальной риторике, усиливает идеологическую изоляцию, способствуя распространению экстремальных взглядов через цифровые медиа и миграционные потоки. С одной стороны, подобная политика позволяет

³⁰⁹ Pakistani Taliban blow up schools in Swat // URL: <https://web.archive.org/web/20181112184539/https://uk.reuters.com/article/uk-pakistan-schools/pakistani-taliban-blow-up-schools-in-swat-idUKTRE50I26720090119> (дата обращения: 23.03.2025 г).

³¹⁰ «Отношение талибов к женщинам противоречит исламу» // Новости ООН. 6 октября 2024. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/10/1457066> (дата обращения: 07.03.2025).

³¹¹ «Женский вопрос в Афганистане после 2021 года: есть ли свет в конце тоннеля?». Российский совет по международным делам. // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/zhenskiy-vopros-v-afganistane-posle-2021-goda-est-li-svet-v-kontse-tonnelya/> (дата обращения: 07.01.2025 г).

сохранять культурное наследие, однако с другой – она создает благодатную почву для консервативной радикализации, когда традиционные ценности используются для оправдания репрессивных мер и отказа от диалога с современными тенденциями в области прав человека. В итоге, ограничение прав женщин становится важным компонентом общей идеологической стратегии, которая негативно отражается на стабильности не только внутри Афганистана, но и в странах Центральной Азии, России и Закавказья, требуя пересмотра существующих подходов к правам человека и модернизации социальных институтов³¹².

Развитие этноцентричного исламизма в Афганистане привело к тому, что движение «Талибан»* с момента своего становления воспринимает пуштунов как ключевой политический субъект афганского государства. Это проявляется в дискриминационной политике по отношению к другим этническим группам – таджикам, узбекам, хазарейцам. В условиях отсутствия реальной инклюзивности в составе афганского правительства этническое доминирование пуштунов создает дополнительные риски для дестабилизации страны и способствует росту межэтнической напряженности.

В контексте анализа экстремистской идеологии в Афганистане важным инструментом её легитимации становится этнополитический контекст. «Пуштунвали» с его идеалами гостеприимства, чести, верности и коллективной ответственности, устойчиво функционировал как нормативная основа для социальной устойчивости внутри пуштунских сообществ. Однако в условиях политической доминации пуштунов и ослабления центральной власти этот кодекс приобрёл идеологическую функцию, служащую оправданием этноцентризма. История этнополитических конфликтов Афганистана и институциональная нестабильность укореняются в специфике племенного устройства пуштунов и их коллективной памяти, в том числе противопоставлении «своих» и «чужих» ради консолидации власти наземной

³¹² Там же

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

элиты³¹³. Такая идеологическая установка, усиливаемая официальной риторикой радикальных исламистов, порождает межэтническую поляризацию, которая может способствовать дальнейшей радикализации и негативно отражаться на стабильности регионов Центральной Азии и Закавказья³¹⁴.

Дополнительный анализ показывает, что ключевым фактором афганской внутренней политики остаётся доминирование пуштунского этноса, составляющего значительную часть населения страны. Концентрация власти и управленческих ресурсов в руках представителей этого этноса формирует предпосылки для проведения политики, ориентированной на культурную и политическую гомогенизацию, что, в свою очередь, ведёт к маргинализации интересов других этнических групп и препятствует формированию инклюзивной модели государственного управления.

Дополнительный анализ выявляет, что этнополитическая специфика Афганистана серьёзно влияет на внутреннюю политическую динамику. В течении XIX–XX вв. пуштунская элита проводила политику насильственной пуштунизации, направленную на ассимиляцию непуштунов посредством кампаний по переселению и конфискации земель. Отмечается, что эти мероприятия включали репрессии против таджиков, хазарейцев и нуристанских общин, ужесточение налогов и земельного законодательства в их отношении, что приводило к потерям имущества, бедности и росту межэтнических конфликтов³¹⁵.

Исторический контекст демонстрирует, что этнополитическая динамика в Афганистане была во многом определена политикой переселения пуштунов в северные регионы страны. В научной статье «Колонизация

³¹³ Хане М. В. Этнический фактор в политическом строительстве афганской государственности // Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2010. (специальность 23.00.02). URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01004890392.pdf (дата обращения: 12.12.2024).

³¹⁴ Динамика развития ситуации в Афганистане (2021–2024 гг.) Афганистан.ру // Режим доступа: <https://afghanistan.ru/doc/150319.html> (дата обращения: 12.04.2024)

³¹⁵ Махмадшоев Р. М. Таджики и пуштуны: вопросы взаимоотношений // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. С. 158–165. URL: <https://vestnik.nsu.ru/historyphilology/files/4751dce5712315e802b3087e6cdf1c21.pdf> (дата обращения: 07.12.2024).

северного Афганистана и английская пограничная комиссия»³¹⁶ говорится о том, что в 1880-х гг. эмир Абдур-Рахман-хан переселял пуштунов в плодородные аграрные районы с северной границей, предоставляя им земли и ограничивая политические возможности таджиков, узбеков и хазарейцев; это усиливало этническое напряжение и способствовало маргинализации местного населения.

Эти практики продолжались и в следующие десятилетия: в исследовании «Этнополитический портрет Афганистана: единство или федерализм» А. Хамгаев отмечает, что политика переселения пуштунов длилась вплоть до правления Амануллы-хана, когда пуштуны получали землю и платежные льготы в северных провинциях, что ещё больше углубляло этническое разделение на периферии³¹⁷.

В современных условиях последствия этих процессов остаются актуальными: северные провинции, такие как Фарьяб, Саманган, Кундуз и Баглан, демонстрируют стойкий дисбаланс в социальной и политической интеграции непуштонских общин, что становится фактором конфликтного взаимодействия и препятствует формированию инклюзивного государства.

Неполноценное взаимодействие с представителями иных этнических групп приводят к усилению консервативных и репрессивных практик, что в условиях глобальной информационной открытости и миграционных процессов обостряет социальные противоречия. Так, в отчёте Георгтаунского центра политики указано³¹⁸, что движение «Талибан»*, обладая этническим большинством среди пуштунов, систематически исключает других представителей из структуры власти – свойственным образом усиливая

³¹⁶ Окимбеков У. В. Колонизация Северного Афганистана и английская Разграничительная комиссия // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. С. 25–33. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49202099_33671090.pdf (дата обращения: 07.02.2025).

³¹⁷ Хамгаев А. Этнополитический портрет Афганистана: единство или Федерализм? // Россия и мусульманский мир. 2004. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnopoliticheskiy-portret-afganistana-edinstvo-ili-federalizm> (дата обращения: 07.09.2025).

³¹⁸ Kumar A., Malhotra A. Factoring Ethnicity in Taliban's Quest for Legitimacy: An Anthropological Rewiring of the Power Structure // Georgetown Journal of International Affairs. 17 апреля 2024. URL: <https://gjia.georgetown.edu/2024/04/17/factoring-ethnicity-in-talibans-quest-for-legitimacy-an-anthropological-rewiring-of-the-power-structure/> (дата обращения: 24.04.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

этническое гегемонистское доминирование и закрывая пространство для инклюзивного диалога. В результате подобная политика способствует распространению радикальных взглядов, что становится особенно заметно в странах постсоветского пространства, где многообразие культурных традиций требует инклюзивного подхода к управлению. Этот парадокс традиционализма и радикализации отражает сложность современного афганского кризиса и подчеркивает необходимость переосмысления моделей государственной политики в регионах, непосредственно затронутых влиянием экстремизма.

Правительство талибов неопределенно заявляет о том, как, по его мнению, в конечном итоге будет выглядеть его система, часто смягчая свою риторику до принятия реальных политических решений, например, не исключая участия женщин в правительстве только для того, чтобы отменить это обещание при объявлении состава кабинета министров. Правительство движения «Талибан»^{*} неоднократно демонстрировало противоречивую риторику в отношении участия женщин в управлении: промежуточные заявления о допусках отдельных ролей поддерживаются, но в итоге отменяются действиями при формировании структур власти. Уже 17 августа 2021 г. представитель движения «Талибан»^{*} призывал женщин участвовать в правительстве – менее чем через три недели, при объявлении временного кабинета 7 сентября, в число министров не вошла ни одна женщина, а взамен было упразднено Министерство по делам женщин и создано «Министерство добродетели и предотвращения порока»³¹⁹.

Очень скоро начались репрессии против прав женщин: школьная сегрегация, отмена женского служения, обязательное ношение хиджаба и так далее. После волны митингов правительство талибов запретило все протесты,

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

^{*} Запрещенная террористическая организация на территории РФ с 2003 по 2024 год.

³¹⁹ «Зловещее возвращение «полиции нравов» в Афганистан» // Human Rights Watch. 5 октября 2021. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2021/10/05/380044> (дата обращения: 07.07.2025).

необходимо теперь получать предварительного разрешения правительства, а получить его, как известно, очень трудно и потенциально рискованно³²⁰.

Афганистан остается ключевым узлом распространения радикального исламизма, однако его характер отличается от глобальных джихадистских проектов. Политика движения «Талибан»^{*} представляет собой пример этнически ориентированного исламизма, где религия переплетается с национальными традициями пуштунов³²¹. Это делает его влияние специфическим и ограниченным территорией Афганистана, но при этом не исключает угроз, связанных с идеологической экспансией, миграцией и трансграничной преступностью. Для постсоветского пространства важным вызовом остается предотвращение распространения радикальной исламистской идеологии среди населения, особенно молодежи, и нейтрализация потенциальных угроз, исходящих из Афганистана.

Суды Афганистана также изменились. Новая судебная система принимает решения в соответствии с законами шариата и обычно включает судей, которые являются членами самого движения «Талибан»^{*}. Многие из ожидаемых особенностей западных судов игнорируются, поскольку многие считают талибские суды более быстрыми и эффективными, но при этом гораздо более склонными к суровым наказаниям и отказу в надлежащей правовой процедуре обвиняемым, даже отказывая им в надлежащей правовой защите³²².

Миграционные процессы также оказывают существенное влияние на распространение радикальных идей. Россия и Казахстан, являясь центрами

³²⁰ «Талибан» запретил протесты в Афганистане без согласования с ним. ТАСС [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12335307> (дата обращения 15.10.2024 г.)

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

³²¹ «Таджикистан и ОДКБ: вызовы и перспективы региональной безопасности» // Central Asia Analytical Network. URL: <https://www.caa-network.org/archives/24630/tadzhikistan-i-odkb-vyzovy-i-perspektivy-regionalnoj-bezopasnosti> (дата обращения: 03.10.2025).

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

³²² Доклад Специального докладчика по вопросу о положении в области прав человека в Афганистане Ричарда Беннетта: «Доступ женщин и девочек к правосудию и защите и воздействие множественных и перекрестных форм дискриминации» // Организация Объединённых Наций. Совет по правам человека. Пятьдесят девятая сессия. 2025. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g25/123/45/pdf/g2512345.pdf> (дата обращения: 18.04.2025).

притяжения трудовых мигрантов из Центральной Азии, стали благодатной почвой для деятельности вербовщиков. Использование этнических диаспор, нелегальных религиозных сообществ и онлайн-платформ позволяет распространять идеологию радикального ислама.

Такая политика не может не вызывать обеспокоенность у России и ее региональных соседей. Нынешние реалии таковы, что после ухода международной коалиции главными внешними игроками в Афганистане становятся соседи этой страны. Собственно, одним из уроков неудачи международной коалиции можно считать именно недооценку региональных игроков и недостаточные усилия США и их союзников по привлечению этих игроков к процессу афганского урегулирования. Одним из ключевых уроков афганской операции международной коалиции стало то, что игнорирование регионального контекста и местных элит существенно ослабило эффективность внешнего управления. По словам директора Российского совета по международным делам А. Картунова, одним из явных провалов коалиции стало «недооценивание региональных игроков и недостаточные усилия США и их союзников по привлечению этих игроков к процессу урегулирования» – что значительно препятствовало формированию широкого международного консенсуса³²³. Кроме того, построение мира с соблюдением инклюзивности в Афганистане по некоторым оценкам изначально было обречено на провал – ввиду внешнего давления и усилий, направленных на навязывание западных моделей управления в сложном этнорелигиозном контексте региона. Географическая изолированность страны и периферийный статус в геополитике Востока сделали любые попытки устойчивой стабилизации особенно трудными³²⁴.

³²³ Картунов А.В. Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия: доклад Российского совета по международным делам (РСМД) № 76/2021 / А. В. Картунов; Российский совет по международным делам (РСМД). 2021. С.26

³²⁴ Price G. Why Afghan nation-building was always destined to fail // Chatham House (International Affairs Think Tank). 10 сентября 2021. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/09/why-afghan-nation-building-was-always-destined-fail/> (дата обращения: 07.05.2025).

Хотя сегодня на Западе основное внимание традиционно фиксируется на роли Китая и России, нельзя недооценивать также роль Пакистана, Ирана, стран Центральной Азии и Индии. В связи с этим особое значение имеет активное привлечение Афганистана к работе с региональными многосторонними структурами безопасности и развития. Многосторонние форматы через международные организации, такие, как ООН, ШОС, ОДКБ, позволяют подходить к сотрудничеству с Афганистаном более гибко, чем двусторонние³²⁵.

Российская Федерация имеет ряд политических установок, так как является основным игроком в обеспечении безопасности в регионе. На данный момент, основные политические установки России по отношению к новому правительству Афганистана заключаются в следующем:

1) Подход России к Афганистану при режиме талибов будет определяться способностью новых властей обеспечить базовые основы государственности и существенному снижению уровня угроз, исходящих от движения «Талибан»*.

2) На данный момент Россия занимает выжидательный характер. Признание талибов со стороны России будет зависеть от международно-политической конъюнктуры современной системы международных отношений и действия самих талибов. Если талибы будут пренебрегать международным правом и не выполнять свои обещания, что касается вышеупомянутого положения, то вряд ли талибы добьются признания как на международной арене, так и от России в первую очередь.

3) Другой политической установкой является обеспечение региональной безопасности. Если талибы не будут участвовать в региональной архитектуре безопасности, то это осложнит развитие отношений с региональными соседями. Талибы должны нести

³²⁵ Картунов А.В. Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия: доклад Российского совета по международным делам (РСМД) № 76/2021 / А. В. Картунов; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2021. – С.26

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

ответственность за региональную безопасность, так как есть опасения, что Афганистан может превратиться в место скопления различных радикально-экстремистских группировок, которые в свою очередь могут нанести серьезный урон странам региона; Россия в данном случае не может оставаться в стороне, так как она связана со странами региона союзническими обязательствами. (например, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан от 25 мая 1993 г.).

4) Россия заинтересована в привлечении стран региона по средствам международных организаций для урегулирования конфликта, так как в этом случае будут учтены интересы всех стран и сторон³²⁶.

В этой связи Организация договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества играют важную роль в разрешении возникших конфликтов, так как они обладают реальным потенциалом и, самое главное, заинтересованы в справедливом разрешении возникших конфликтов в регионе.

Россия заинтересована в реальном урегулировании конфликта в этой стране и достижению мира. В отличие от западных партнеров, которые заигрывают и спекулируют в вопросе безопасности Афганистана, Россия четко определила свою общую точку зрения. Она заключается в достижении полного мира в этой стране. В этой связи логичным выглядит выстраивание мирных отношений с талибским режимом для достижения мира и пресечения активных боевых действий, которые могут привести к большим людским потерям.

Борьба с исламистским радикализмом в постсоветском регионе требует многоуровневого подхода. На международной арене координация усилий в рамках организаций, таких как ОДКБ, ШОС, СНГ, играет важную роль в

³²⁶ Лавров С. В. Выступление на заседании Совета Безопасности ООН «Сотрудничество ООН с региональными и субрегиональными организациями в поддержании мира и безопасности: вклад ОДКБ, СНГ и ШОС в борьбу с террористическими угрозами» / «Международные отношения». URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23920> (дата обращения: 13.09.2025).

обмене разведанными и проведении антитеррористических операций. Внутри стран СНГ приняты законодательные меры, направленные на пресечение финансирования экстремистских группировок, ужесточение контроля за мигрантами и разработку программ дерадикализации, включающих реабилитацию бывших экстремистов. Однако, учитывая продолжающуюся поддержку экстремистских элементов из Афганистана и динамичное развитие глобальных террористических сетей, стратегически эффективная политика должна сочетать силовые меры с социально-образовательными программами, способными предложить альтернативу радикальному идеологическому дискурсу.

Сквозь призму конструктивизма становится очевидным, что радикализация, экспортируемая из Афганистана, – это не просто передача идей, а процесс конкурентного создания смыслов. Движение «Талибан»* и связанные с ним структуры предлагают мощный идентичностный конструкт, сплавливающий религиозный фундаментализм, этноцентрический национализм (пуштунвали) и антимодернистский протест. Этот конструкт становится привлекательным ресурсом для маргинализированных групп в Центральной Азии, позволяя им переформулировать свои социальные претензии в терминах глобальной борьбы «истинных мусульман» против «неверных» или «продавшихся» режимов. Дискурсивные практики талибов, такие как героизация мученичества, демонизация светского образования и гендерный традиционализм, предлагают готовые паттерны для интерпретации локальных проблем. Следовательно, угроза заключается в способности этих трансграничных нарративов «прививаться» к местным социальным тканям, переосмысливая этнические, клановые или региональные противоречия в радикальном религиозно-политическом ключе и конструируя новые, конфронтационные формы солидарности.

Таким образом, влияние афганского радикализма на внутривнутриполитическую ситуацию в странах Центральной Азии с позиций

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

конструктивизма проявляется в его роли как внешнего катализатора и поставщика дискурсивного ресурса для внутренних процессов переопределения идентичности. Это ставит перед региональными государствами задачу не только силового и правового противодействия, но и ведения конкурентной борьбы на поле формирования смыслов. Эффективная контрстратегия должна включать продвижение инклюзивных, гражданско-государственных идентичностей, способных предложить позитивные, объединяющие нарративы, которые девальвируют привлекательность радикальных конструкторов, основанных на изоляции и конфликте.

Анализ исламистского радикализма афганского происхождения показывает, что его влияние на постсоветское пространство носит преимущественно дискурсивно-идеологический, а не прямой организационный характер. Радикализм в данном контексте выступает не столько как экспортируемая модель управления, сколько как источник символических и смысловых конструкций, которые резонируют с внутренними социальными и идентичностными разломами стран Центральной Азии. Это позволяет говорить о формировании особого типа «внешне индуцированной радикализации», при которой афганский фактор не навязывает готовые структуры, а активизирует локальные процессы переосмысления идентичности.

С аналитической точки зрения целесообразно разграничивать этноцентричный исламизм талибского типа и транснациональный джихадизм. Первый представляет собой симбиоз религиозного фундаментализма и пуштунского этнонационализма, укоренённого в кодексе пуштунвали и ориентированного на внутреннюю консолидацию власти. Его экспортный потенциал ограничен, однако он создает мощный символический прецедент – демонстрацию возможности устойчивого антизападного и антимодернистского проекта. Второй тип, напротив, использует афганский кейс как доказательство жизнеспособности радикального пути и адаптирует

его к иным этнокультурным контекстам, включая центральноазиатские общества.

Причинно-следственная связь между афганским радикализмом и внутрисполитической ситуацией в странах региона проявляется через совпадение структурных уязвимостей: социально-экономическое неравенство, кризис гражданских идентичностей, демографическое давление и маргинализация мигрантов. В этих условиях радикальные нарративы выступают конкурентной формой смыслообразования, предлагая простые ответы на сложные социальные вопросы. Противоречие заключается в том, что процессы культурно-религиозной реидентификации, потенциально способные укреплять социальную солидарность, при отсутствии инклюзивной государственной политики могут трансформироваться в канал радикализации.

2.3. Транснациональный наркотрафик из Афганистана: инфраструктура, маршруты и его влияние на постсоветские государства

С начала 1990-х гг. Афганистан позиционировался, как основной мировой источник опиатов, производя опиум и героин в объёмах, которые по оценкам достигают 80–90% мирового рынка. Развитие нелегальной наркоторговли сопровождалось формированием трёх ключевых транзитных маршрутов. Первый из них, известный как балканский, включает транспортировку наркотических средств через Иран и Турцию с последующим поступлением в европейские страны. Второй – южный маршрут – пролегает через Иран в Пакистан, используя порт города Карачи, направляя продукцию в регионы Южной Азии, Ближнего Востока и Африки. Особое значение для постсоветского пространства имеет третий, северный маршрут³²⁷.

С середины 1990-х гг. основной путь проходил через Термез, оттуда – в Карши, Бухару, Ургенч, Нукус и далее через плато Устюрт в Казахстан и

³²⁷ Митрофаненкова О.Е. Наркопроизводство в Афганистане в контексте политических и социально-экономических процессов (1994-2021 гг.) дисс. Канд. Наук. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2021. - 233

Россию³²⁸. Северный маршрут проходит через страны Центральной Азии с конечным пунктом в Российской Федерации, и по нему, по оценкам экспертов, через него поступает порядка четверти всего объёма афганских опиатов.

Эксперты выделяют несколько основных путей, по которым афганские наркотики распространяются по всему миру (Приложение 1)³²⁹. Такая структурированная схема наркоторговли не только отражает глобальный характер афганского кризиса, но и подчёркивает актуальность проблемы для обеспечения региональной безопасности, требующей комплексных мер межгосударственного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств³³⁰.

Ключевым транзитным узлом в рамках северного маршрута нелегальной торговли наркотиками является граница между Афганистаном и Таджикистаном, протяжённость которой достигает примерно 1400 км, особенно в сегменте, прилегающем к афганской провинции Бадахшан. Согласно данным ООН, через этот участок ежегодно проходит до 90 тонн героина, что обуславливает роль Таджикистана как первичного барьера на пути наркотиков в Центральной Азии. После пересечения данной границы наркотовары, обходя главные транспортные артерии, направляются через территории Кыргызстана, Казахстана или Узбекистана с конечной точкой на российской границе. Так, южный регион Кыргызстана, где находится город Ош в Ферганской долине, на протяжении длительного времени функционирует как один из основных перевалочных пунктов, что подтверждается оценками ООН, обозначающими этот регион как «эпицентр наркотрафика Центральной Азии».

В условиях постсоветского пространства ослабление пограничного контроля и недостаточная координация между государствами, особенно в

³²⁸ Афганский наркотрафик: основные маршруты. Справка // URL: <https://ria.ru/20100603/242406939.html?ysclid=m98xn7wh7u929966322> (дата обращения: 25.03.2025).

³²⁹ Там же.

³³⁰ Afghan Opiate Trafficking along the Northern Route // United Nations Office on Drugs and Crime. 2024. URL: <https://www.unodc.org/rpnc/en/Sub-programme-4/afghan-opiate-trafficking-along-the-northern-route.html> (дата обращения: 03.01.2025).

1990-е гг. на фоне гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 гг.), создали предпосылки для формирования устойчивых каналов нелегальной торговли наркотиками. При этом современные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на усилия по укреплению пограничного контроля, власти Таджикистана фиксируют возрастание объемов наркотрафика через их территорию. Такая динамика указывает на адаптивный характер наркоканалов: даже при изменении глобальной структуры транзита наркотиков северный маршрут сохраняет свою значимость и, возможно, вновь набирает обороты³³¹.

Нелегальные доходы от наркотрафика стали одним из ключевых источников финансирования для вооружённых формирований и криминальных структур, действующих в условиях афганского кризиса. Исторически движение «Талибан»*, являющееся на сегодняшний день государственной силой Афганистана аккумулировало значительные финансовые ресурсы посредством введения налоговых сборов с крестьян, занимающихся выращиванием опийного мака, а также с операторов нарколабораторий и перевозчиков. По данным ООН, в период 2018–2019 гг. финансовые поступления от наркотрафика для талибов превысили 400 млн долл., что составляло до 60% их бюджета, и эти средства играли решающую роль в поддержке их военной кампании против правительства Афганистана и коалиционных сил, несмотря на масштабные инвестиции США в программы по уничтожению наркоплантаций и лабораторий³³².

Система землевладения, отсутствие альтернативных источников дохода и неэффективность государственной поддержки стали основой для втягивания крестьян в устойчивое выращивание опийного мака. Несмотря на

³³¹ В Таджикистане растёт объем изъятых наркотиков, завезенных из Афганистана. // **Российская газета**. 2024. URL: <https://rg.ru/2024/07/29/v-tadzhikistane-rastet-obem-iziatyh-narkotikov-zavezennyh-iz-afganistana.html> (дата обращения: 01.02.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

³³² Profits from poppy: Afghanistan's illegal drug trade a boon for Taliban // Reuters. 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/profits-poppy-afghanistans-illegal-drug-trade-boon-taliban-2021-08-16/> (дата обращения: 28.12.2024).

физическую вовлечённость, они получают минимальную прибыль, тогда как основные доходы концентрируются у посредников и силовых структур.³³³

Кроме того, наркоторговля интегрировалась в систему финансирования других экстремистских группировок. В Центральной Азии, к примеру, Исламское движение Узбекистана активно использовало нелегальные наркодоходы для поддержки своих операций, контролируя ключевые каналы контрабанды героина в постсоветский регион и обеспечивая средства для проведения боевых вылазок в Узбекистане, Кыргызстане и других странах. Таким образом, наблюдается формирование феномена «наркотерроризма», при котором нелегальная торговля наркотиками тесно переплетается с террористической деятельностью: вырученные средства от продажи героина направляются на закупку вооружения, взрывчатых веществ и вербовку новых бойцов, что значительно усиливает дестабилизирующий эффект в регионе³³⁴.

В условиях постсоветского пространства наркоторговля, осуществляемая транснациональными преступными структурами, выступает одним из ключевых источников нелегальных финансовых потоков, оказывающих значительное влияние на региональную безопасность. Уже в 1990-е гг. в Российской Федерации и сопредельных республиках сформировался широкий спектр криминальных группировок, специализирующихся на контроле за оборотом опиатов, что привело к созданию устойчивых каналов распределения наркотиков³³⁵. Вырученные «наркодоллары» реинвестируются в подпитку других незаконных бизнесов и способствуют развитию коррупционных схем, что, в свою очередь, усугубляет дестабилизацию государственных институтов.

³³³ Митрофаненкова О.Е. Наркопроизводство в Афганистане в контексте политических и социально-экономических процессов (1994-2021 гг.) дисс. Канд. Наук. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2021. С. 233

³³⁴ Afghan Opiate Trafficking along the Northern Route // United Nations Office on Drugs and Crime 2024. URL: <https://www.unodc.org/rpand/en/Sub-programme-4/afghan-opiate-trafficking-along-the-northern-route.html> (дата обращения: 03.01.2025).

³³⁵ Северный маршрут смерти // URL: <https://riss.ru/news/smi/severnny-marshrut-smerti/> (дата обращения: 11.11.2024).

Так, в ходе совместных оперативных мероприятий в рамках ОДКБ в 2024 г. правоохранительные органы зафиксировали подозрительные транзакции, сумма которых превысила 6 млрд рублей, что свидетельствует о масштабности нелегальных финансовых потоков, связанных с деятельностью наркосетей. Эти средства отмываются через теневые финансовые структуры, оседают в офшорных зонах или реинвестируются в другие криминальные предприятия, что затрудняет их отслеживание и пресечение³³⁶.

Кроме того, значительная часть прибыли от наркотрафика направляется на закупку оружия на черном рынке, что позволяет незаконным формированиям не только поддерживать, но и наращивать свой военный потенциал. Таким образом, наблюдается синергетическое взаимодействие между структурами, занимающимися наркоторговлей, и террористическими, а также организованными преступными группировками: наркогруппы предоставляют необходимые финансовые и материальные ресурсы, а вооружённые преступные организации, в свою очередь, обеспечивают защиту транзитных каналов и способствуют поддержанию благоприятного климата для продолжения нелегальной деятельности.

Масштабный наркотрафик из Афганистана оказывает многоаспектное негативное воздействие на безопасность и устойчивость государств постсоветского пространства, способствуя углублению социально-экономических и правовых дисфункций. В России в 1990–2000-х гг. наблюдался резкий приток относительно недорогого героина, что сопровождалось всплеском наркомании и сопутствующей преступности. По оценкам международных организаций, к 2010 г. до 20% афганского героина поступало на территорию России, что соответствует объёму около 70–80 тонн ежегодно, и ставило страну в число ведущих мировых потребителей опиатов³³⁷. Наркооборот сопровождается серьёзными социальными

³³⁶ Over 590 kilograms of drugs seized in CSTO operation // Asia-Plus. 2024. URL: <https://old.asiaplustj.info/en/news/tajikistan/security/20241028/over-590-kilograms-of-drugs-seized-in-csto-operation> (дата обращения: 11.11.2024).

³³⁷ Over Half of All Heroin Produced in Afghanistan is Consumed in Europe, Says UNODC Report // United Nations

последствиями: увеличение числа случаев передачи ВИЧ-инфекции посредством инъекционного употребления, чрезмерное давление на систему здравоохранения, а также значительные затраты правоохранительных органов на борьбу с нелегальной торговлей наркотиками. В 2022 г. количество зарегистрированных случаев сбыта и перевозки наркотических средств в Российской Федерации достигло порядка 178 тысяч, что свидетельствует о масштабах проблемы и её влиянии на общественную безопасность³³⁸.

Параллельно с этим нелегальная торговля наркотиками стимулирует развитие теневой экономики, способствуя появлению уличной преступности, мелких краж и разбойных нападений. В Центральной Азии распространение наркотиков в приграничных районах приводит к формированию криминальных анклавов, где действуют собственные, нередко несовместимые с государственными, нормы. Так, в период гражданской войны в Таджикистане сформировались вооружённые наркокартели, контролировавшие провинцию Горно-Бадахшан и ключевые транзитные маршруты в Кыргызстан, что, в свою очередь, способствовало возникновению периодических конфликтов, таких как беспорядки в Хороге, и негативно сказывалось на стабильности региона³³⁹.

Исследователи обращают внимание на скрытую, но масштабную проблему женской и детской наркомании внутри Афганистана. Массовое и дешёвое распространение героина уже к 2020-м гг. привело к оценочным 3 миллионам зависимых в стране. Для традиционного общества это разрушительный удар по демографии и здоровью нации, который несёт риски и для соседних государств, включая рост числа ВИЧ-инфицированных, уязвимость молодёжи и деградацию трудовых ресурсов³⁴⁰.

Information Service (UNIS). 2010. URL: <https://unis.unvienna.org/unis/en/pressrels/2010/unisnar1080.html> (дата обращения: 27.10.2023).

³³⁸ Number of recorded drug trafficking offenses in Russia // Statista. – 2024. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1033371/russia-number-of-recorded-drug-trafficking-offenses/> (дата обращения: 01.03.2025).

³³⁹ Тлеющий таджикский регион задымил протестами // Коммерсантъ. 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5356110> (дата обращения: 19.01.2025).

³⁴⁰ Митрофаненкова О.Е. Наркопроизводство в Афганистане в контексте политических и социально-экономических процессов (1994-2021 гг.) дисс. Канд. Наук. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2021. С. 233

В условиях выраженной экономической неустойчивости, характерной для отдалённых горных регионов Таджикистана, нелегальная торговля наркотиками зачастую становится основным источником дохода для определённых слоёв населения³⁴¹. Эта зависимость от незаконной деятельности приводит к формированию устойчивой социальной зависимости, что существенно замедляет развитие легальной экономики и препятствует реализации необходимых структурных реформ³⁴². Таким образом, афганский наркотрафик функционирует как системный дестабилизирующий фактор, способствуя ослаблению политической стабильности, стимулируя коррупционные процессы и тормозя экономическое развитие в государствах постсоветского пространства.

Начиная с 2010-х гг., структура наркоторговли в постсоветском пространстве претерпевает глубокие трансформационные процессы, что выражается в постепенном оттеснении традиционных опиатов синтетическими наркотиками. Современный наркорынок демонстрирует рост спроса на препараты, получаемые в лабораторных условиях. Одной из ключевых причин данной динамики является сравнительно низкая себестоимость и высокая концентрация активного компонента синтетических веществ, а также возможность их производства в небольших масштабах, что существенно снижает риски обнаружения правоохрательными органами по сравнению с традиционным героином, зависимым от сезонности и специфики возделывания опийного мака³⁴³.

Следует отметить, что после прихода к власти талибов в Афганистане были декларированы амбициозные меры по искоренению наркоторговли, в том числе посредством уничтожения маковых плантаций, что должно было

³⁴¹ Рустамзода З.Р. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: проблемы и пути решения // Труды Академии управления МВД России - № 2 (50). 2019. С. 97-104.

³⁴² Afghan Drug Trade and its Impact on Central Asia // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. 2023. URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2023/11/SOCACE-RP25-AfganDrugTradeImpact-20Nov23.pdf> (дата обращения: 01.11.2024).

³⁴³ CARICC and CSTO create an effective platform for the joint counter-narcotic operation // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2024. URL: <https://www.unodc.org/roca/en/news/caricc-and-csto-create-an-effective-platform-for-the-joint-counter-narcotic-operation.html> (дата обращения: 20.01.2025).

привести к резкому сокращению объёмов традиционных опиатов³⁴⁴. Однако, реализация этих мер оказалась недостаточной для устранения проблемы, и нелегальный рынок наркотиков продемонстрировал свою способность к адаптации: вместо снижения поставок наблюдается рост производства синтетических наркотиков. Трансформация ассортимента наркотических средств свидетельствует о смене стратегий наркопреступников, которые всё чаще переходят от перевозки громоздких партий героина к торговле синтетическими препаратами, легче скрываемыми и распределяемыми через разветвленные нелегальные сети³⁴⁵.

С приходом к власти талибов, наблюдается изменение структуры нелегального наркотрафика, связанное с активным освоением Афганистаном производства синтетических наркотических средств. В отличие от традиционного опиатного сегмента, основанного на культивировании опийного мака, новое направление предполагает использование местных дикорастущих растений, таких как эфедра, в качестве сырья для синтеза метамфетамина. Этот процесс требует значительно меньших трудозатрат, не зависит от сезонности выращивания и позволяет организовывать производство в нелегальных лабораториях, что значительно усложняет усилия по выявлению и пресечению деятельности наркогрупп³⁴⁶.

Стоит заметить, что резкое падение объема производства опиатов наблюдалось в Афганистане за последние 30 лет два раза – после падения режима талибов в 2001 г., и после возвращения их к власти (приложение 2)³⁴⁷.

По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, Афганистан в 2023 г. вошёл в число наиболее быстрорастущих центров

³⁴⁴ СМИ: приход талибов к власти в Афганистане привел к росту цен на опиум на черном рынке // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12531363> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁴⁵ Посевы опиума в Афганистане сократились на 95% // Новости ООН. 2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/11/1446487> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁴⁶ Afghanistan is the fastest-growing maker of methamphetamine, UN says // VOA News. 2023. URL: <https://www.voanews.com/a/afghanistan-is-the-fastest-growing-maker-of-methamphetamine-un-says/7261800.html> (дата обращения: 11.10.2025).

³⁴⁷ Afghanistan opium survey 2023. Cultivation and production after the ban: effects and implications // URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2023.pdf (дата обращения 27.03.2025)

нелегального производства метамфетамина, что подтверждается резким увеличением объёмов его изъятий. Так, если в 2019 г. в рамках оперативных мероприятий было перехвачено менее 100 кг этого вещества, то уже к 2021 г. данный показатель достиг 2,7 тонн, что свидетельствует о динамичном расширении производства и активизации каналов распространения³⁴⁸. Анализ зафиксированных поставок демонстрирует, что афганский метамфетамин уже проникает за пределы страны и фиксируется в нелегальном обороте в ряде государств Восточной Африки и Евросоюза, что подтверждает экспортную направленность данного сегмента наркотрафика³⁴⁹.

В сложившейся ситуации традиционные методы борьбы с наркотрафиком, ориентированные на уничтожение посевов наркосодержащих культур и перекрытие транспортных коридоров, оказываются недостаточно эффективными. Противодействие синтетическому сегменту наркорынка требует иных механизмов регулирования, включая совершенствование химико-криминалистической экспертизы, ужесточение контроля за оборотом прекурсоров, используемых при производстве синтетических наркотиков, а также развитие международного сотрудничества в сфере противодействия их распространению. В этих условиях особую значимость приобретает координация усилий правоохранительных органов государств Центральной Азии и России, направленная на выявление и ликвидацию подпольных лабораторий, пресечение каналов поставок сырья и компонентов, а также внедрение новых технологий мониторинга нелегальной наркоиндустрии.

Осознавая масштабы угрозы, связанной с транснациональным наркотрафиком и его дестабилизирующим воздействием на постсоветское пространство, Российская Федерация совместно с государствами-партнёрами с начала 2000-х годов инициировала комплексные меры, направленные на противодействие нелегальному обороту наркотических веществ.

³⁴⁸ В МВД России назвали Афганистан основной наркоугрозой для государств-членов ОДКБ // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18762961> (дата обращения: 11.10.2025).

³⁴⁹ Афганистан: научный подход к борьбе с наркотрафиком // United Nations Information Centre (UNIC). 2023. URL: <https://www.unic.ru/history/afghanistan-nauchnyy-podkhod-k-borbe-s-narkotrafikom/> (дата обращения: 18.01.2025).

Антинаркотическая стратегия России включает в себя как национальные, так и международные инициативы, реализуемые в формате двустороннего и многостороннего сотрудничества³⁵⁰.

Одним из ключевых направлений антинаркотической политики стало создание в 2003 г. Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, основной задачей которой являлась координация деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. В рамках внутренней политики были приняты меры по ужесточению законодательства, направленные на усиление уголовной ответственности за производство, распространение и сбыт наркотических веществ, а также разработаны программы по выявлению и ликвидации подпольных нарколабораторий и перекрытию каналов поставок. Однако, учитывая трансграничный характер наркотрафика и наличие уязвимых маршрутов в сопредельных государствах, становится очевидным, что одной лишь национальной юрисдикции недостаточно для эффективного решения данной проблемы. В связи с этим ключевым элементом антинаркотической политики России стало развитие международного сотрудничества с государствами Центральной Азии и другими заинтересованными странами³⁵¹.

Наиболее значимой платформой для взаимодействия в сфере борьбы с наркотрафиком является Организация Договора о коллективной безопасности, в рамках которой с 2003 г. реализуется серия совместных оперативно-профилактических мероприятий под кодовым названием «Канал»³⁵². Данные операции, направленные на выявление каналов незаконного оборота наркотиков, ликвидацию преступной инфраструктуры и пресечение финансирования наркоторговли, проводятся ежегодно при участии

³⁵⁰ Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733) // Совет безопасности Российской Федерации. 2020.

³⁵¹ CARICC and CSTO create an effective platform for the joint counter-narcotic operation // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2024. URL: <https://www.unodc.org/roca/en/news/caricc-and-csto-create-an-effective-platform-for-the-joint-counter-narcotic-operation.html> (дата обращения: 01.01.2025).

³⁵² В ОДКБ провели масштабную антинаркотическую операцию "Канал-Неман" // Организация Договора о коллективной безопасности. 2022. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-odkb-proveli-masshtabnuyu-antinarkoticheskuyu-operatsiyu-kanal-neman/ (дата обращения: 12.12.2024).

правоохранительных и силовых структур России, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Армении.

Важную роль в реализации этих мероприятий играет Центральноазиатский региональный информационно-координационный центр, базирующийся в Алма-Ате и функционирующий при поддержке Управления ООН по наркотикам и преступности. Масштабы этих операций свидетельствуют о высокой степени интеграции усилий в борьбе с наркотрафиком: так, в ходе операции «Канал-Центр» в 2019 г. были задействованы около 20 тысяч сотрудников правоохранительных органов, изъято свыше 11 тонн наркотиков, включая 8,8 тонн опия-сырца и 220 кг героина, а также задержано 579 подозреваемых. Аналогичная операция, «Канал-Авангард», проведенная в 2024 г., привела к конфискации 590 кг различных наркотических средств, раскрытию 683 наркопреступлений, ликвидации семи подпольных лабораторий и блокировке десятков банковских счетов, использовавшихся для отмыwania наркодоходов³⁵³.

Помимо ОДКБ, ключевую роль в антинаркотическом взаимодействии играет ШОС, объединяющая Россию, Китай, Индию, Пакистан, Иран и ряд государств Центральной Азии. В 2018 г. в рамках ШОС была разработана и принята Антинаркотическая стратегия, направленная на выработку согласованных подходов к пресечению наркотрафика, гармонизацию национальных законодательств и усиление обмена оперативной информацией между спецслужбами стран-участниц³⁵⁴. В целях реализации положений данной стратегии на регулярной основе проводятся встречи руководителей антинаркотических ведомств стран ШОС. Так, в июне 2024 г. состоялось совещание, на котором обсуждалась ситуация в Афганистане и комплекс мер,

³⁵³ Проведена субрегиональная антинаркотическая операция «Канал-Авангард»// Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). 2024. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/provedena-subregionalnaya-antinarkoticheskaya-operatsiya-kanal-avangard/ (дата обращения: 10.01.2025).

³⁵⁴ ООН и ШОС против наркотиков: противодействие распространению наркотиков через Даркнет // Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). 2020. URL: <https://rus.sectscsco.org/20200303/635910.html> (дата обращения: 21.10.2024).

направленных на усиление контроля за транзитными маршрутами, проходящими через Центральную Азию³⁵⁵.

В ходе саммита ШОС, состоявшегося в июле 2024 г. в Астане, был утверждён ряд стратегических документов, направленных на укрепление региональной безопасности и противодействие транснациональным угрозам. Одним из ключевых итогов мероприятия стало подписание Астанинской декларации, в которой государства-участники подтвердили приверженность принципам государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела и построения многополярного миропорядка. Особый акцент в повестке был сделан на борьбу с незаконным оборотом наркотических средств, что выразилось в принятии Антинаркотической стратегии ШОС на 2024–2029 гг. Данный документ предусматривает углубление сотрудничества в сфере мониторинга наркотрафика, совершенствование механизмов контроля за оборотом прекурсоров, унификацию правоприменительной практики государств-членов, а также усиление обмена разведывательной и аналитической информацией. Комплексные меры, закреплённые в стратегии, направлены на повышение эффективности противодействия распространению наркотиков, что приобретает особую актуальность в контексте эволюции наркорынка и роста производства синтетических веществ, угрожающих безопасности государств постсоветского пространства³⁵⁶.

ШОС также прилагает усилия к установлению диалога с правительством Афганистана, имеющим статус наблюдателя в организации, в целях выработки совместных решений по борьбе с производством и распространением наркотических средств. Наряду с этим Россия активно использует международные механизмы, предоставляемые ООН, для продвижения инициатив в сфере борьбы с наркотрафиком. В частности, российская дипломатия последовательно поддерживает все три базовые

³⁵⁵ Совещание руководителей компетентных органов государств-членов ШОС по противодействию незаконному обороту наркотиков // Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). 2024. URL: <https://eng.sectesco.org/20240605/1377442.html> (дата обращения: 01.12.2024).

³⁵⁶ Лидеры стран ШОС утвердили Астанинскую декларацию // РАПСИ. 2024. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20240704/310071944.html (дата обращения: 01.02.2025).

конвенции ООН по контролю за наркотиками и принимает активное участие в реализации инициативы Парижского пакта, направленной на пресечение глобальных потоков афганских опиатов³⁵⁷.

Не менее важным аспектом стратегии противодействия распространению наркотиков является снижение спроса на психоактивные вещества внутри самих стран-участниц антинаркотического сотрудничества. В России и ряде государств СНГ реализуются масштабные профилактические программы, направленные на предотвращение наркозависимости среди молодёжи, развиваются реабилитационные центры для лиц, страдающих зависимостью, проводятся информационно-просветительские кампании, призванные снизить привлекательность употребления наркотических средств.

Подводя итог, следует отметить, что борьба с наркотрафиком остаётся одной из приоритетных задач России и её партнёров в рамках постсоветского пространства, что обусловлено транснациональным характером данной угрозы и её прямым влиянием на безопасность и устойчивость государств региона. Несмотря на выстроенную систему многостороннего взаимодействия, проблема нелегального оборота наркотиков продолжает эволюционировать, что требует постоянной адаптации существующих методов противодействия.

В перспективе наиболее эффективным направлением может стать углубление сотрудничества в сфере контроля за прекурсорами, усиление химико-криминалистической экспертизы, развитие международных аналитических платформ и применение новейших цифровых технологий для мониторинга наркотрафика. Всё это должно способствовать выработке интегрированного подхода, обеспечивающего не только краткосрочные результаты в виде перекрытия отдельных каналов поставок, но и создание устойчивой системы профилактики наркоторговли на долгосрочную перспективу.

³⁵⁷ В МИД наркотрафик из Афганистана назвали угрозой национальной безопасности России // ТАСС. 2019. URL: <https://tass.ru/politika/7199863> (дата обращения: 01.02.2025).

Особое значение для дальнейшей динамики наркотрафика в регионе приобретает внутренняя ситуация в Афганистане, который остаётся ключевым звеном в глобальной системе нелегального оборота наркотиков. С момента прихода к власти в 2021 году руководство движения «Талибан»^{*} официально заявило о намерении ликвидировать наркопроизводство и перекрыть каналы незаконного оборота опиатов, в том числе через программу уничтожения маковых посевов. Однако, несмотря на эти декларативные заявления, структурные условия афганской экономики, высокая степень зависимости местного населения от наркосельского хозяйства, а также растущий спрос на синтетические наркотики создают значительные препятствия для искоренения наркоторговли. Кроме того, продолжение функционирования теневых каналов финансирования, включающих доходы от наркотрафика, затрудняет проведение эффективных реформ в данной сфере.

В этом контексте перед новым афганским правительством стоит стратегически важный вопрос: сможет ли оно разработать и реализовать действенные меры по борьбе с наркоторговлей и доказать международному сообществу свою способность к обеспечению стабильности и законности на подконтрольной территории? Для государств постсоветского пространства, которые на протяжении десятилетий сталкиваются с негативными последствиями афганского наркотрафика, данный аспект приобретает особую значимость. Именно успешность афганских властей в ликвидации нелегального наркопроизводства и предотвращении экспорта наркотических средств станет важным фактором, определяющим перспективы международного признания нынешнего афганского режима, а также степень его интеграции в региональные и глобальные процессы сотрудничества в сфере безопасности.

Несмотря на ряд положительных тенденций (объявленная талибами кампания против полей опийного мака, отсутствие немедленной территориальной экспансии, готовность нового афганского правительства

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

налаживать дипломатические контакты) Афганистан, безусловно, остается сложным соседом для окружающих стран. Он является главным дестабилизирующим фактором в регионе и представляет собой перманентную угрозу. Нападения и теракты, распространение исламского фундаментализма, укрытие на своей территории многих нежелательных для соседних государств людей, контрабанда оружия, провоцирование раскачивания ситуации в странах Центральной Азии, производство и транспортировка наркотиков – все это заставляет с особым вниманием относиться к важности межгосударственного сотрудничества для сдерживания подобной угрозы.

Анализ процессов радикализации, распространяющихся из Афганистана на постсоветское пространство, показывает, что их устойчивость не может быть объяснена исключительно через материальные факторы – социально-экономическую маргинализацию, слабость институтов или трансграничную мобильность боевиков. Существенную роль в воспроизводстве радикальных установок играет идеологическое измерение, формирующее особую систему смыслов и идентичностей, в рамках которой насилие легитимизируется как допустимый и даже нормативный инструмент политического действия.

В конструктивистской перспективе идеология движения «Талибан»* и связанных с ним радикальных течений функционирует не только как набор религиозных догм, но как целостный идентичностный конструкт, противопоставляющий «истинное исламское сообщество» внешнему миру, представленному в образе враждебных государств, «неверных» режимов и коррумпированных элит. Данная дихотомия формирует упрощённую картину социальной реальности, в которой индивидуальные и коллективные фрустрации получают символическое объяснение и направляются в русло политически мотивированного насилия.

Особенностью афганского источника радикализации является его способность адаптироваться к локальному контексту стран Центральной Азии

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

и постсоветского пространства. Радикальные нарративы трансформируются с учётом исторической памяти, травматического опыта гражданских конфликтов, религиозной специфики и социально-экономических условий конкретных обществ. В результате формируется гибридный дискурс, в котором глобальные джихадистские идеи сочетаются с локальными проблемами, что повышает их восприимчивость среди отдельных социальных групп, прежде всего молодёжи и маргинализированных слоёв населения.

Рассмотрение афганского наркотрафика в контексте постсоветского пространства позволяет интерпретировать его не просто как криминальный феномен, а как устойчивую транснациональную экономико-политическую систему. Северный маршрут выступает не временным каналом, а институционализированной инфраструктурой, встроенной в социально-экономическую реальность приграничных регионов Центральной Азии. Его устойчивость объясняется сочетанием географических факторов, слабости пограничного контроля и экономической зависимости местного населения от теневых доходов, что формирует самовоспроизводящийся цикл нелегальной деятельности.

Аналитически наркотрафик целесообразно рассматривать в рамках типологии «конфликтной экономики», где нелегальные рынки выполняют функции занятости, перераспределения ресурсов и финансирования насилия. В этом контексте Афганистан выступает не только как производственный центр, но и как узловой элемент более широкой криминальной экосистемы, охватывающей постсоветские государства. Причинно-следственная связь между наркотрафиком и дестабилизацией проявляется в том, что наркодоходы не просто подпитывают терроризм, но и размывают государственные институты, усиливая коррупцию, подрывая доверие к праву и способствуя формированию параллельных центров власти.

Существенным противоречием является двойственная роль государств транзита. С одной стороны, они объективно заинтересованы в пресечении наркотрафика как угрозы национальной безопасности; с другой – социально-

экономическая уязвимость периферийных регионов делает полное перекрытие каналов политически и социально рискованным. Это порождает дилемму между жёсткой секьюритизацией и необходимостью долгосрочных программ альтернативного развития, без которых борьба с наркотрафиком остаётся реактивной и фрагментарной.

В итоге афганский наркотрафик следует рассматривать как фактор системной криминализации постсоветского пространства, где пересекаются интересы террористических организаций, транснациональных преступных сетей и локальных сообществ. Его устойчивость обусловлена не только внешним афганским фактором, но и внутренними структурными ограничениями государств региона, что делает противодействие возможным лишь в рамках комплексной стратегии, сочетающей с иловые, экономические и институциональные меры.

Таким образом, радикализация афганского происхождения представляет собой не только угрозу безопасности в узком, силовом понимании, но и долгосрочный вызов устойчивости государств постсоветского пространства. Это обстоятельство предопределяет ограниченность исключительно репрессивных мер противодействия и указывает на необходимость комплексного подхода, включающего гуманитарные, образовательные и культурно-дипломатические инструменты. Именно эти направления несилового реагирования, направленные на деконструкцию радикальных нарративов и укрепление социальной устойчивости, рассматриваются далее.

Анализ во второй главе позволяет заключить, что влияние афганского кризиса на безопасность постсоветских государств сосредоточено вокруг трех основных дестабилизирующих направлений, тесно взаимосвязанных между собой: транснационального наркотрафика, распространения радикального терроризма и неконтролируемой нелегальной миграции. Каждый из этих факторов обладает собственной спецификой и механизмами проявления,

однако на практике они образуют единую систему рисков. Так, производство афганских опиатов и отлаженные маршруты их транзита порождают мощный криминальный ресурс, который подпитывает теневую экономику и коррупцию, подрывая государственные институты стран региона. Это, в свою очередь, облегчает деятельность экстремистских групп и перемещение через границы «незаметных» террористических элементов. Нелегальные миграционные потоки выступают не только гуманитарной или социально-экономической проблемой, но и каналом проникновения в страны СНГ радикалов и преступников под видом беженцев либо трудовых мигрантов. Одновременно идеология джихадизма, экспортируемая из афганской зоны нестабильности, использует сложившиеся криминальные и миграционные сети для расширения своего влияния – от вербовки рекрутов до переброски ресурсов и исполнителей терактов. В этой связи, терроризм приобретает все более «сетевой» характер: после 2021 г. радикальные структуры активнее задействуют тайниковые и подпольные маршруты, маскируясь под легальные потоки людей и товаров, что затрудняет их выявление традиционными силовыми методами.

В ходе исследования выявлено, что уязвимость постсоветских стран перед перечисленными угрозами определяется не столько географической близостью к Афганистану, сколько внутренними условиями – устойчивостью государственных институтов и качеством управления на местах. Ключевыми факторами риска выступают состояние пограничной инфраструктуры, например, слабый контроль на отдельных участках границы или недостаток координации между силовыми структурами разных стран создают «лазейки», которыми пользуются наркокартели и террористические ячейки.

Укрепление пограничных застав, обмен разведданными и слаженная работа спецслужб способны значительно снизить масштаб угроз даже при сохраняющейся турбулентности в самом Афганистане. Кроме того, там, где местное население обеспечено работой и базовыми социальными услугами, радикальная идеология и преступный бизнес сталкиваются с меньшей

поддержкой. Это подчёркивает, что сами по себе близость к очагу нестабильности или протяженность границы не определяют уровень опасности: решающим становится иммунитет государства к внешним вызовам, формируемый институтами и экономикой.

Во второй главе акцентируется необходимость многоуровневого противодействия афганским вызовам. Предлагается интегрированная система мер, охватывающая три временных горизонта. Во-первых, на тактическом уровне – усиление контроля на наиболее проблемных участках границ, внедрение современных средств наблюдения, проведение совместных пограничных операций и учений с целью пресечения проникновения боевиков и контрабанды наркотиков. Во-вторых, на среднесрочную перспективу – создание механизмов постоянного мониторинга трансграничных потоков (как людских, так и товарно-финансовых), углубление сотрудничества между правоохранительными органами разных стран, в том числе через обмен оперативной информацией и проведение перекрестных расследований, направленных на выявление и ликвидацию региональных преступных сетей. В-третьих, на стратегическом уровне – реализация программ развития приграничных территорий и уязвимых регионов: инвестиции в их экономику, создание рабочих мест и легальных источников дохода для местного населения, улучшение системы социальной интеграции мигрантов, а также долгосрочные инициативы по реабилитации наркозависимых и антикоррупционные меры в органах власти. Подчеркивается, что только сочетание жёстких силовых инструментов с устранением глубинных социально-экономических предпосылок угроз способно принести устойчивый результат.

Практический вывод, сформулированный во второй главе, сводится к следующему: требуются не разрозненные действия отдельных государств, а согласованная региональная стратегия снижения афганского влияния. Такая стратегия должна одновременно блокировать непосредственные проявления угроз (теракты, наркотрафик, экстремистская пропаганда) и нейтрализовать

те условия, которые питают эти угрозы – бедность, безработицу, социальную маргинализацию и уязвимость государственных институтов. Для России и её партнеров по постсоветскому пространству приоритетом становится развитие интегрированных механизмов безопасности: создание единой информационно-разведывательной базы, координация действий силовых, пограничных и миграционных служб, унификация правовой базы борьбы с транснациональной преступностью, а также запуск целевых экономических и гуманитарных проектов в наиболее проблемных точках региона. Комплексный и сбалансированный подход, сочетающий силовое сдерживание и превентивное развитие, рассматривается как единственно эффективный путь, позволяющий не только локально подавлять угрозы, но и постепенно уменьшать их структурные корни в долгосрочной перспективе. В итоге вторая глава обосновывает необходимость перехода от реактивных мер к проактивной, системной политике, гарантирующей устойчивость постсоветского пространства перед лицом афганского кризиса.

ГЛАВА 3. МНОГОСТОРОННИЕ И ДВУСТОРОННИЕ УСИЛИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ПО СТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ В АФГАНИСТАНЕ

Анализ, представленный во предыдущей главе, показал, что нестабильность в Афганистане генерирует для постсоветского пространства комплекс взаимосвязанных угроз, включающих трансграничный терроризм, распространение радикальных идеологий и устойчивые каналы наркотрафика. Эти угрозы обладают различной природой и механизмами воспроизводства, что предопределяет необходимость дифференцированных инструментов реагирования. В этой связи переход к рассмотрению политико-дипломатических и экономических мер стабилизации в настоящей главе носит не описательный, а логически обусловленный характер: применяемые государствами постсоветского пространства инструменты напрямую соотносятся с типами угроз, выявленных и концептуализированных в предыдущей главе.

Настоящая глава ориентирована на анализ того, каким образом выявленные вызовы трансформируются в конкретные внешнеполитические практики. Политико-дипломатические форматы, механизмы коллективной безопасности и проекты экономической интеграции рассматриваются не изолированно, а как элементы целостной стратегии управления рисками, возникающими вследствие афганской нестабильности.

В данной главе анализ политики постсоветских государств на афганском направлении осуществляется преимущественно с позиций политического реализма, рассматривающего внешнеполитическое поведение государств как результат рационального соотнесения национальных интересов, воспринимаемых угроз и доступных ресурсов. В центре внимания находится вопрос о том, каким образом государства постсоветского пространства формируют стратегии реагирования на афганский кризис в условиях асимметрии уязвимостей, различий во внешнеполитических

приоритетах и неодинакового уровня вовлечённости в региональные механизмы безопасности.

Применение реалистской оптики позволяет интерпретировать различия в подходах России, государств Центральной Азии и других постсоветских акторов через категории относительных выгод, издержек обеспечения безопасности и дилеммы безопасности. В рамках данного подхода многосторонние форматы взаимодействия, такие как ОДКБ, ШОС и СНГ, рассматриваются не как ценностно обусловленные объединения, а как институциональные инструменты снижения транзакционных издержек и координации усилий в условиях трансграничных угроз.

Сравнительный анализ, используемый в главе, направлен на выявление устойчивых моделей поведения государств в отношении Афганистана, а также на объяснение факторов, определяющих выбор между конфронтационными, вовлекающими и дистанционными стратегиями. Такой подход позволяет перейти от описания отдельных кейсов к обобщающему анализу и выявить закономерности региональной политики на афганском направлении.

3.1. Инструменты политико-дипломатического разрешения конфликта: многосторонние и двусторонние форматы

Сопоставление политики постсоветских государств в отношении афганского кризиса будет произведено диссертантом через призму базовых моделей стратегического поведения, различающихся по степени вовлечённости, используемым инструментам и оценке рисков. Эти модели не носят взаимоисключающего характера, однако отражают доминирующие логики внешнеполитического выбора в условиях трансграничной нестабильности.

Первая модель может быть охарактеризована как конфронтационно-сдерживающая. Для неё характерно восприятие Афганистана преимущественно как источника угроз безопасности, требующих жёсткого контроля и минимизации контактов с де-факто властями. В рамках данной

стратегии приоритет отдается укреплению границ, наращиванию военного присутствия, расширению сотрудничества в сфере коллективной безопасности и использованию санкционных и политико-дипломатических ограничений. С позиций политического реализма данная модель отражает стремление к снижению рисков путём изоляции источника нестабильности и опоры на силовые инструменты сдерживания.

Вторая модель представляет собой прагматично-вовлекающую стратегию, в рамках которой афганский кризис рассматривается не только как угроза, но и как фактор, требующий управляемого взаимодействия. Государства, придерживающиеся данной логики, исходят из того, что полная изоляция Афганистана способна увеличить издержки безопасности и способствовать углублению нестабильности. Экономические проекты, политический диалог и ограниченное гуманитарное сотрудничество интерпретируются как инструменты снижения трансграничных рисков и перераспределения угроз. В терминах реализма такая стратегия может быть понята как попытка минимизировать издержки безопасности через вовлечение, а не конфронтацию.

Третья модель может быть определена как дистанционно-ограничительная. Для неё характерна минимальная вовлечённость в афганскую проблематику при одновременном мониторинге рисков и избирательном участии в многосторонних форматах. Афганистан в данном случае не воспринимается как непосредственная угроза национальной безопасности, однако сохраняется готовность к адаптации политики в случае изменения региональной обстановки. Данная стратегия отражает реалистское стремление избежать избыточных обязательств и сохранить стратегическую автономию.

Наконец, в рамках ряда государств прослеживается транзитно-экономическая модель, в которой акцент делается на использовании Афганистана как элемента региональной инфраструктурной и торгово-логистической конфигурации. Экономические проекты в сфере транспорта,

энергетики и торговли рассматриваются не только как источник экономических выгод, но и как инструмент стабилизации, способный снизить зависимость региона от криминализированных форм трансграничной активности. В логике политического реализма данная модель отражает стремление трансформировать источник угроз в управляемый фактор регионального взаимодействия.

Выбор конкретной модели определяется совокупностью факторов, включая географическую близость к Афганистану, уровень уязвимости к трансграничным угрозам, степень институциональной вовлечённости в региональные механизмы безопасности, а также общий внешнеполитический курс государства. В совокупности данные модели позволяют объяснить разнообразие стратегий постсоветских государств при сохранении общего императива обеспечения национальной безопасности.

После распада СССР в 1991 г. государства СНГ столкнулись с необходимостью переосмысления своих внешнеполитических стратегий в условиях новой геополитической реальности, где нестабильность в Афганистане стала восприниматься, как непосредственная угроза безопасности южных рубежей. Упадок режима Наджибуллы в 1992 г. привел к тому, что контроль над Кабулом перешёл к силам моджахедов, а с 1996 года большая часть территории оказалась под властью движения «Талибан»*. В условиях, когда постсоветские государства отвергали легитимность талибского режима, продолжая признавать в качестве законного афганского правительства коалицию, возглавляемую Бурхануддином Раббани, Россия, Таджикистан, Узбекистан и другие соседи выработали комплекс мер, направленных на поддержку вооружённой оппозиции против талибов. Так, встреча руководителей России и президента Раббани в Душанбе стала ярким примером этой политики, когда Москва официально объявила о продолжении поддержки «Северного альянса» – коалиции анти-талибских сил,

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

сформированной представителями северных народностей, в частности таджиков Афганистана³⁵⁸.

Вследствие распада Советского Союза в 1991 году страны СНГ оказались вынуждены пересмотреть свои внешнеполитические приоритеты в условиях кардинально изменившейся геополитической конъюнктуры. Как было подчеркнуто в предыдущей главе, одной из первоочередных задач стало обеспечение безопасности южных рубежей посредством противодействия нестабильности в Афганистане, откуда исходили угрозы экстремизма и трансграничного наркотрафика. Уже в сентябре 1993 г. руководители государств СНГ согласовали меры коллективной защиты таджикско-афганской границы. Для реализации данного решения было создано вооружённое миротворческое объединение численностью до 25 тысяч человек, в состав которого вошли российские пограничники, 201-я мотострелковая дивизия Российской Федерации, а также батальоны Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана³⁵⁹. Несмотря на то, что основная нагрузка по охране границы возложена на Российскую Федерацию, этот шаг продемонстрировал единство позиций стран постсоветского пространства в противодействии трансграничным угрозам³⁶⁰.

Параллельно, в 2000 г. в рамках СНГ было учреждено Антитеррористическое централизованное учреждение, созданное для координации усилий спецслужб государств-членов в борьбе с возросшей террористической угрозой, исходящей из афганских лагерей. Данные меры стали важным элементом формирования коллективного ответа на вызовы новой геополитической реальности, обеспечивая основу для дальнейшего развития многосторонних механизмов сотрудничества в регионе^{361 362}.

³⁵⁸ Назад в будущее: Новую модель отношений России и Афганистана нужно искать в 50–60-х годах прошлого века // Afghanistan.ru. 2012. URL: <https://afghanistan.ru/doc/54703.html> (дата обращения: 01.11.2024).

³⁵⁹ Tadjbakhsh, S. International Peacemaking in Tajikistan and Afghanistan Compared: Lessons Learned and Unlearned // URL: <https://www.sciencespo.fr/ceri/sites/sciencespo.fr/ceri/files/etude143.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

³⁶⁰ Гуров В.А. Российские Вооруженные силы в миротворческих операциях по сохранению мира в Таджикистане (1992-2000) // Клио. 2011. С. 89-97.

³⁶¹ Tadjbakhsh, S. International Peacemaking in Tajikistan and Afghanistan Compared: Lessons Learned and Unlearned // URL: <https://www.sciencespo.fr/ceri/sites/sciencespo.fr/ceri/files/etude143.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

Одним из знаковых этапов в стратегии организации мирной повестки в регионе стало формирование неформального дипломатического формата «шестерка плюс два» по инициативе Узбекистана в 1997 г.³⁶³ В его состав вошли шесть непосредственных соседей Афганистана (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Китай, Иран, Пакистан) с добавлением России и США. Принятие Ташкентской декларации в июле 1999 г. стало важным шагом, в рамках которого страны группы призвали к немедленному прекращению огня и началу прямых переговоров между афганскими политическими силами, а также к отказу от внешнего вмешательства посредством поставок вооружения и оказания иной поддержки воюющим сторонам. Кроме того, участники групповой встречи выразили обеспокоенность увеличением производства наркотиков и использованием афганской территории для международной террористической деятельности³⁶⁴.

На заседании в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, состоявшемся в сентябре 1999 года, министры иностранных дел и их заместители из стран «6+2» подтвердили свою приверженность Ташкентской декларации и поддержали усилия спецпосланника ООН Лахдара Брахими по установлению диалога между афганскими сторонами. Данный многосторонний формат не только консолидировал позиции стран постсоветского пространства, но и положил основу для дальнейших дипломатических инициатив в рамках ОДКБ и ШОС, способствуя выработке совместных мер по обеспечению безопасности в регионе³⁶⁵.

10.09.2024).

³⁶² Малышев Д. В. Содружество Независимых Государств: пространственно-организационная динамика. Анализ и прогноз // Журнал ИМЭМО РАН. 2019. URL: <https://www.afjournal.ru/files/File/2019-3/MALYSHEV.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).

³⁶³ HIGH-LEVEL MEETING OF "SIX PLUS TWO" GROUP ON AFGHANISTAN, 23 September 1999 // United Nations Press. 1999. URL: <https://press.un.org/en/1999/19990923.sgs7144.doc.html> (дата обращения: 01.12.2024).

³⁶⁴ О "Группе соседей и друзей Афганистана" ("Группа 6+2") // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2001. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/af/1718571/> (дата обращения: 29.01.2025).

³⁶⁵ Инициатива Президента Узбекистана И.А. Каримова о создании Зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии, воплотилась в реальность // Узинформ. 2014. URL: <https://www.uzinform.com/ru/news/20140530/21155.html> (дата обращения: 01.01.2025).

Свержение режима талибов в конце 2001 г., являющееся следствием скоординированной военной интервенции США и их союзников в ответ на террористические атаки 11 сентября 2001 г.³⁶⁶, ознаменовало переломный момент в трансформации внешнеполитических отношений между государствами постсоветского пространства и Афганистаном. Ключевым фактором, спровоцировавшим международное вмешательство, стал отказ афганского талибского режима передать лидеров террористической группировки «Аль-Каида»³⁶⁷, что стимулировало объединение усилий мирового сообщества для коренной перестройки политического устройства в Кабуле³⁶⁸.

Так, первым этапом политико-дипломатических действий международного сообщества стало укрепление формата многостороннего сотрудничества, формирование широких площадок для координации усилий по блокированию угрозы, исходящей от Афганистана.

Все же, учитывая, что произошло военное вмешательство, можно констатировать провал дипломатических усилий по урегулированию ситуации мирными способами, или, по крайней мере, без активного привлечения внешних вооруженных сил.

Российская Федерация и страны Центральной Азии оперативно разработали и внедрили механизмы поддержки антитеррористической коалиции, направленные на стабилизацию обстановки в Афганистане. Так, начиная с 2001 г., Узбекистан и Кыргызстан предоставили стратегически важные военные объекты – авиабазу в Карши-Ханабаде и центр транзитных перевозок «Манас», что обеспечило оперативное снабжение сил коалиции. Одновременно Таджикистан открыл своё воздушное пространство и аэродромы для транспортной авиации, а Казахстан и Российская Федерация организовали сухопутный транзит в рамках «Северной распределительной

³⁶⁶ 11 сентября 2001 года: хроника событий // ТАСС. 2021. URL: https://tass.ru/spec/11_9 (дата обращения: 10.02.2025).

³⁶⁷ Организация запрещена на территории РФ.

³⁶⁸ Казанцев, А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО Университета. 2012. С. 125–134.

сети», что способствовало эффективной транспортировке гуманитарной помощи и военной техники³⁶⁹.

Опираясь на болезненный опыт 1980-х гг., Москва выбрала стратегию, сочетающую элементы сдерживания и проактивной поддержки. Уже в 2002 г. Российская Федерация открыла посольство в Кабуле, согласилась на транзит грузов НАТО через свою территорию и активно участвовала в ключевых международных конференциях, посвящённых стабилизации Афганистана. Данный комплекс мер отражает системный подход постсоветских государств, в рамках которого интегрируются как двусторонние, так и многосторонние дипломатические инициативы, направленные на снижение трансграничных угроз и создание устойчивой платформы для регионального диалога³⁷⁰.

Одним из ключевых направлений, способствующих стабилизации Афганистана в условиях афганского кризиса, стало решение вопросов долговых обязательств и возобновление экономической поддержки.

В 2007 г. между Российской Федерацией и Афганистаном была достигнута договорённость, согласно которой Кабул официально признал государственный долг перед бывшим СССР в размере приблизительно 13 млрд долларов, что позволило Москве списать данную задолженность посредством механизмов Парижского клуба³⁷¹. Одновременно Казахстан внес значительный вклад в развитие человеческого капитала Афганистана: в 2010 г. была запущена правительственная программа стоимостью 50 млн долларов, предусматривающая обучение 1000 афганских студентов в казахстанских вузах, что способствовало подготовке специалистов в областях медицины, инженерного дела, сельского хозяйства и других ключевых секторов. Так, в период 2010–2021 гг. обучение получили свыше 1000 граждан Афганистана³⁷².

³⁶⁹ Назад в будущее: Новую модель отношений России и Афганистана нужно искать в 50–60-х годах прошлого века // Afghanistan.ru. 2024. URL: <https://afghanistan.ru/doc/54703.html> (дата обращения: 01.03.2025).

³⁷⁰ Cordesman, A. H. The Lessons of the Afghan War that No One Will Want to Learn // Center for Strategic and International Studies (CSIS). 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep41879> (дата обращения: 01.03.2025).

³⁷¹ Россия списала советский долг Афганистана // Ведомости. 6 августа 2007. URL: https://www.vedomosti.ru/library/news/2007/08/06/rossiya-spisala-sovetskij-dolg-afganistana?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 07.09.2025).

³⁷² Nearly 60 Afghan Women Pursue Higher Education in Kazakhstan // The Astana Times. 2023. URL: <https://astanatimes.com/2023/01/nearly-60-afghan-women-pursue-higher-education-in-kazakhstan/> (дата

В контексте политико-дипломатических усилий стоит отметить важную роль Организации договора о коллективной безопасности. В условиях изменившейся геополитической конъюнктуры постсоветские государства всё активнее обращались к региональным механизмам коллективной безопасности, чтобы противостоять новым трансграничным вызовам. ОДКБ, созданная в 2002 г. на базе Договора о коллективной безопасности, стала ключевым инструментом для координации усилий государств СНГ в области обороны и безопасности. История ОДКБ свидетельствует о её способности эволюционировать в ответ на динамичные вызовы, в том числе возникающие в связи с нестабильностью в Афганистане.

Исторически ОДКБ зародилась как механизм коллективной обороны, способный объединить усилия государств СНГ для сдерживания внешних угроз. В числе её первоочередных задач – обеспечение безопасности южных рубежей, контроль над вооружениями и противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму. Эти направления остаются основополагающими и по сей день. В частности, с начала 2000-х гг. через ОДКБ проводились мероприятия по усилению охраны таджикско-афганской границы, признанной одним из наиболее уязвимых участков внешней линии безопасности региона³⁷³.

Шанхайская организация сотрудничества, официально учреждённая в 2001 г. при участии России, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, сформировалась как региональный механизм коллективной безопасности, нацеленный на противодействие угрозам терроризма, экстремизма и сепаратизма. В условиях растущей нестабильности в Афганистане организация постепенно расширила фокус своей деятельности,

обращения: 01.10.2024).

³⁷³ В Секретариате ОДКБ обсудили реализацию программы по укреплению таджикско-афганской границы // Новости ОДКБ. 25 июля 2025. URL: <https://odkb.news/40616-v-sekretariate-odkb-obsudili-realizaciju-programmy-po-ukrepleniju-tadzhiksko-afganskoj-granicy.html> (дата обращения: 07.07.2025).

включая афганскую проблематику в приоритетные направления региональной повестки³⁷⁴.

Первоначально вопросы афганского урегулирования рассматривались в контексте региональных вызовов, обусловленных присутствием иностранных военных контингентов на территории Центральной Азии. В частности, на саммите ШОС в Астане в 2005 г. прозвучало важное заявление, выражающее обеспокоенность стран-участниц, прежде всего России и Китая, отсутствием чётких сроков пребывания сил НАТО в регионе. Тем самым, ШОС обозначила свою самостоятельную позицию, подчеркнув необходимость чёткого и прозрачного механизма международного присутствия в Центральной Азии и Афганистане³⁷⁵.

Важным дипломатическим шагом, продемонстрировавшим усиление роли ШОС в международных усилиях по афганскому направлению, стала Московская конференция по Афганистану в 2009 г. Организованное под эгидой ШОС мероприятие собрало представителей около 50 государств и международных организаций, включая НАТО, ООН, ЕС и США, подтвердив способность организации выступать в качестве авторитетной международной площадки для обсуждения стратегических проблем безопасности и урегулирования конфликта в Афганистане³⁷⁶.

В 2012 г. сотрудничество между Афганистаном и ШОС вышло на новый уровень, когда Кабул официально получил статус государства-наблюдателя в организации. Этот шаг способствовал установлению более прочных связей Афганистана с ключевыми региональными державами и расширил спектр взаимодействия за пределы традиционной безопасности, охватывая также экономические и гуманитарные направления.

³⁷⁴ SCO Secretariat holds roundtable discussion on Afghanistan // Shanghai Cooperation Organization (SCO). 2020. 9 января. – URL: <https://eng.sectSCO.org/20200109/621306.html> (дата обращения: 01.01.2025).

³⁷⁵ Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов ШОС по итогам встречи в формате Контактной группы «ШОС–Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества (SCO). 14 июля 2021. URL: <https://eng.sectSCO.org/20210714/768326.html> (дата обращения: 07.09.2025).

³⁷⁶ Из материалов брифинга А. Нестеренко (МИД РФ): О специальной конференции по Афганистану под эгидой ШОС // ОДКБ. 27 марта 2009. URL: https://odkb-csto.org/news/smi/iz_materialov_brifinga_a_nesterenko_mid_rf_o_spetsialnoy_konferentsii_po_afganistanu_pod_egidoj_shos/ (дата обращения: 07.09.2025).

Второй этап представлял собой включение Афганистана в существующие региональные структуры межгосударственного взаимодействия, его дипломатическое признание. Во второй половине 2000-х гг. важным этапом международной интеграции Афганистана стало его формальное включение в ключевые региональные структуры, что стало шагом к дипломатическому признанию нового афганского государства и обеспечило институциональные механизмы взаимодействия с соседними странами. В 2007 г. Афганистан стал полноправным членом Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии что закрепило его политическую принадлежность к южноазиатскому региону и позволило участвовать в многосторонних проектах в сфере торговли, инфраструктуры и образования³⁷⁷. Существенное значение для Афганистана имеет также участие в Организации экономического сотрудничества, обеспечивающей доступ к экономическим и транспортным инициативам в Евразии и способствующей развитию транзитного потенциала страны. В то же время Центральная Азия и Россия получили возможность выстраивать координацию с Кабулом на платформе Шанхайской организации сотрудничества: уже в 2005 г. была создана Контактная группа «ШОС – Афганистан»³⁷⁸, а в 2012 г. Афганистан получил статус наблюдателя при ШОС, что закрепило его роль в региональном диалоге по вопросам безопасности и стабилизации ³⁷⁹.

Вместе с тем, главная роль в поддержании безопасности в стране лежала на крупном иностранном военном контингенте, что говорило об отсутствии иллюзий международного сообщества в возможность правительства страны контролировать ситуацию. В свою очередь, уже в 2013 г. президент Афганистана Х. Карзай объявил, что афганские вооружённые силы возьмут на себя основную роль в обеспечении безопасности страны.

³⁷⁷ Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (справочный материал) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 12 февраля 2016. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1583533/ (дата обращения: 07.0.2024).

³⁷⁸ Контактная группа «ШОС – Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества. 16 июля 2019. URL: <https://rus.sectsc.org/20190716/565424.html> (дата обращения: 07.09.2025).

³⁷⁹ Там же.

Важным элементом систематизации подходов ШОС к афганскому кризису стало создание механизма Контактной группы ШОС–Афганистан, учреждённой ещё в 2005 г., но долгое время не проявлявшей заметной активности. Возобновление работы этого механизма состоялось лишь в 2017 году в условиях подготовки к завершению миссии НАТО в Афганистане. В 2018 году Контактной группой была утверждена специальная «дорожная карта», предусматривающая конкретные меры и направления сотрудничества, включающие вопросы безопасности, содействия экономическому развитию Афганистана, а также укрепления культурно-гуманитарных связей³⁸⁰.

ШОС, последовательно развивая афганское направление своей деятельности, трансформировалась в инструмент многосторонней дипломатии, способный комплексно решать вопросы региональной безопасности. Вовлечение Афганистана в структуру организации и практическое взаимодействие по линии Контактной группы подчёркивают стратегическое понимание постсоветских государств необходимости долгосрочного и многопланового подхода к стабилизации Афганистана. Подобная интеграция дипломатических, экономических и гуманитарных инициатив способствовала формированию устойчивого механизма регионального взаимодействия, минимизирующего угрозы и способствующего долгосрочной стабилизации Центральной Азии и прилегающих территорий.

После завершения основной фазы операции Международных сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF) и передачи ответственности за обеспечение безопасности национальному правительству к концу 2014 года существенно возросла роль соседних государств и региональных организаций в афганском урегулировании. В изменившихся геополитических условиях Россия и государства Центральной Азии активизировали дипломатические усилия и расширили межгосударственные консультации, стремясь

³⁸⁰ Контактная группа «ШОС – Афганистан» // Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). 2019. URL: <https://rus.sectsc.org/20190716/565424.html> (дата обращения: 01.01.2025).

предотвратить потенциальные риски дестабилизации ситуации после сокращения международного присутствия. В этот период особое значение приобрели форматы многостороннего сотрудничества, среди которых наиболее заметными стали ШОС, ОДКБ, Московский и Ташкентский переговорные форматы. Наряду с этим активизировалось двустороннее взаимодействие государств региона с официальным Кабулом в целях долгосрочного урегулирования ситуации и содействия устойчивому развитию страны.

Важным инструментом интеграции дипломатических усилий государств региона стал инициированный в 2011 г. «Стамбульский процесс», известный также как формат «Сердце Азии». Целью этого многостороннего форума стало укрепление безопасности, политического и экономического сотрудничества вокруг Афганистана через механизм доверительных мер, объединяющий около 15 стран-участников и ряд международных организаций. Процесс зарекомендовал себя как эффективный инструмент для консолидации усилий региональных государств и внешних акторов в направлении стабильности Афганистана и региона в целом³⁸¹.

Данный формат был ориентирован на регулярный политический диалог и развитие экономического сотрудничества между Афганистаном и соседними странами. Казахстан, проявив активную дипломатическую позицию, выступил организатором третьей министерской конференции процесса, состоявшейся 26 апреля 2013 г. в Алматы³⁸². По итогам конференции была принята «Алматинская декларация», которая зафиксировала единство подходов региональных государств в поддержке Афганистана в переходный период после завершения миссии НАТО. Страны региона подтвердили готовность активно содействовать афганскому

³⁸¹ Istanbul Process: Stability and Prosperity in the “Heart of Asia” through Building Confidence and Shared Regional Interests (3-е министерское заявление – Алма-Ата, 26 апреля 2013) // Heart of Asia – Istanbul Process. 26 апреля 2013. URL: <https://www.hoa.gov.af/images/declarations/3rd-Ministerial-Declaration-26-April-2013-Almaty.pdf> (дата обращения: 07.09.2025).

³⁸² Countries Reaffirm Commitment to Afghanistan at Almaty Meeting // The Astana Times. 2013. Апрель. URL: <https://astanatimes.com/2013/04/countries-reaffirm-commitment-to-afghanistan-at-almaty-meeting/> (дата обращения: 10.02.2025).

руководству в укреплении национальной безопасности, экономическом восстановлении и интеграции Афганистана в региональные экономические и инфраструктурные проекты.

Важно отметить, что после 2014 г. государства постсоветского пространства начали осуществлять комплексную модель дипломатического взаимодействия с Афганистаном, характеризующуюся акцентом на экономическое развитие, гуманитарную помощь и региональную интеграцию. Деятельность формата «Сердце Азии», закреплённая Алматинской декларацией 2013 г., ³⁸³свидетельствует о стратегическом понимании важности долгосрочных мер стабилизации и устойчивого развития Афганистана, выходящих за рамки исключительно военно-политического подхода. Эти дипломатические инициативы подчёркивают стремление постсоветских государств выступать активными участниками и медиаторами в процессе афганского урегулирования.

После завершения миссии Международных сил содействия безопасности и последующего перехода ответственности за обеспечение безопасности к правительству Афганистана в конце 2014 г. государства постсоветского пространства значительно активизировали дипломатическую активность, направленную на стабилизацию обстановки в регионе. В новых геополитических условиях Российская Федерация инициировала создание самостоятельного дипломатического механизма, получившего название «Московский формат консультаций по Афганистану» ³⁸⁴. Его учреждение было обусловлено стремлением России выработать дополнительные инструменты урегулирования ситуации, дополняющие существующие международные форматы.

³⁸³ Бочарова М. «Сердце Азии»: афганская аритмия // Власть. 30 апреля 2013. URL: https://vlast.kz/politika/serdce_azii_afganskaja_aritmija-1699.html (дата обращения: 07.05.2025).

³⁸⁴ Участники московского формата обсудят вопросы безопасности и восстановления Афганистана // ТАСС. 29 сентября 2023. URL: <https://tass.ru/politika/18870603> (дата обращения: 23.06.2025).

Первая встреча в рамках Московского формата состоялась 9 ноября 2018 г.³⁸⁵ и имела знаковый характер, поскольку впервые за одним столом переговоров были собраны не только официальные представители афганского правительства, поддерживаемого США, и дипломаты стран региона, но и делегация движения «Талибан»*. Несмотря на то, что на этой встрече США и афганские власти были представлены дипломатами среднего уровня, сам факт публичного присутствия столь разных сторон свидетельствовал о возрастании дипломатической роли России в поиске решений афганского конфликта.

В последующие годы Московский формат получил дальнейшее развитие. Так, заседание 20 октября 2021 г., собравшее представителей России, всех пяти республик Центральной Азии, Китая, Пакистана, Ирана и Индии, а также официальную делегацию движения «Талибан»*, продемонстрировало расширение данного формата и признание его роли международным сообществом³⁸⁶. На этой встрече стороны приняли совместное заявление, в котором отмечалось, что приход талибов к власти является состоявшимся фактом, однако официальное международное признание правительства талибов возможно только при условии формирования инклюзивного руководства, представляющего все этнополитические группы Афганистана. В документе также выдвигались конкретные требования к новому афганскому руководству: соблюдение прав женщин и национальных меньшинств, умеренность во внешней политике и недопущение использования территории Афганистана международными террористическими организациями. Помимо этого, международному сообществу рекомендовано разблокировать замороженные финансовые активы страны и усилить гуманитарную поддержку населению.

³⁸⁵ The U.S. and Afghan Government Must Re-engage With the Peace Process // Carnegie Endowment for International Peace. 2018. Ноябрь. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2018/11/the-us-and-afghan-government-must-re-engage-with-the-peace-process?lang=en> (дата обращения: 10.03.2024).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

³⁸⁶ Moscow format meeting on Afghanistan adopts joint statement // Anadolu Agency. 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/moscow-format-meeting-on-afghanistan-adopts-joint-statement/2398172> (дата обращения: 11.10.2024).

Одновременно с Российской Федерацией дипломатическую инициативу по урегулированию афганского кризиса предпринял Узбекистан, организовав в Ташкенте 26–27 марта 2018 г. международную конференцию под названием «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие»³⁸⁷. Итоговая Ташкентская декларация подчеркнула необходимость организации прямых переговоров между афганским правительством и движением «Талибан»*, при этом акцентировалось, что мирный процесс должен осуществляться при ведущей роли самих афганцев («афганское лидерство и афганская собственность»). Международное сообщество поддержало мирную инициативу президента Афганистана А. Гани, которая включала предложение о признании движения «Талибан»* политической силой и предоставление ему гарантий в обмен на отказ от вооружённой борьбы³⁸⁸.

В дальнейшем Узбекистан активно развивал достигнутые в рамках Ташкентской конференции договорённости, предпринимая конкретные шаги по интеграции Афганистана в региональные экономические проекты. К числу таких инициатив относятся восстановление и развитие железнодорожного сообщения между Термезом и Мазари-Шарифом с возможностью продления до Герата, поставки электроэнергии и продовольствия, а также участие Кабула в трансрегиональных экономических и инфраструктурных проектах. При этом Ташкент последовательно сохранял нейтральную посредническую позицию, поддерживая контакты как с официальными афганскими властями, так и с представителями талибов. Возникновение Московского и Ташкентского переговорных форматов свидетельствует о росте самостоятельности и

³⁸⁷ Ташкентская международная конференция высокого уровня по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие»// Постоянное представительство Узбекистана при ООН. URL: <https://www.un.int/uzbekistan/fr/news/ташкентская-международная-конференция-высокого-уровня-по-афганистану-«мирный-процесс> (дата обращения: 23.11.2024).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 год.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 год.

³⁸⁸ Заявление Делегации Республики Узбекистан на 1179-м заседании Постоянного совета ОБСЕ (15 марта 2018), посвящённое Ташкентской международной конференции по Афганистану // ОБСЕ. 15 марта 2018. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/6/380923.pdf> (дата обращения: 07.09.2025).

активности государств постсоветского пространства в афганском вопросе. Эти дипломатические механизмы позволяют странам региона выступать в качестве эффективных посредников, что усиливает их международные позиции и одновременно создаёт предпосылки для долгосрочной стабилизации Афганистана, отвечая на вызовы и угрозы региональной безопасности.

В период с 2010 по 2021 гг. государства Центральной Азии интенсивно совершенствовали как двусторонние, так и многосторонние дипломатические механизмы взаимодействия с Кабулом, что способствовало интеграции Афганистана в региональные системы безопасности и укреплению его экономической устойчивости. В частности, Республика Таджикистан заключила серию соглашений, охватывающих вопросы пограничного сотрудничества, регулирования трансграничной торговли и обеспечения транзита электроэнергии³⁸⁹. Реализация проекта CASA-1000, направленного на передачу избыточной электроэнергии из Таджикистана и Кыргызстана в Афганистан и Пакистан, представляет собой пример успешной региональной интеграции, достигнутой при поддержке международных доноров, что способствовало развитию энергетической инфраструктуры и смягчению социально-экономических дисбалансов в Афганистане³⁹⁰.

Туркменистан, неизменно придерживаясь принципов нейтралитета, инициировал строительство масштабного газопровода ТАПИ (Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия)³⁹¹, рассматриваемого как средство экономического вовлечения Афганистана в региональные процессы и повышения его устойчивости. В дополнение к этому, власти Ашхабада активно продвигали развитие трансафганской железнодорожной

³⁸⁹ Достижения внешней политики Таджикистана // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. – URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/12/dostizheniya-vneshnei-politiki-tadzhikistana> (дата обращения: 22.05.2023).

³⁹⁰ Что такое CASA-1000? // CASA-1000. URL: <https://www.casa-1000.org/ru/home-ru/> (дата обращения: 01.03.2025).

³⁹¹ Газопровод ТАПИ поможет Туркменистану диверсифицировать экспорт газа, поддержать экономический рост // Азиатский банк развития (ADB). – URL: <https://www.adb.org/ru/news/tapi-pipeline-help-turkmenistan-diversify-gas-exports-support-growth> (дата обращения: 01.03.2025).

инфраструктуры, что являлось важным элементом формирования современной транспортной сети, способной снизить уровень внутренней нестабильности страны.

Несмотря на сравнительно менее выраженное влияние Содружества Независимых Государств в контексте афганского урегулирования, ряд стран СНГ, в частности Россия, Казахстан и Узбекистан, посредством регулярных дипломатических контактов и заключения двусторонних соглашений способствовали координации вопросов безопасности, торгово-экономического сотрудничества и приграничного взаимодействия с Кабулом. Дополнительно, в рамках специализированных образовательных и военных программ, поддерживаемых Россией, осуществлялась подготовка квалифицированных кадров для афганских сил безопасности, что способствовало повышению потенциала национальной обороны и укреплению общей региональной стабильности.

Третий этап характерен как развитием экономического и гуманитарного сотрудничества, так и стремлением внешних акторов к тому, чтобы защита Афганистана все больше становилась делом самих афганцев.

20 лет спонсирования афганской экономики и вооруженных сил внешними игроками должны были принести свои плоды. Однако, об успехе данного этапа может красноречиво сказать скорость, с которой летом 2021 г. пал режим А. Гани.

Еще за месяц до входа талибов в Кабул, официальная делегация прибыла с визитом в Москву. Глава МИД России С. Лавров тогда резюмировал с позиций политического реализма: «Что касается продолжающихся боевых действий в отсутствие политического процесса, то происходящее на территории Афганистана нас беспокоит исключительно с точки зрения возможного перелива неприятностей на территорию наших союзников. В том факте, что талибы заняли пограничные посты на границе с Ираном, на границе с Таджикистаном. Пока это происходит на территории Афганистана, мы не собираемся предпринимать никаких мер, кроме

повторения наших настойчивых призывов к тому, чтобы политический процесс, который все афганцы на словах поддержали, был как можно скорее»³⁹².

В августе 2021 г., когда режим движения «Талибан»* вновь установил контроль над Афганистаном после вывода американских и НАТО-сил, постсоветские государства столкнулись с необходимостью кардинально пересмотреть свои внешнеполитические стратегии. Отсутствие международного военного присутствия породило новые вызовы: на региональном уровне наблюдался резкий рост числа беженцев, активизация террористических группировок и тенденция к ускоренной радикализации населения в странах, граничащих с Афганистаном. Эти процессы побудили государства региона к оперативному и скоординированному ответу, который предполагал не только сдерживание экстремистских элементов, но и выработку долгосрочной системы коллективной безопасности.

В рамках ОДКБ в августе 2021 г. состоялась внеочередная сессия³⁹³, на которой участники отметили необходимость ускоренного внедрения Программы по укреплению таджикско-афганской границы, ранее инициированной Таджикистаном. На данной сессии лидеры ОДКБ подчеркнули, что обострение ситуации на южных рубежах требует интегрированного подхода, включающего как оперативное наращивание поставок современного вооружения, так и проведение дополнительных совместных учений для повышения готовности к возможным угрозам. В то же время российский президент Владимир Путин обратил внимание на необходимость скоординированных мер, способных эффективно противодействовать рискам трансграничного проникновения экстремистских

³⁹² На переговорах в Москве талибы заявили о намерении продемонстрировать миролюбие и ответственность // Новости URL: https://www.1tv.ru/news/2021-07-09/409542-na_peregovorah_v_moskve_taliby_zayavili_o_namerenii_prodemonstrirovat_mirolyubie_i_otvetstvennost?ysclid=m992n8rz94367780900 (дата обращения: 01.02.2025).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

³⁹³ Об итогах внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, посвященной ситуации в Афганистане и ее влиянию на безопасность государств – членов ОДКБ // Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/ob-itogakh-vneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-posvyashchennoy-situatsii-v-af/ (дата обращения: 01.10.2024).

элементов, в то время как президент Казахстана К.Ж. Токаев выразил обеспокоенность возможной эскалацией внутреннего конфликта в Афганистане³⁹⁴, подчеркивая, что смена власти талибами не является гарантией немедленного мира и стабильности. Президент Кыргызстана С. Жапаров дополнительно предостерег о том, что установление теократического режима может оказать разрушительное воздействие на безопасность государств-членов ОДКБ³⁹⁵.

Переосмысление внешнеполитической стратегии постсоветских государств сопровождалось активным развитием многосторонних дипломатических механизмов. Так, Россия инициировала создание «Московского формата консультаций»³⁹⁶, который предоставил площадку для диалога между представителями афганского правительства, оппозиционных сил (в том числе представителей движения «Талибан»*) и ключевых стран региона. Первая встреча в рамках этого формата, состоявшаяся 9 ноября 2018 г., продемонстрировала готовность России играть ведущую роль в мирном урегулировании афганского конфликта, даже если на начальном этапе представители США и официального Кабула были представлены на уровне сотрудников среднего звена. Последующие заседания, включая встречу 20 октября 2021 г., закрепили значение Московского формата как многосторонней площадки, на которой государства региона совместно вырабатывали позиции по вопросу формирования инклюзивного правительства в Афганистане, при условии соблюдения прав человека и недопущения использования афганской территории террористическими группировками.

³⁹⁴ Глава государства принял участие в сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ // Аккорда. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-168210> (дата обращения: 01.12.2024).

³⁹⁵ Президент Кыргызстана Садыр Жапаров встретился с главами международных организаций. Во встрече принял участие Генеральный секретарь ОДКБ Станислав Зась // Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/prezident-kyrgyzstana-sadyr-zhaporov-vstretilsya-s-glavami-mezhdunarodnykh-organizatsiy-vo-vstreche-/ (дата обращения: 28.01.2025).

³⁹⁶ Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану, Москва, 20 октября 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1784139/ (дата обращения: 01.12.2024).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

В сентябре 2021 г., когда режим движения «Талибан»^{*} вновь установил контроль над Афганистаном после вывода американских и НАТО-сил, в рамках Шанхайской организации сотрудничества произошёл качественный сдвиг в региональной дипломатической практике. Страны-участницы ШОС выступили единым фронтом, обозначив новые ожидания к афганской власти в контексте изменившейся политической реальности. Президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев акцентировал необходимость выработки совместного подхода и начала конструктивного диалога с новыми властями Кабула, несмотря на отказ от их формального признания³⁹⁷. Президент Казахстана, следуя аналогичной логике, выступил за восстановление каналов коммуникации с движением «Талибан»^{*}, с целью прояснения его намерений и стимулирования исполнения принятых обязательств. В дополнение к этому, государства региона коллективно призвали к разблокированию замороженных афганских государственных активов, что, по их мнению, является мерой, способствующей предотвращению гуманитарного коллапса³⁹⁸.

В то же время, Таджикистан занял позицию, характеризующуюся более жестким подходом: его президент открыто заявил о непризнании любого афганского правительства, сформированного без участия всех этнических групп, особенно представителей таджикского сообщества. На саммите ШОС президент Таджикистана также подчеркнул необходимость повышения оперативных возможностей Региональной антитеррористической структуры для противодействия угрозам, исходящим с территории Афганистана, и выразил поддержку силам сопротивления в Панджшере через публичные заявления³⁹⁹.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 год.

³⁹⁷ CSTO, SCO summits presage policy of wary tolerance of Taliban regime in Afghanistan // Eurasianet. URL: <https://eurasianet.org/csto-sco-summits-presage-policy-of-wary-tolerance-of-taliban-regime-in-afghanistan> (дата обращения: 01.03.2025).

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 год.

³⁹⁸ Когда соседу хорошо, или Как Мирзиёев намерен примирить Кабул с талибами // Sputnik Узбекистан. 28 марта 2018. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20180328/uzbekistan-afghanistan-mirzиеev-7832618.html> (дата обращения: 07.06.2025).

³⁹⁹ Президент Таджикистана: Афганистан превратился в площадку для геополитических игр // Новости ООН. 2021. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1410572> (дата обращения: 11.12.2024).

Практическая дипломатическая линия стран постсоветского пространства в отношении Афганистана также нашла отражение в поддержании рабочих контактов с Кабулом. Посольства России, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана продолжали функционировать в Афганистане после августа 2021 г., обеспечивая консульскую и гуманитарную поддержку. Страны, такие как Узбекистан и Казахстан, выступали в качестве ключевых транзитных узлов для международной гуманитарной помощи, организовывая доставку продовольственных и медицинских грузов через такие города, как Термез и Алматы. В июле 2022 г. Узбекистан вновь инициировал проведение масштабной международной встречи по вопросам афганского урегулирования, где была приглашена делегация представителей режима движения «Талибан»^{*} для обсуждения экономических и безопасностных вопросов. Хотя результаты данной конференции не привели к радикальным договорённостям, она закрепила роль Узбекистана в качестве нейтрального посредника в процессе диалога с новыми властями Кабула⁴⁰⁰.

Параллельно, Российская Федерация эволюционировала в направлении прагматичного взаимодействия. Несмотря на сохранение движения «Талибан»^{*} в списке запрещённых организаций, Москва принимает представителей де-факто афганского правительства в рамках Московского формата консультаций – встречи, проводившиеся, в частности, в октябре 2021 и ноябре 2022 гг., – а также на заседаниях расширенной «тройки», объединяющих Россию, США, Китай и Пакистан. Российские официальные лица подчёркивают прогресс в выполнении Кабулом своих обязательств по контртеррористическим мероприятиям, однако отмечают, что вопрос официального признания остаётся тесно связанным с необходимостью формирования инклюзивного афганского руководства⁴⁰¹.

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

⁴⁰⁰ МИД озвучил позицию Узбекистана по Афганистану в связи с приходом к власти талибов // Газета.uz. 2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/26/afghanistan/> (дата обращения: 01.03.2025).

^{*} Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

⁴⁰¹ Moscow format meeting on Afghanistan adopts joint statement // Anadolu Agency. 2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/world/moscow-format-meeting-on-afghanistan-adopts-joint->

Опыт государств постсоветского пространства за период с 1991 по 2024 гг. демонстрирует значительную трансформацию внешнеполитических стратегий, нацеленных на снижение трансграничных угроз, возникающих в результате нестабильности в Афганистане, и обеспечение региональной безопасности. В условиях распада СССР и последующего формирования новой геополитической среды страны СНГ были вынуждены разрабатывать коллективные механизмы защиты своих южных рубежей, что выразилось в создании совместных силовых и консультационных структур, таких как неформальный формат «шестерка плюс два» и меры по укреплению охраны таджикско-афганской границы.

Особое значение приобрели двусторонние контакты, инициированные, в частности, Казахстаном и Узбекистаном, которые организовывали международные конференции и принимали ключевые декларации (например, Алматинскую⁴⁰² и Ташкентскую декларации⁴⁰³). Эти документы закрепили коллективную приверженность государств региона поддержанию мирного процесса в Афганистане, одновременно стимулируя обмен опытом в сфере безопасности и координацию реализации экономических и гуманитарных проектов, способствующих интеграции Афганистана в региональную экономическую систему.

Третий этап политико-дипломатических усилий внешних игроков на Афганском направлении, в целом, свидетельствует об учете ошибок первого этапа. Многие государства отошли от яркого антагонизма с режимом талибов и стремятся наладить конструктивное взаимодействие в тех сферах, где это возможно, при этом не забывая осознавать потенциальную угрозу от Исламского Эмирата Афганистан.

statement/2398172 (дата обращения: 01.02.2025).

⁴⁰² «Сердце Азии – Стамбульский процесс» // Eurasian Research Institute. 2021. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/heart-of-asia-istanbul-process/?lang=ru> (дата обращения: 07.09.2025).

⁴⁰³ Декларация Ташкентской конференции по Афганистану: «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» // UZ.AZ. 28 марта 2018. URL: <https://uza.uz/ru/posts/deklaratsiya-tashkentskoy-konferentsii-po-afganistanu-mirnyy-28-03-2018> (дата обращения: 07.08.2025).

Независимо от сложности политического процесса и неоднозначности результатов отдельных инициатив, систематизированный интегрированный подход, сочетающий силовые, дипломатические и консультационные меры, доказал свою эффективность в противодействии трансграничным угрозам. Этот опыт подчеркивает, что региональная стабильность зависит не только от оперативного реагирования на кризисные явления, но и от способности государств выстраивать комплексный, многоуровневый диалог, способный адаптироваться к динамично меняющимся геополитическим условиям.

Таким образом, формирование осторожно-реалистичной модели внешнеполитической стратегии, объединяющей элементы коллективной безопасности, многостороннего сотрудничества и двустороннего диалога, представляет собой краеугольный камень для долгосрочной стабилизации Афганистана и обеспечения безопасности постсоветского пространства. Практический опыт реализации таких механизмов, как ОДКБ, ШОС, Московский и Ташкентский форматы, свидетельствует о том, что системное и интегрированное взаимодействие является необходимым условием для поддержания устойчивости в условиях глобальной неопределенности.

Соотнесение дипломатических инструментов, рассмотренных в данном параграфе, с характером угроз, проанализированных во второй главе, позволяет выявить их функциональную направленность. В условиях, когда террористическая угроза афганского происхождения носит транснациональный и сетевой характер, а радикализация распространяется преимущественно через идеологические и коммуникационные каналы, политико-дипломатические форматы выполняют задачу не прямого устранения угроз, а их институционального сдерживания и локализации. Многосторонние механизмы, такие как ОДКБ и ШОС, создают рамки для координации военных и силовых мер, тогда как консультационные форматы («Московский», «Ташкентский») направлены на предотвращение сценариев неконтролируемой эскалации и перерастания внутреннего афганского кризиса в региональный конфликт.

В этом смысле дипломатия выступает производной от природы угроз: при отсутствии возможности прямого воздействия на внутренние процессы в Афганистане государства постсоветского пространства используют политико-дипломатические инструменты как механизм снижения неопределённости и перераспределения рисков. Ограниченность данных инструментов, выявленная в ходе анализа, логически обуславливает обращение к экономическим и инфраструктурным мерам стабилизации, направленным на воздействие на социально-экономические источники угроз, прежде всего наркотрафика и криминализации, что и становится предметом рассмотрения следующего параграфа.

Анализ политико-дипломатических инструментов, применяемых постсоветскими государствами в контексте афганского кризиса, позволяет сделать вывод о том, что многосторонние и двусторонние форматы взаимодействия выполняют прежде всего функцию институционального управления рисками, а не их полного устранения. В условиях высокой неопределённости и ограниченного доступа к процессам, происходящим внутри Афганистана, дипломатия становится механизмом снижения транзакционных издержек обеспечения безопасности и координации позиций государств региона.

С позиций политического реализма обращение к многосторонним форматам – таким как ОДКБ, ШОС и консультационные механизмы СНГ – отражает стремление государств компенсировать асимметрию ресурсов и уязвимостей за счёт коллективных инструментов. Вместе с тем эффективность данных форматов остаётся структурно ограниченной, поскольку различия в национальных интересах и уровне воспринимаемых угроз препятствуют формированию единых стратегических подходов. В результате дипломатическое взаимодействие зачастую сводится к согласованию рамочных позиций, не переходя в фазу институционально закреплённых обязательств.

Двусторонние форматы, напротив, предоставляют государствам большую степень гибкости и позволяют учитывать специфику национальных приоритетов. Однако их избыточная фрагментация снижает потенциал региональной координации и усиливает зависимость от текущей политической конъюнктуры. Возникающая в этой связи дилемма между институционализированной многосторонностью и прагматичным двусторонним взаимодействием является одной из ключевых характеристик дипломатического измерения афганского кризиса.

Важно подчеркнуть, что политико-дипломатические инструменты не могут рассматриваться в отрыве от характера самих угроз. Рост трансграничного терроризма и радикализации (см. п. 2.1–2.2), а также сохранение нелегальных потоков через афганское направление, существенно ограничивают потенциал дипломатии как самостоятельного механизма реагирования. В этих условиях дипломатические форматы выполняют скорее функцию сопровождения и легитимации иных инструментов политики безопасности, чем самостоятельного средства нейтрализации угроз.

Таким образом, политико-дипломатическое измерение реагирования на афганский кризис отражает попытку постсоветских государств выработать баланс между необходимостью коллективных действий и сохранением национальной автономии в сфере безопасности. Структурные ограничения дипломатических инструментов определяют обращение к экономическим и инфраструктурным механизмам стабилизации, анализ которых представлен в следующем параграфе.

3.2. Экономическая дипломатия как средство стабилизации: проекты инфраструктурной интеграции и торговые преференции

После распада Советского Союза государства постсоветского пространства разработали разноплановые модели экономического взаимодействия с Афганистаном, охваченным затяжным конфликтом.

В 1990-е гг., когда власть в Кабуле принадлежала талибскому режиму, большинство новых государств Центральной Азии, исходя из соображений национальной безопасности, ограничивались минимальным экономическим контактом с Афганистаном. В то же время Туркменистан занимался развитием торговых и энергетических связей с Кабулом, активно продвигая, в частности, проект газопровода ТАРІ Узбекистан, напротив, сочетал поддержку антиталибского Северного альянса, возглавляемого А. Дустумом, с попытками наладить деловые отношения с Кабулом посредством участия в том же проекте. Таджикистан, учитывая внутренние вызовы в виде гражданской войны в 1992–1997 годах, сосредоточился преимущественно на поддержке противников талибов, тогда как Казахстан и Кыргызстан ограничивались дипломатическими инициативами в рамках политики ООН⁴⁰⁴. Таким образом, начальный этап характеризовался разнородностью подходов, обусловленной различной оценкой рисков и стратегических интересов⁴⁰⁵.

Свержение режима талибов в 2001 году и формирование проамериканского правительства в Кабуле стали поворотными моментами, изменившими восприятие афганского вопроса в регионе. В постконфликтный период страны постсоветского пространства установили официальные дипломатические отношения с Афганистаном и интегрировались в международные программы содействия восстановлению страны. Центральноазиатские республики предоставили инфраструктурные объекты для поддержки операций НАТО и США, например, аэродром Манас в Кыргызстане и транспортный узел в Термезе, что принесло экономические

⁴⁰⁴ Ризоён Ш., Гиёсов М. Афганистан до и после возвращения Талибан. – Душанбе: Национальная академия наук Таджикистана, Институт изучения проблем стран Азии и Европы, Таджикский национальный университет, Кафедра дипломатии и внешней политики Республики Таджикистан, 2023. – 508 с.

⁴⁰⁵ Relations between Afghanistan and Central Asian States after 2014 // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). 2014. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/misc/SIPRI14wcaNK.pdf> (дата обращения: 17.10.2024).

выгоды через транзит. Параллельно с этим началась реализация двусторонних проектов развития: Казахстан инвестировал в строительство школ и больниц, Узбекистан инициировал возведение мостов и железнодорожных линий в северной части Афганистана, а Таджикистан и Туркменистан наладили поставки электроэнергии в приграничные районы. Российская Федерация, активно адаптируя свою экономическую политику, в 2007 г. заключила соглашение о реструктуризации и списании 90 % государственного долга Афганистана, а в 2010 г. оставшаяся задолженность была полностью аннулирована – шаг, который Москва охарактеризовала как существенный вклад в оздоровление афганской экономики⁴⁰⁶.

В 2010-е гг. экономическая политика государств постсоветского пространства в отношении Афганистана претерпела существенную трансформацию, отражающую рост региональной интеграции и смену приоритетов в условиях планируемого вывода американских войск (к 2014 г.). Центральноазиатские лидеры постепенно начали воспринимать Афганистан не только как источник потенциальных угроз, но и как неотъемлемую часть экономического пространства, способную стать драйвером развития всего региона. В частности, с приходом к власти Шавката Мирзиёева Узбекистан существенно переориентировал свою внешнеэкономическую политику, придав афганскому направлению стратегическую значимость⁴⁰⁷. В марте 2018 года Ташкент организовал международную конференцию, посвящённую вопросам экономического и политического вовлечения Кабула в региональные процессы, что позволило Узбекистану занять позицию моста между Центральной Азией и рынками Южной Азии и закрепить своё место среди ведущих торговых партнёров региона⁴⁰⁸.

⁴⁰⁶ Россия списала Афганистану долг в \$11 млрд // РБК. 2007. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/08/2007/5703c8789a79470eaf766646> (дата обращения: 02.11.2024).

⁴⁰⁷ Hamidzada, H., Ponzio, R. Central Asia's Growing Role in Building Peace and Regional Connectivity with Afghanistan // United States Institute of Peace. 2019. URL: https://www.stimson.org/wp-content/files/file-attachments/sr_454-central_asias_growing_role_in_building_peace_and_regional_connectivity_with_afghanistan-sr.pdf (дата обращения: 01.09.2024).

⁴⁰⁸ Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project (CASA-1000) // The World Bank. URL: <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/P145054> (дата обращения: 01.02.2025).

Одновременно с этим другие государства Центральной Азии адаптировали свои стратегии: Казахстан, в период своего председательства в ОБСЕ в 2010 г., а затем в рамках «Стамбульского процесса», активно продвигал образовательные и гуманитарные инициативы, направленные на поддержку восстановления и развития афганской экономики. Туркменистан, придерживаясь принципов нейтралитета, включился в региональные диалоги, такие как «Стамбульский процесс» и «Алматинский процесс», а также инициировал проекты, связанные с экспортом газа и электроэнергии, что способствовало экономической взаимосвязи между Туркменистаном и Афганистаном. Кыргызстан и Таджикистан, в свою очередь, выразили готовность участвовать в трансграничных энергетических проектах, таких как CASA-1000, что позволило усилить интеграцию энергетической инфраструктуры региона.

После распада СССР государства постсоветского пространства сформировали широкий спектр экономических инструментов для поддержки Афганистана, сталкиваясь с вызовами длительного конфликта и последствий нестабильности. Одним из ключевых элементов такой политики стало реструктурирование государственного долга Афганистана. В 2007 г. Российская Федерация подписала соглашение, согласно которому порядка 90 % задолженности, эквивалентной примерно 11,1 млрд долл., было списано, а оставшаяся сумма в 730 млн долл. реструктурирована на 23 года. При условии успешного выполнения афганскими властями требований программы НПС, к 2010 г. Москва полностью аннулировала остаток долга, доведя общую сумму до порядка 12 млрд долл.⁴⁰⁹. Эти финансовые меры не только снизили экономическую нагрузку на Кабул, но и продемонстрировали готовность России к дальнейшим инвестициям в восстановление инфраструктуры, развитие промышленного сектора и реализацию гуманитарных проектов.

⁴⁰⁹ МИД: Россия простила Афганистану долг в 12 млрд долларов // РБК. 2010. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/20/07/2010/559298979a794719538bfba2 (дата обращения: 01.02.2025).

Страны Центральной Азии также внесли значительный вклад в стабилизацию афганской экономики через реализацию собственных инициатив. Так, Казахстан выделил 50 млн долл. на образовательную программу для афганских студентов, благодаря которой в период с 2010 по 2020 годы более 1000 граждан Афганистана получили образование в казахстанских вузах⁴¹⁰. Помимо этого, Казахстан осуществлял прямую материальную помощь в виде продовольственных поставок и финансировал строительство социальных объектов, включая школы и больницы, а также реконструкцию транспортной инфраструктуры⁴¹¹.

Узбекистан акцентировал внимание на инфраструктурном развитии, реализуя проекты по строительству мостов на трассе между Мазари-Шарифом и Кабулом⁴¹², а также прокладывая линии электропередачи и железнодорожное сообщение от Термеза до Мазари-Шарифа, что способствовало повышению внутренней связности Афганистана и расширению торговых связей.

В 2022 г. объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) Узбекистана в Афганистан достиг 200 млн долл., а в 2023 г. вырос до 250 млн долл. Указанные ПИИ были преимущественно направлены в энергетические и транспортные проекты⁴¹³.

Туркменистан также активно инвестирует в энергетическую инфраструктуру страны. К 2024 г. ПИИ Туркменистана в Афганистан превысили 1,5 млрд долл.⁴¹⁴ Государство, придерживаясь политики нейтралитета, предложил льготные условия поставок электроэнергии в

⁴¹⁰ Казахстан потратил 50 млн долларов на обучение в вузах женщин из Афганистана // Informburo.kz. URL: <https://informburo.kz/novosti/kazakhstan-potratit-50-mln-dollarov-na-obuchenie-v-vuzah-zhenshchin-iz-afganistana.html> (дата обращения: 21.10.2024).

⁴¹¹ Казахстан: Две трети экспортной муки отправлялись в Афганистан – окажутся ли казахстанские мукомолы в сложной ситуации? // Zerno.ru. URL: <https://zerno.ru/node/16082> (дата обращения: 01.03.2025).

⁴¹² Узбекистан, Афганистан и Пакистан подписали «дорожную карту» по строительству железной дороги // Kun.uz. URL: <https://kun.uz/ru/75579339#!> (дата обращения: 21.01.2025).

⁴¹³ G. Sultoni Economic Relations between the countries of Uzbekistan and Afghanistan // Nordic Studies in Academic Research. № 0003. 2024.

⁴¹⁴ Investments of Turkmenistan in Afghanistan exceed USD 1.5 Billion // News Central Asia URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/09/20/investments-of-turkmenistan-in-afghanistan-exceed-usd-1-5-billion/> (дата обращения: 31.12.2024).

приграничные районы и инициировал масштабный проект газопровода ТАПИ,⁴¹⁵ предусматривающий транзит туркменского газа через Афганистан к рынкам Пакистана и Индии. Таджикистан и Кыргызстан, являющиеся получателями гуманитарной помощи, активно участвовали в многосторонних программах по стабилизации, реализуя меры по списанию долгов и поддержке афганских беженцев.

Совокупность этих инициатив, охватывающих реструктуризацию долговых обязательств, инвестиционные проекты в транспортную и энергетическую инфраструктуру, а также гуманитарные и образовательные программы, свидетельствует о стремлении постсоветских государств создать устойчивую экономическую базу для Афганистана. Такой комплексный подход рассматривается как важное условие для долгосрочной стабилизации страны, позволяющее не только снизить трансграничные угрозы, но и интегрировать афганскую экономику в региональные и международные торгово-инвестиционные структуры.

Попытка выстроить экономическое сотрудничество с Афганистаном предпринималась Украиной. В январе 2006 г. в Астане состоялась встреча Президента Украины В.А. Ющенко с Президентом Афганистана Х. Карзаем, в ходе которой обсуждались вопросы двустороннего экономического сотрудничества, в частности совместная разработка нефтегазовых месторождений в Афганистане и использование трубопроводов, проходящих на афганской территории. В рамках встречи также отмечалась перспективность сотрудничества в аэрокосмической и электроэнергетической отраслях, производстве минеральных удобрений.

В январе 2008 г. в рамках Всемирного экономического форума в Давосе Президент Украины В.А. Ющенко провел еще одну встречу с Президентом Афганистана Х. Карзаем. Стороны обсудили вопросы торгово-экономического сотрудничества двух стран.

⁴¹⁵ Энергетическая политика Туркменистана: важность и перспективы газопровода ТАПИ // Eurasian Research Institute. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/energy-policies-of-turkmenistan-importance-and-perspectives-of-tapi-natural-gas-pipeline/?lang=ru> (дата обращения: 01.03.2025).

Между Украиной и Афганистаном заключены двусторонние соглашения – Соглашение между Кабинетом министров Украины и Правительством Афганистана о торгово-экономическом сотрудничестве, Соглашение о сотрудничестве между торгово-промышленными палатами.

В конце 2000-х гг. происходило укрепление афгано-украинских деловых связей, прежде всего на уровне частного бизнеса. Ряд украинских компаний был представлен на рынке Афганистана, одна из них наладила работу электростанции в Герате, что позволило обеспечить электроэнергией весь регион. Украинские компании осуществляли свою деятельность в Кабуле – реконструировали поврежденное жилье, восстанавливали отопительные системы, водоснабжение, помещения.

Торгово-экономическое сотрудничество между Украиной и Афганистаном имело большой потенциал в машиностроительном секторе. Афганистан приобрел в Украине самолет, положив тем самым начало взаимоотношений в сфере авиаперевозок. Афганская фирма «Сахеби ЛТД» приобрела на Кременчугском заводе дорожных машин асфальтобетонный и камнедробильный заводы, которые работали на строительстве дорог страны⁴¹⁶. В 2025 г. Представители Украины и Афганистана планируют подписать соглашение о сотрудничестве, которое будет регламентировать участие украинских специалистов в сохранении объектов водной энергетики Афганистана. Сотрудничество может быть распространено на техобслуживание афганской авиатехники⁴¹⁷.

Помимо государственных программ, важную роль в стабилизации экономики Афганистана сыграли торгово-экономические соглашения и гуманитарные поставки. Так, в 2007 г. между Российской Федерацией и Афганистаном был подписан меморандум о взаимопонимании, предусматривающий расширение товарооборота и активное участие

⁴¹⁶ Курылев, К.П. Украинско-афганские отношения: история и современность. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. № 2. 2013. С. 41-48.

⁴¹⁷ Украина поможет "Талибану"* обслуживать инфраструктурные объекты // Независимая газета URL: https://www.ng.ru/world/2024-11-18/1_9137_challenge.html (дата обращения: 22.09.2024).

российских компаний в восстановлении афганской экономики. Уже в 2006 году торговый оборот между двумя странами достиг 90 миллионов долл., а к концу 2010-х годов он значительно вырос благодаря увеличению экспорта нефтепродуктов, зерна и металлов. В свою очередь, Узбекистан и Афганистан заключили ряд соглашений, направленных на оптимизацию транзитных процедур и развитие пограничных рынков, в частности, в Хайратоне и Термезе, что способствовало резкому росту товарооборота, превысившего 800 миллионов долларов к 2020 г.⁴¹⁸.

Важным проектом для России в Афганистане является Транс-Афганская железная дорога (ТАЖД). Этот проект представляет собой прокладку ветки «Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар», которая позволит создать сухопутный транзит товаров из Узбекистана в пакистанские порты. РЖД разрабатывало программу проектирования, строительства и обслуживания Трансафганской железной дороги. Интерес России заключается в обеспечении Афганистана товарами из СНГ и ЕС⁴¹⁹.

Следует отметить, что экономическая политика государств постсоветского пространства в отношении Афганистана представляет собой неотъемлемый элемент обеспечения региональной безопасности. В условиях, когда Афганистан занимает ведущую позицию среди мировых поставщиков опиатов, значительная часть которых проходит через Центральную Азию и поступает на российский рынок, экономическая стабилизация Кабула рассматривается как стратегический приоритет для снижения трансграничных угроз. По оценкам, до 80 % героина, потребляемого в России, проходит через Таджикистан, а объем нелегального оборота наркотиков может достигать 30 % ВВП этой страны, что способствует развитию теневой экономики и росту коррупционных процессов⁴²⁰.

⁴¹⁸ Kazakhstan Delivers Humanitarian Aid to Afghan People // The Astana Times. 2023. URL: <https://astanatimes.com/2023/04/kazakhstan-delivers-humanitarian-aid-to-afghan-people/> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴¹⁹ Кашкарёв, О.Р. Торгово-экономическое сотрудничество Афганистана, России и стран Центральной Азии после прихода к власти «Талибана» // The Newman in Foreign policy, 2023, pp. 50-52.

⁴²⁰ Afghanistan After the U.S. Pullout: Challenges to Russia and Central Asia // Carnegie Endowment for International

Осознавая, что экономическая дестабилизация Афганистана способствует усилению нелегальных финансовых потоков, поддерживающих террористические структуры, государства региона реализуют комплекс мер, направленных на развитие легальной торговли и создание альтернативных источников занятости в Кабуле. В рамках данных инициатив предпринимается модернизация приграничной инфраструктуры: ужесточаются меры контроля на границах, обновляются пограничные заставы, внедряются современные системы сканирования грузов, что осуществлялось в 2000–2010 г. с поддержкой ООН и ОБСЕ. Под эгидой Организации Договора о коллективной безопасности регулярно проводятся операции, нацеленные на пресечение потоков наркотрафика, посредством координации усилий спецслужб России и стран Центральной Азии⁴²¹.

Кроме того, значительное внимание уделяется реализации образовательных и гуманитарных программ, способствующих снижению риска радикализации. Программы, реализуемые в Казахстане и Кыргызстане, обеспечивающие подготовку афганской молодежи, наряду с гуманитарными проектами по поставке продовольствия и медицинских средств, способствуют укреплению социально-экономической устойчивости Кабула. Дополнительно, участие государств ЕАЭС и Центральной Азии в Евразийской группе по противодействию легализации преступных доходов, совместно с ФАТФ, позволяет оперативно идентифицировать и пресекать финансовые потоки, направляемые радикальным ячейкам⁴²².

В условиях постсоветской интеграции экономических систем роль Евразийского экономического союза в афганском направлении приобретает особую актуальность для обеспечения региональной стабильности. Несмотря на то, что Афганистан формально не является членом ЕАЭС, начиная с 2019

Peace. 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2021/07/afghanistan-after-the-us-pullout-challenges-to-russia-and-central-asia?lang=en> (дата обращения: 22.09.2024).

⁴²¹ Борьба с незаконной торговлей наркотиками: перспективы России // Российский совет по международным делам (РСМД). 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/eurasian-policy/tackling-the-illicit-drug-trade-perspectives-from-russia/> (дата обращения: 24.11.2024).

⁴²² ЕЭК и ФАТФ обсудили сотрудничество // Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). URL: <https://eec.eaeunion.org/news/EEK-i-fatf-obsudili-sotrudnichestvo-/> (дата обращения: 01.03.2025).

года Кабул проявляет интерес к получению статуса наблюдателя, что способствует углублению торгово-инвестиционных связей между этой страной и участниками Союза. Стратегические документы ЕАЭС до 2025 г. акцентируют необходимость создания транспортных коридоров, связывающих страны Союза с рынками Южной Азии⁴²³, в том числе посредством маршрутов, проходящих через территорию Афганистана. Эти меры направлены на оптимизацию логистических потоков, сокращение транзитных расходов и усиление экономической интеграции в рамках единой евразийской модели.

Ключевую роль в реализации инфраструктурных проектов играет Евразийский банк развития. Так, модернизация дорожных сетей в Кыргызстане, обеспечивающая доступ к основным транспортным маршрутам, пролегающим через Таджикистан и Афганистан, демонстрирует, как инвестиции способствуют не только улучшению логистических условий, но и расширению торговых связей между странами региона. Эти проекты способствуют снижению экономической изоляции Афганистана, способствуя его интеграции в экономическое пространство ЕАЭС и повышению устойчивости региональных рынков⁴²⁴.

Помимо инфраструктурных инвестиций, участие Афганистана в партнерских режимах ЕАЭС, даже в статусе наблюдателя, открывает возможности для развития механизмов диалога, направленных на углубление экономического сотрудничества. Это включает обмен информацией, гармонизацию стандартов и реализацию совместных проектов, ориентированных на развитие транспортно-логистической сети и повышение конкурентоспособности региональных экономик. Такой интегрированный подход способствует снижению трансграничных угроз, поскольку усиление

⁴²³ Черно-белое видение многоцветного мира // Российский совет по международным делам (РСМД). 2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/chno-beloe-videnie-mnogotsvetnogo-mira/?sphrase_id=185232470 (дата обращения: 11.11.2024).

⁴²⁴ С Востока на Запад и с Севера на Юг: будущее Евразийского транспортного каркаса // Евразийский банк развития (ЕАБР). URL: <https://eabr.org/press/releases/s-vostoka-na-zapad-i-s-severa-na-yug-budushchee-evraziyskogo-transportnogo-karkasa/> (дата обращения: 21.11.2024).

экономических связей является важнейшим элементом обеспечения безопасности в условиях глобальной динамики⁴²⁵.

После восстановления власти режима движения «Талибан»* в августе 2021 г. постсоветские государства столкнулись с необходимостью пересмотра своих экономических стратегий в отношении Афганистана, чтобы компенсировать угрозы, связанные с возможным коллапсом афганской экономики. В новых условиях, когда экономическая дестабилизация Кабула может привести к увеличению трансграничного наркотрафика, усилению миграционных потоков и росту радикальных настроений, страны Центральной Азии и Российская Федерация выработали комплекс мер, направленных на смягчение гуманитарно-экономического кризиса в Афганистане.

С конца 2021 г. государственные представительства России, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и Кыргызстана в Кабуле продолжают функционировать, демонстрируя готовность к поддержанию контактов с де-факто властями Афганистана в интересах региональной стабильности. Казахстан, в частности, официально исключив движение «Талибан»* из национального списка террористических организаций, создал предпосылки для установления официальных экономических отношений, что соответствует тенденциям нормализации контактов Центральной Азии с Кабулом. В то же время, Узбекистан и Туркменистан восстановили работу сухопутных переходов через пограничные районы (например, через Хайратон и Акина), что позволило возобновить транзит товаров, включая топливо, электроэнергию и продовольствие, по кредитно-товарным схемам. Уже в сентябре 2021 г. Ташкент организовал поставки нескольких тысяч тонн гуманитарного груза, включавшего муку, медикаменты и одежду, а также предоставил свою территорию для транзита международной помощи⁴²⁶.

⁴²⁵ Об актуальном этапе евразийской экономической интеграции // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1472188/ (дата обращения: 11.12.2024).

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

⁴²⁶ Казахстанская компания получила контракт на управление железнодорожной линией в Афганистане //

Торговые отношения Афганистана со странами постсоветского пространства характеризуются относительной волатильностью объемов внешнеторгового оборота, связанной с преобладанием политических факторов и внутренней нестабильностью региона. Указанные обстоятельства оказывают влияние и на состав основных торговых партнеров страны – если в 2008-2012 гг. в тройку основных партнеров Афганистана наряду с Узбекистаном и Казахстаном входила Россия, то начиная с 2013 г. наблюдается значительное сокращение ее взаимного с Афганистаном товарооборота (Рис. 1). Аналогичным образом Туркменистан перестал входить в число лидеров торговли с государством начиная с 2022 г.

В 2023 г. Узбекистан и Казахстан входили в число основных торговых партнеров Афганистана с показателями торгового баланса 756 млн долл. и 594 млн долл. соответственно. Экспорт указанных стран в Афганистан в том же году достиг 766 млн долл. и 616 млн долл. Для сравнения – аналогичные показатели торговли Киргизии с Афганистаном в 2023 г. составили 10,6 млн долл. и 14,9 млн долл. соответственно⁴²⁷. В 2024 г. отмечен значительный рост экспорта казахстанского сахара на рынок Афганистана – 143 тыс. тонн, что в разы больше, чем в 2023 г. (19,1 тыс. тонн). Есть потенциал в наращивании поставок кондитерских и мучных изделий на афганский рынок. Казахстан также заинтересован в поставках афганских овощей на рынки столицы.

В конце 2024 г. страны подписали дорожную карту по увеличению товарооборота до 3 млрд долл. Учитывая, что территория Афганистана имеет огромный потенциал по добыче различных полезных ископаемых, достичь заявленных объемов взаимных инвестиций планируется за счет разведки и добычи ресурсов месторождений Афганистана.

Есть большой интерес казахстанского бизнеса вкладывать средства в поиск перспективных участков недр.

News Central Asia. 2022. URL: <https://www.newscentralasia.net/2022/12/07/kazakhstanskaya-kompaniya-poluchila-kontrakt-na-upravleniye-zheleznodorozhnoy-liniyey-v-afganistane/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁴²⁷ Afghanistan // Observatory of Economic Complexity URL: <https://oec.world/en/profile/country/afg?selector400id=3&selector1319id=2022> (дата обращения: 31.12.2024).

14 апреля 2025 г. в Афганистан прибыла группа специалистов-геологов, инженеров из Казахстана, которая, при поддержке Министерства горнодобывающей промышленности и нефти Афганистана, посетила ряд месторождений. Как отметил вице-министр промышленности и строительства РК Иран Шархан, специалисты отобрали 130 кг проб руды в провинции Нуристан с потенциальных месторождений с содержанием бериллия, свинца и цинка. Теперь для более детального анализа в лабораториях пробы будут направлены в Казахстан, и, после получения результатов, казахстанская сторона готова приступить к более глубокому формату переговоров для дальнейшей разработки месторождений.

Для активизации обозначенных в дорожной карте мероприятий Серик Жумангарин предложил заместителю Премьер-министра Афганистана открыть торговый дом Казахстана в Кабуле. Абдул Гани Барадар поддержал это предложение, отметив, что афганская сторона желала бы открыть свой торговый дом в Казахстане. Также с казахстанской стороны предложено рассмотреть возможность поставки казахстанских автобусов производства ТОО «QazTehna» в случае заинтересованности афганской стороны. Новые торговые дома будут способствовать активизации взаимных инвестиций по разным направлениям сотрудничества⁴²⁸.

Рисунок 1

Внешнеторговый оборот Афганистана с основными торговыми партнерами из стран постсоветского пространства (2008-2021 гг.)

⁴²⁸ Казахстан и Афганистан намерены расширить торгово-экономическое сотрудничество // Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан URL: <https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstan-i-afganistan-namereny-rasshirit-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-29953> (дата обращения: 31.12.2024).

Источник: составлено автором по данным Afghanistan // Observatory of Economic Complexity URL: <https://oec.world/en/profile/country/afg?selector400id=3&selector1319id=2022> (дата обращения: 31.12.2024).

Одним из ключевых направлений современных мер стало обеспечение непрерывного импорта стратегически важных товаров в Афганистан. В 2022 г. было заключено первое крупное внешнеэкономическое соглашение, по которому Российская Федерация обязалась поставлять нефтепродукты, сжиженный газ и пшеницу по льготным условиям. Прогнозируемые объемы поставок – порядка 1 млн тонн бензина, 1 млн тонн дизельного топлива, 500 тыс. тонн сжиженного газа и 2 млн тонн пшеницы в год – представляют собой значительный вклад в стабилизацию афганского рынка, позволяя предотвратить дефицит жизненно необходимых товаров, способный дестабилизировать экономику Кабула⁴²⁹.

Параллельно Казахстан продолжает наращивать экспорт продовольствия, что отражается в оценке его торгового потенциала в размере около 174 млн долл. В 2023 г. делегация, возглавляемая министром торговли Казахстана, посетила Кабул, передав значительный объем гуманитарной помощи и договорившись об учреждении торгового дома, что должно

⁴²⁹ Центральная Азия: Исследование регионального потенциала экспорта электроэнергии // Всемирный банк. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/804681468023338970/pdf/338770v10RUSSIAN0REEPS1MainReport.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).

способствовать дальнейшему расширению торговых связей. Эти меры продиктованы прагматичным расчетом: страны региона стремятся усилить свой экономический вес на афганском рынке, минимизировать влияние внешних конкурентов, а также обеспечить устойчивость поставок товаров первой необходимости⁴³⁰.

В июле 2011 г. с официальным визитом в Афганистане находилась делегация Министерства экономики и устойчивого развития Грузии во главе с заместителем министра Г. Карбелашвили. В рамках визита состоялись встречи с министром коммерции и промышленности Афганистана, заместителем министра транспорта. Стороны обсудили перспективы развития торгово-экономических отношений между Грузией и Афганистаном. В ходе встреч определились следующие сферы двустороннего сотрудничества: торговля, гражданская авиация, международные автомобильные перевозки, сотрудничество в сфере навигации. Афганистан сторона проявила интерес к диверсификации транзитных направлений энергоносителей и торговых ресурсов и рассматривает Грузию как одно из альтернативных направлений⁴³¹.

В ноябре 2017 г. на седьмой международной конференции по вопросам экономического развития Афганистана министр иностранных дел Грузии М. Джанелидзе подчеркнул большой потенциал развития торгово-экономических отношений с Афганистаном и другими странами региона, особенно он выделил транспортную сферу, которая, по его оценке, является стратегически важной. По словам Джанелидзе, Грузия придает большое значение участию в новых транзитных маршрутах⁴³².

Активизировалось обсуждение вопросов торгово-экономического сотрудничества Афганистана с Азербайджаном.

⁴³⁰ Казахстанские предприятия наращивают объемы экспорта обработанных товаров // Пресс-служба Премьер-Министра Республики Казахстан. URL: <https://primeminister.kz/ru/news/kazakhstanskije-predpriyatiya-narashchivayut-obemy-eksporta-obrabotannykh-tovarov-25560> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴³¹ Грузия налаживает торгово-экономические отношения с Афганистаном // Business Грузия URL: <https://bizzone.info/government/2011/1311210010.php> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴³² Грузия и Афганистан: мирная миссия и торгово-экономические отношения // Sputnik Грузия URL: <https://news.rambler.ru/caucasus/38426978/> (дата обращения: 31.12.2024).

Еще в декабре 2017 г. с участием Президента Азербайджана И. Алиева и Президента Афганистана Мохаммада Ашрафа Гани состоялась церемония подписания азербайджано-афганских документов, среди которых было «Соглашение о сотрудничестве в торгово-экономической сфере между правительством Азербайджана и правительством Афганистана» и «Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций между правительством Азербайджана и правительством Афганистана», подписанные министром экономики Азербайджана Ш. Мустафаевым и министром финансов Афганистана Эклилем Ахмедом Хаками⁴³³.

В феврале 2024 г. министр торговли и промышленности Афганистана Нуруддин Азизи принял делегацию бизнесменов из Азербайджана. На встрече обсуждались инвестиционные возможности в Афганистане.

Обе стороны подчеркнули необходимость укрепления деловых отношений между Афганистаном и Азербайджаном. Азербайджанские предприниматели обратились к руководству Афганистана с просьбой помочь в создании совместной торгово-инвестиционной палаты между двумя странами. Азизи заверил, что в Афганистане обеспечена полная безопасность и созданы подходящие условия для инвестиций, а его министерство полностью поддерживает иностранные капиталовложения, предоставляя возможности отечественным и иностранным бизнесменам⁴³⁴.

В январе 2025 г. посол Азербайджана в Афганистане И. Мамедов провел встречу с исполняющим обязанности министра промышленности и торговли Афганистана Нуруддином Азизи для обсуждения перспектив укрепления экономического взаимодействия между двумя странами. Ключевыми темами встречи стали увеличение товарооборота, организация совместных выставок и развитие транспортно-логистического коридора Лапис Лазули, который соединяет Афганистан с Кавказом и далее с Европой,

⁴³³ Азербайджан и Афганистан будут сотрудничать в сфере экономики и безопасности // VERELQ URL: <https://verelq.am/ru/node/25145> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴³⁴ Бизнесмены Азербайджана ищут пути сотрудничества с Афганистаном // EADaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/02/09/biznesmeny-azerbaydzhana-ishchut-puti-sotrudnichestva-s-afganistanom> (дата обращения: 25.01.2025).

что играет важную роль в укреплении торговых связей между регионами. Стороны договорились обменяться списками экспортных товаров, чтобы выявить ключевые направления для расширения взаимной торговли. Также планируется проведение выставки афганской продукции на территории Азербайджана с целью популяризации экспортного потенциала страны⁴³⁵.

Постсоветские государства активно используют международные форумы для координации экономических мер. На сессиях Генеральной ассамблеи ООН и в рамках «Московского формата» представители России, Китая, Индии, Ирана, Пакистана и Центральной Азии не раз подчеркивали, что экономическая изоляция Афганистана недопустима и необходимо обеспечить разблокировку замороженных афганских активов, а также восстановить работу международных финансовых институтов в Кабуле. Такая позиция обусловлена убеждением, что устойчивое экономическое развитие Афганистана является залогом снижения трансграничных угроз, связанных с наркотрафиком и финансированием экстремистских групп.

Для защиты своих экономических интересов постсоветские государства делают акцент на интеграцию Афганистана в региональные транспортно-логистические схемы. В феврале 2023 г. Узбекистан, Афганистан и Пакистан утвердили дорожную карту строительства трансафганской железной дороги по маршруту Термез – Мазари-Шариф – Кабул – Пешавар. Ожидается, что реализация данного проекта позволит странам Центральной Азии экспортировать товары, от продовольствия до металлов, посредством более короткого и экономически выгодного маршрута, обходя альтернативные пути через Иран или Россию. Текущие инвестиции рассматриваются как залог будущих дивидендов, поскольку стабилизация афганской экономики открывает новые рынки сбыта и способствует созданию эффективных транзитных коридоров⁴³⁶.

⁴³⁵ Азербайджан и Афганистан обсудили расширение торгово-экономического сотрудничества // URL: <https://sng.today/baku/40058-azerbajdzhan-i-afganistan-obsudili-rasshirenie-torgovo-jekonomicheskogo-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴³⁶ Трансафганская железная дорога – проект, способный изменить в регионе многое // Белый Парус. 29 мая

В совокупности, начиная с 1991 года и до 2025 года, экономическая политика постсоветских государств в отношении Афганистана прошла путь от первоначальной осторожности, обусловленной вопросами безопасности, до формирования комплексной стратегии, объединяющей долговую реструктуризацию, инфраструктурные инвестиции, торгово-экономическое сотрудничество и гуманитарную поддержку. Такое комплексное взаимодействие направлено на обеспечение устойчивой интеграции Афганистана в торгово-инвестиционные связи Евразии, что, в свою очередь, снижает трансграничные угрозы и способствует укреплению региональной безопасности и экономического процветания постсоветского пространства.

Экономическая дипломатия постсоветских государств, рассмотренная в данном параграфе, непосредственно соотносится с теми угрозами, которые во второй главе были охарактеризованы как структурно воспроизводимые и слабо поддающиеся силовому подавлению. В частности, анализ наркотрафика показал, что его устойчивость обусловлена не только слабостью пограничного контроля, но и экономической зависимостью местного населения от нелегальных доходов, а также ограниченностью альтернативных источников занятости. В этом контексте инфраструктурные проекты, энергетическое сотрудничество и торгово-экономическая интеграция рассматриваются государствами региона как инструменты долгосрочного снижения криминализации и ослабления финансовой базы экстремистских структур.

Одновременно экономические инициативы выполняют функцию косвенного противодействия радикализации, поскольку улучшение социально-экономических условий и вовлечение Афганистана в региональные хозяйственные цепочки снижают привлекательность радикальных нарративов, эксплуатирующих маргинализацию и безысходность. Тем самым экономическая дипломатия дополняет политико-дипломатические и силовые

меры, формируя многоуровневую модель реагирования, в которой характер применяемых инструментов соответствует природе и глубине угроз.

В совокупности это позволяет утверждать, что стратегия постсоветских государств в отношении Афганистана представляет собой попытку перейти от реактивного сдерживания к структурному управлению рисками. Несмотря на ограниченность ресурсов и сохраняющиеся противоречия между государствами региона, сочетание дипломатических и экономических инструментов отражает осознание того, что трансграничные угрозы афганского происхождения не могут быть нейтрализованы исключительно военными средствами и требуют комплексного, адаптивного подхода.

Анализ экономических и инфраструктурных проектов, реализуемых постсоветскими государствами на афганском направлении, позволяет рассматривать их не только как элементы регионального развития, но прежде всего как инструменты опосредованного реагирования на угрозы безопасности афганского происхождения. В отличие от политико-дипломатических механизмов, экономическое взаимодействие ориентировано на долгосрочное снижение структурных факторов нестабильности, формирующих трансграничные риски.

С позиций политического реализма вовлечение Афганистана в региональные экономические и транспортно-логистические проекты может быть интерпретировано как попытка сократить издержки обеспечения безопасности за счёт трансформации источников угроз. В частности, формирование легальных торгово-экономических каналов и развитие транзитной инфраструктуры направлены на ослабление социально-экономических условий, способствующих воспроизводству наркотрафика и криминализированных форм трансграничной активности (см. п. 2.3).

Наркотрафик афганского происхождения представляет собой не только криминальную, но и политико-экономическую проблему, устойчивость которой обусловлена сочетанием слабого пограничного контроля, ограниченных возможностей легальной занятости и включённости местного

населения в теневые экономические практики. В этом контексте экономические проекты рассматриваются государствами региона как средство формирования альтернативных источников дохода и постепенного вытеснения нелегальных потоков, подрывающих безопасность постсоветского пространства.

Вместе с тем эффективность экономического вовлечения остаётся ограниченной рядом структурных факторов. Политическая неопределённость в Афганистане, отсутствие международного признания действующего режима, а также риски перераспределения экономических выгод в пользу нелегальных акторов создают ситуацию, в которой экономическое сотрудничество одновременно выступает и инструментом стабилизации, и источником дополнительных рисков. Возникающая дилемма между необходимостью экономического взаимодействия и опасениями его легитимирующего эффекта является характерной чертой региональной политики на афганском направлении.

Таким образом, экономические и инфраструктурные инициативы постсоветских государств следует рассматривать как элемент комплексной стратегии управления угрозами, дополняющий дипломатические и силовые меры. Их значение заключается не в немедленном устранении рисков, а в попытке долгосрочного изменения структурных условий, способствующих воспроизводству наркотрафика и нелегальной мобильности. Ограниченность данных инструментов усиливает значение гуманитарных и образовательных механизмов противодействия радикализации, анализ которых представлен в следующем параграфе.

3.3. Гуманитарное измерение деятельности постсоветских стран по разрешению конфликта

После распада Советского Союза гуманитарное взаимодействие между новыми независимыми государствами и Афганистаном развивалось поэтапно,

отражая как внутренние трансформации на постсоветском пространстве, так и эволюцию афганского конфликта.

В 1990-е гг., обусловленные остротой внутренних кризисов и затяжным военным противостоянием в Афганистане, возможности оказания значительной гуманитарной поддержки были существенно ограничены.

Однако уже в начале 2000-х гг. появление инициатив, направленных на подготовку афганских кадров в высших учебных заведениях России и стран Центральной Азии, а также участие в восстановлении разрушенной инфраструктуры, заложило основу для системного сотрудничества в гуманитарной сфере. Так, в 2010 г. Казахстан запустил масштабную программу стоимостью 50 млн долл., направленную на обучение 1 000 афганских студентов, что позволило интегрировать образовательный процесс в долгосрочную стратегию развития человеческого капитала региона. По данным к 2018 г. российские высшие учебные заведения принимали свыше 1,6 тыс. афганцев, что свидетельствует об устойчивом росте образовательных квот (от 50 мест в 2010 г. до 365 в 2019 г.), в то время как казахстанские университеты обеспечивали обучение свыше 1 тыс. афганцев⁴³⁷.

Гуманитарная помощь постсоветских государств также проявлялась в передаче техники и транспорта. Например, в 2018 г. Афганистану были переданы 25 автобусов из Узбекистана⁴³⁸.

Смена власти в Кабуле в августе 2021 года ознаменовала критический поворот, приведший к резкому ухудшению гуманитарной обстановки, что вылилось в один из наиболее масштабных кризисов современности. Оценки свидетельствуют о том, что более половины населения Афганистана (свыше 23–28 млн человек) испытывают острую нехватку жизненно необходимых ресурсов, включая продовольствие и медицинские препараты. В этих условиях государства постсоветского пространства, в особенности Россия и страны

⁴³⁷ Kazakhstan, Afghanistan eye enhanced co-operation // Central Asia Newsbriefs. 19 марта 2019. URL: https://central.asia-news.com/en_GB/articles/cnmi_ca/newsbriefs/2019/03/19/newsbrief-02 (дата обращения: 12.05.2025).

⁴³⁸ Uzbekistan presented 25 buses to Afghanistan // Kun.uz. URL: <https://kun.uz/en/09541231?q=%2Fen%2F09541231#!> (дата обращения: 31.12.2024).

Центральной Азии, активизировали гуманитарную деятельность, что выразилось в скоординированных мерах по смягчению кризиса и обеспечению устойчивости в регионе.

Анализ гуманитарной политики за период 2021–2025 гг. включает детальное рассмотрение основных форматов оказания помощи, выявление региональных особенностей и ключевых направлений программ, а также оценку взаимосвязи гуманитарных инициатив с вопросами региональной безопасности. Совокупный опыт свидетельствует о том, что меры поддержки, реализуемые посредством государственных программ, двусторонних соглашений и многосторонних форумов, являются неотъемлемой составляющей стратегии снижения трансграничных угроз, таких как рост наркотрафика, миграционные потоки и экстремизм. Таким образом, гуманитарная деятельность постсоветских стран рассматривается не только как акт милосердия, но и как стратегический инструмент обеспечения долгосрочной устойчивости и безопасности в условиях сложной геополитической динамики региона.

Страны постсоветского пространства систематически используют институциональные механизмы для организации гуманитарной помощи в Афганистане. В условиях обострения гуманитарного кризиса после 2021 г. оперативное обеспечение населения товарами первой необходимости стало ключевым элементом внешнеполитической стратегии. Российская сторона, действуя через МЧС и Министерство обороны, организовала серию специализированных авиаперевозок, что позволило в ноябре–декабре 2021 г. доставить свыше 108 тонн продовольственных и медицинских грузов. Например, 18 декабря 2021 г. одна из партий, весом 36 тонн, содержала жизненно важные продукты и лекарственные препараты. Наряду с этим, российские власти обеспечивали эвакуацию граждан и афганских студентов, получающих образование в российских вузах, что свидетельствует о комплексности применяемых мер ⁴³⁹.

⁴³⁹ Самолёты ВКС РФ доставили свыше 108 тонн гуманитарного груза, включая первую партию весом 36

В последующие годы, в период с 2022 по 2023 год, Россия продолжила регулярно осуществлять авиаперевозки гуманитарных грузов, объем отдельных партий варьировался от 21 до 33 тонн, а в ноябре 2023 г. суммарный объем поставок составил около 40 тонн⁴⁴⁰. При этом гуманитарная помощь предоставляется на безвозмездной основе, что соответствует принципу приоритета сохранения жизни и минимизации дальнейшей деградации гуманитарной ситуации в Афганистане.

Использование государственных механизмов для доставки гуманитарных грузов позволяет не только удовлетворить неотложные потребности афганского населения, но и существенно снизить трансграничные угрозы, связанные с гуманитарным коллапсом. Такой подход обеспечивает поддержку минимальных стандартов жизнеобеспечения в условиях крайней нестабильности и является неотъемлемой частью стратегии обеспечения региональной безопасности на постсоветском пространстве.

Постсоветские государства реализуют системный подход к оказанию гуманитарной поддержки Афганистану через применение официальных государственных механизмов, что является неотъемлемой частью их стратегии по обеспечению региональной стабильности. В данном контексте Казахстан и Узбекистан занимают особое место, демонстрируя высокую оперативность и разносторонность мер.

Казахстан, действуя в рамках государственных решений высшего уровня, в первые месяцы после смены власти в Афганистане инициировал поставки товаров первой необходимости на сумму порядка 1,7 млн долл. В августе 2022 г. по указу Президента Токаева была организована масштабная гуманитарная акция, включавшая поставки около 20 тонн зерна, 60 000 литров растительного масла, 200 палаток, 2 000 комплектов постельных

тонн, сформированную МЧС РФ; параллельно осуществлялась эвакуация более 380 граждан РФ и ОДКБ. // Газета ветеранского и патриотического движения Башкортостана «Боевая Высота». 18 ноября 2021. URL: <https://vysotarb.ru/news/2325> (дата обращения: 07.09.2025).

⁴⁴⁰ МИД РФ сообщил об отправке 40 тонн гуманитарной помощи в Афганистан // ТАСС URL: <https://tass.ru/politika/19258807> (дата обращения: 31.12.2024).

принадлежностей и другой необходимой продукции⁴⁴¹. Данный вклад, реализованный в рамках Всемирной продовольственной программы ООН, свидетельствует о приверженности Казахстана принципам коллективной безопасности и устойчивого развития региона. В апреле 2023 г. Казахстан реализовал еще одну операцию, при которой по железной дороге было доставлено свыше 5 403 тонн продовольствия, а авиационные рейсы обеспечили поставки медикаментов⁴⁴². Эти меры подчеркивают, что государственные поставки Казахстана измеряются тысячами тонн, что отражает масштаб и системность оказания гуманитарной помощи. Президент Токаев неоднократно подчеркивал, что Казахстан стремится содействовать установлению мирного и стабильного режима в Афганистане, рассматривая эту помощь как залог долгосрочной региональной интеграции и безопасности.

Узбекистан, благодаря своему географическому положению, использует сочетание прямых поставок гуманитарных грузов и торгово-гуманитарных механизмов для поддержки афганского населения. С сентября 2021 г. по распоряжению президента Узбекистана Ш. Мирзиёева Ташкент организовал поставки гуманитарных грузов, суммарный объем которых превысил 10 000 тонн. В состав этих грузов входили продовольственные товары, медикаменты и топливо⁴⁴³. Особое значение имеет непосредственное взаимодействие с афганской стороной, что позволяет Узбекистану не только обеспечивать поставки через пограничные конвои в Кабул и северные провинции, но и заключать двусторонние соглашения, способствующие обеспечению бесперебойного энергоснабжения приграничных районов и развитию торговли продовольствием. Наличие функционирующего посольства в Кабуле и регулярные двусторонние встречи свидетельствуют о

⁴⁴¹ Казахстан поставит в Афганистан 60 тыс. литров растительного масла // ElDala Media. URL: <https://eldala.kz/novosti/kazakhstan/10350-kazakhstan-postavit-v-afganistan-60-tys-litrov-rastitelnogo-masla> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴⁴² Чем Афганистан интересен Казахстану // Zakon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/ekonomika-biznes/6401777-chem-afganistan-interesen-kazakhstanu.html> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴⁴³ Узбекистан и Иран демонстрируют свою готовность содействовать достижению процветания и мира в Афганистане // Янги Ўзбекистон. URL: <https://yuz.uz/ru/news/uzbekistan-i-iran-demonstriruyut-svoyu-gotovnost-sodeystvovat-dostijeniyu-protsvetaniya-i-mira-v-afganistane> (дата обращения: 31.12.2024).

принципиальной доктрине Ташкента «от нестабильности – к миру и созиданию», что обеспечивает его статус ведущего посредника в гуманитарном диалоге региона.

Государства Центральной Азии демонстрируют системный и последовательный подход к оказанию гуманитарной поддержки Афганистану, что отражает их стремление обеспечить устойчивость и безопасность в условиях продолжающегося кризиса. Туркменистан, придерживаясь принципов нейтралитета и добрососедства, регулярно реализует поставки гуманитарных грузов в Афганистан посредством государственных каналов. В декабре 2021 г. правительство Туркменистана приняло решение о новой поставке помощи, которая включала продукцию отечественного производства – муку, продукты питания (организованные через Министерство сельского хозяйства), текстильные изделия и нефтепродукты, поставляемые через концерн «Туркменгаз» и нефтеперерабатывающие предприятия. Ранее туркменская помощь акцентировалась преимущественно на поставках медицинских товаров, таких как лекарства и средства индивидуальной защиты, что свидетельствует о гибкости механизмов государственного ответа в условиях меняющейся обстановки. В 2024 г. Туркменистан продолжил традицию поддержки, отправив очередную партию гуманитарных грузов, включающую детское питание, пшеницу, промышленные товары и топливо, при этом использование нового железнодорожного моста на границе подчеркивает интеграцию материальной помощи с инфраструктурным развитием.

Таджикистан, несмотря на исторически сложные отношения с афганской стороной, после 2021 г. изменил свою гуманитарную политику, выступив в роли транзитного центра для распределения помощи. В конце 2021 г. правительство Таджикистана организовало конвой грузовиков, доставивший около 2 500 тонн пшеничной муки в северо-восточные районы Афганистана. Такая инициатива иллюстрирует стратегическую ориентацию Душанбе на смягчение социально-экономических последствий конфликта и

снижение угроз, связанных с трансграничной миграцией и ухудшением гуманитарной обстановки.

Киргизия, несмотря на ограниченные финансовые возможности, в 2023 г. активизировала свою гуманитарную деятельность, создав программу «Караван помощи». По инициативе президента страны, осенью 2023 г. было отправлено 111 тонн гуманитарных грузов, включающих 75 тонн муки, 20 тонн сахара, 5 тонн растительного масла, а также 500 комплектов постельных принадлежностей и одежды⁴⁴⁴. Организация перевозки груза посредством специальной договорённости с Узбекистаном демонстрирует растущую межгосударственную координацию в регионе.

В октябре 2021 г. Кыргызстан предложил организовать гуманитарную помощь Афганистану под эгидой СНГ. Данное предложение было поддержано в рамках саммита СНГ председательствующим на нем президентом Беларуси А.Г. Лукашенко⁴⁴⁵.

В марте 2010 г. Литва приняла решение направить в Афганистан гуманитарную помощь общей стоимостью в 95 тысяч литов (около 36 тыс. долл.)⁴⁴⁶. В сентябре 2016 г. Министерство иностранных дел Литвы выделило гуманитарную помощь Афганистану в размере 30 тыс. евро на фоне призыва ООН срочно предоставить международную гуманитарную помощь Афганистану после того, как резко выросло число возвращающихся из Пакистана беженцев и число переселенных в стране лиц из-за ситуации в области безопасности⁴⁴⁷.

⁴⁴⁴ Кыргызстан оказал гуманитарную помощь Афганистану // Министерство чрезвычайных ситуаций Кыргызской Республики. URL: <https://www.mchs.gov.kg/ru/news/kyrgyzstan-afganistanga-gumanitardyk-zhardam-korsottu/> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴⁴⁵ Лукашенко поддержал инициативу о направлении в Афганистан гуманитарной помощи под эгидой СНГ // Официальный сайт Республики Беларусь. URL: https://www.belarus.by/ru/press-center/humanitarian-cooperation/lukashenko-podderzhal-initsiativu-o-napravlenii-v-afganistan-gumanitarnoj-pomoschi-pod-egidoj-sng_i_135722.html (дата обращения: 31.12.2024).

⁴⁴⁶ Литва отдаст афганцам ненужную ей гуманитарную помощь // Lenta.ru. URL: <https://l24.lt/ru/raznoe/item/150978-litva-vydelila-gumanitarnuyu-pomoshch-afganistanu> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴⁴⁷ Литва выделила гуманитарную помощь Афганистану // L24plus. URL: <https://l24.lt/ru/raznoe/item/150978-litva-vydelila-gumanitarnuyu-pomoshch-afganistanu> (дата обращения: 31.12.2024).

В августе 2021 г. после прихода талибов к власти Эстония заявила о готовности принять до 10 эвакуированных из Афганистана лиц, в число которых входят люди, которые сотрудничали как с ЕС, так и с НАТО, а также их ближайшие родственники⁴⁴⁸. В свою очередь Латвия приняла 15 граждан Афганистана – работников Европейского Генерального Директората по вопросам гражданской защиты и гуманитарной помощи (ЕЧНО) и членов их семей. МИД страны также выразил готовность принять 3 сотрудника структур ЕС с семьями и порядка 5 семей афганцев, работавших в структурах НАТО⁴⁴⁹.

Грузия не только направила партию гуманитарной помощи в Афганистан, но и стала транзитной страной для эвакуации беженцев⁴⁵⁰.

Сотрудничество постсоветских государств с международными организациями в гуманитарной сфере характеризуется как интегрированный и многоуровневый механизм, направленный на оптимизацию распределения помощи и обеспечение оперативного реагирования на гуманитарный кризис в Афганистане. В данном контексте ключевую роль играют как двусторонние, так и многосторонние инициативы, осуществляемые в рамках Организации Объединённых Наций, её специализированных агентств, Международного комитета Красного Креста, а также международных финансовых институтов⁴⁵¹.

Одним из центральных элементов данной стратегии является создание и развитие транспортно-логистических коридоров, обеспечивающих бесперебойный транзит гуманитарных грузов. Так, Узбекистан, преобразовав город Термез в стратегически значимый логистический узел, предоставил сухопутный коридор для доставки продовольственных и медицинских товаров, осуществляемых Всемирной продовольственной программой ООН,

⁴⁴⁸ Эстония готова принять до 10 беженцев из Афганистана // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/784975> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴⁴⁹ Латвия приняла 15 граждан Афганистана // LSM. URL: <https://rus.lsm.lv/statja/novosti/mir/latvija-prinjala-15-grazhdan-afganistana.a418730/> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴⁵⁰ Грузия согласилась принять беженцев из Афганистана - заявление правительства // Sputnik Грузия. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20210826/gruziya-primet-chast-bezhentsev-iz-afganistana--258652483.html> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴⁵¹ Россия поставила в Афганистан крупную партию гуманитарной помощи – 1 280 тонн муки. // РИА Новости. 25 мая 2025. URL: <https://ria.ru/20250525/rossiya-2019011688.html> (дата обращения: 07.09.2025).

что позволило охватить даже отдалённые районы северной части Афганистана. Дополнительно, Таджикистан в декабре 2021 г. предоставил как наземные, так и воздушные маршруты, что существенно расширило возможности доставки помощи в труднодоступные регионы, такие как горный Бадахшан⁴⁵². Параллельно, запуск гуманитарной авиаслужбы ООН (UNHAS) из Душанбе ускорил перемещение как специалистов, так и грузов, что является важным элементом оперативного реагирования в условиях обострения гуманитарного кризиса.

Многостороннее сотрудничество позволяет постсоветским государствам привлекать дополнительные финансовые ресурсы и технологическую поддержку, необходимую для эффективной реализации гуманитарных проектов. В рамках Генеральной ассамблеи ООН и специализированных международных форумов представители России, стран Центральной Азии и их партнеров последовательно поддерживают резолюции, направленные на расширение гуманитарной помощи Афганистану, а также инициативы по разблокированию замороженных активов Кабула для финансирования неотложных потребностей⁴⁵³. Российская дипломатия, используя формат московских консультаций по Афганистану, акцентирует необходимость деполитизации гуманитарных поставок, подчёркивая, что оказание помощи должно осуществляться независимо от политического статуса новых властей в Кабуле.

Немаловажную роль играют и неправительственные организации, такие как Международный комитет Красного Креста и национальные общества Красного Полумесяца, которые в тесном взаимодействии с международными донорами реализуют программы по сбору средств, координации поставок и оперативному реагированию на гуманитарные

⁴⁵² Всемирная продовольственная программа (ВПП) ООН начала поставлять гуманитарную помощь в Афганистан через территорию Таджикистана // НИАТ Ховар. URL: <https://khovar.tj/rus/2021/12/mir-nashel-sposob-spasti-afganistan-vsemirnaya-prodovolstvennaya-programma-vpp-on-nachala-postavlyat-gumanitarnuyu-pomoshh-v-afganistan-cherez-territoriyu-tadzhikistana/> (дата обращения: 31.12.2024).

⁴⁵³ Россия призвала США разморозить активы Афганистана // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20211222/afganistan-1764962887.html> (дата обращения: 31.12.2024).

вызовы. Региональные конференции, проводимые в Казахстане и Узбекистане, способствуют обмену опытом и формированию единой стратегии оказания помощи, что повышает эффективность распределения гуманитарных ресурсов.

Роль неправительственных организаций (НПО) в системе гуманитарной поддержки Афганистана со стороны постсоветских государств представляет собой значимый, хотя и менее масштабный компонент по сравнению с государственными программами. При этом, несмотря на ограниченность институционального сектора НПО в данном регионе, отдельные инициативы демонстрируют высокую эффективность в реализации комплексных гуманитарных проектов.

В Российской Федерации, исторически сложившаяся благотворительная деятельность охватывает как сбор средств посредством специализированных фондов, так и организацию программ поддержки для афганских детей и беженцев. Помимо этого, партнерство с международными структурами, например, с Международным комитетом Красного Креста, позволило интегрировать усилия государственных и негосударственных акторов в рамках гуманитарных операций. Активизация волонтерских движений среди афганской диаспоры также способствует реализации проектов, направленных на сбор и распределение необходимых ресурсов для улучшения условий жизни в Афганистане.

В странах Центральной Азии, таких как Казахстан и Узбекистан, местные НПО, действующие в рамках сотрудничества с международными организациями, играют важную роль в реализации образовательных и просветительских программ. Например, в рамках совместных проектов с ПРООН и EU-UNDP казахстанские организации обеспечивали образовательную поддержку для афганских женщин, что способствовало развитию человеческого капитала в регионе. В Узбекистане, несмотря на наличие государственных инициатив, роль неправительственных специалистов в Учебном центре подготовки афганских граждан в Термезе

является существенной, поскольку они обеспечивают практическое проведение курсов по языковому, аграрному и медицинскому направлению.

Кроме того, в Таджикистане и Киргизии местные правозащитные и интеграционные НПО активно занимаются вопросами поддержки афганских беженцев и содействия их адаптации. В Таджикистане правозащитные организации предоставляют комплексные услуги, включая юридическую поддержку и курсы по языку, что способствует успешной интеграции соискателей убежища. Аналогичным образом, в Киргизии НПО участвуют в проектах по содействию переселения афганских кыргызов, что отражает успешное взаимодействие гражданского общества и государственных структур в условиях гуманитарного кризиса⁴⁵⁴.

Анализ гуманитарных и образовательных инструментов, используемых постсоветскими государствами в контексте афганского кризиса, позволяет рассматривать их как важный элемент долгосрочной стратегии противодействия радикализации афганского происхождения. В отличие от политико-дипломатических и экономических механизмов, данные инструменты ориентированы не на управление текущими рисками, а на трансформацию социокультурной среды, в которой формируются радикальные установки (см. п. 2.2).

С конструктивистской точки зрения гуманитарная и образовательная дипломатия направлена на деконструкцию радикальных идентичностных нарративов и формирование альтернативных моделей социального и политического самоопределения. Через академические обмены, образовательные программы, культурные проекты и религиозный диалог государства региона стремятся ослабить привлекательность экстремистских интерпретаций ислама, предлагая иные рамки понимания социальной справедливости, политического участия и религиозной принадлежности.

⁴⁵⁴ UN Link Bulletin № 267 (30 июня 2006) // Представительство Организации Объединённых Наций в Кыргызстане. 30 июня 2006. URL: <https://un.org.kg/russian/unlink.phtml?267> (дата обращения: 07.09.2025).

Особое значение данные инструменты приобретают в условиях, когда радикальные движения используют дефицит образования и ограниченный доступ к институционализированным формам религиозного знания как ресурс мобилизации. Формирование каналов легитимного религиозного образования и поддержка умеренных богословских традиций позволяют снизить влияние радикальных проповедников и ограничить распространение упрощённых и политизированных интерпретаций религиозных текстов.

С позиций политического реализма гуманитарные и образовательные инициативы могут быть интерпретированы как инвестиции в долгосрочную устойчивость безопасности, направленные на снижение нематериальных угроз, которые не поддаются нейтрализации исключительно силовыми методами. Их значение заключается в формировании социальной среды, менее восприимчивой к радикальной мобилизации, что в перспективе снижает издержки обеспечения безопасности.

Вместе с тем эффективность гуманитарной дипломатии ограничена рядом факторов, включая политическую нестабильность в Афганистане, фрагментированность социальных структур и конкуренцию со стороны радикальных акторов, активно использующих цифровые каналы коммуникации. Это предопределяет необходимость сочетания гуманитарных инструментов с иными формами регионального взаимодействия, а также их включения в более широкую стратегию реагирования на афганский кризис.

Таким образом, гуманитарные и образовательные механизмы выступают не альтернативой силовым и экономическим инструментам, а их логическим дополнением, обеспечивающим комплексный характер политики постсоветских государств на афганском направлении. В совокупности анализ дипломатических, экономических и гуманитарных инструментов позволяет рассматривать реакцию государств региона на афганский кризис как многоуровневую стратегию управления трансграничными угрозами.

Несмотря на значительное разнообразие конкретных внешнеполитических практик, их можно свести к ограниченному числу

устойчивых моделей, которые отражают доминирующую логику стратегического выбора и позволяют объяснить различия в уровне вовлечённости, инструментарии и оценке рисков.

Во-первых, в политике ряда государств прослеживается конфронтационно-сдерживающая модель, в основе которой лежит восприятие Афганистана прежде всего как источника экзистенциальных угроз безопасности. Для стран, непосредственно граничащих с Афганистаном и обладающих высокой уязвимостью к трансграничному терроризму и радикализации, приоритетом становится минимизация контактов с де-факто властями Кабула и опора на силовые и институциональные механизмы защиты. Наиболее последовательно данная логика проявлялась в позиции Таджикистана, особенно после 2021 г., когда Душанбе отказался признавать правительство талибов и публично увязывал возможность диалога с формированием инклюзивного политического режима. Поддержка антиталибских сил в Панджшере, усиление таджикско-афганской границы и апелляция к механизмам ОДКБ отражают стремление к изоляции источника нестабильности и снижению рисков за счёт коллективного сдерживания. В реалистской логике такая стратегия объясняется неблагоприятным соотношением рисков и выгод: потенциальные издержки вовлечения превышают возможные политические или экономические дивиденды.

Во-вторых, значительная часть постсоветских государств придерживается прагматично-вовлекающей модели, предполагающей ограниченное, но целенаправленное взаимодействие с Афганистаном как инструмент управления рисками. Данная стратегия исходит из допущения, что полная изоляция Афганистана ведёт к усилению нестабильности и росту трансграничных угроз, тогда как контролируемый диалог позволяет снизить уровень неопределённости. Наиболее показателен в этом отношении российский подход, эволюционировавший от жёсткого неприятия талибского режима в 1990-е гг. к осторожному взаимодействию после 2014 г. и особенно после 2021 г. Несмотря на сохранение формального запрета движения

«Талибан»*, Москва принимает его представителей в рамках Московского формата и расширенной «тройки», поддерживает функционирование посольства в Кабуле и увязывает перспективы международного признания с выполнением конкретных обязательств в сфере безопасности. Аналогичную логику демонстрируют Казахстан и Кыргызстан, которые после августа 2021 г. сохранили дипломатическое присутствие и активно участвовали в гуманитарных и транзитных операциях. Выбор данной модели обусловлен стремлением минимизировать издержки безопасности через вовлечение, а также сохранить политическое влияние в условиях сокращения западного присутствия.

В-третьих, для части постсоветских государств характерна дистанционно-ограничительная модель поведения, при которой Афганистан не занимает центрального места во внешнеполитической повестке. Такие государства участвуют в обсуждении афганской проблематики преимущественно в рамках многосторонних форматов, избегая двусторонних инициатив и долгосрочных обязательств. В 1990-е и начале 2000-х гг. подобную линию демонстрировали, в частности, Казахстан и Кыргызстан, для которых афганское направление не являлось источником прямых угроз. Даже в последующие периоды их активность оставалась в значительной степени производной от многосторонних процессов – ООН, ОБСЕ, ШОС или формата «Сердце Азии». С позиций политического реализма данная модель отражает стремление сохранить стратегическую автономию и избежать перераспределения ограниченных ресурсов в пользу периферийного направления.

Наконец, в ряде случаев афганская политика выстраивается в рамках транзитно-экономической модели, где акцент делается на инфраструктурное и торгово-экономическое вовлечение Афганистана как средство стабилизации и одновременно получения материальных выгод. Наиболее ярким примером является Туркменистан, последовательно продвигающий проекты

* Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация с 2003 по 2024 г.

газопровода ТАПИ и трансграничных железнодорожных коридоров, несмотря на смену политических режимов в Кабуле. Экономическая рациональность и принцип нейтралитета позволяют Ашхабаду рассматривать Афганистан не столько как угрозу, сколько как элемент региональной логистической системы. Схожую, хотя и более политизированную, линию проводит Узбекистан, активно инвестируя в железнодорожную и энергетическую инфраструктуру северного Афганистана и позиционируя себя в качестве посредника между Центральной и Южной Азией. В реалистской интерпретации данная модель отражает попытку трансформировать источник нестабильности в управляемый фактор регионального взаимодействия посредством экономической взаимозависимости.

Целесообразным будет провести сравнительный анализ стратегий постсоветских государств в отношении Афганистана, что позволит выявить как общие структурные мотивы, так и существенные различия, обусловленные расхождениями в национальных интересах и оценке относительных выгод.

Для Российской Федерации афганское направление на протяжении всего рассматриваемого периода имело преимущественно производный характер и рассматривалось сквозь призму защиты национальной и союзнической безопасности. Национальный интерес Москвы заключался в предотвращении «перелива нестабильности» на территорию стран Центральной Азии и далее – в собственное стратегическое пространство. Отсюда вытекает ориентация на многосторонние форматы (ОДКБ, ШОС, Московский формат), которые в логике реализма выполняют функцию перераспределения издержек безопасности и ограничения относительных выгод других внешних акторов, прежде всего США и НАТО. Поддержка дипломатического диалога с де-факто властями Афганистана после 2021 года носит прагматичный характер и не связана с нормативным признанием режима талибов, а обусловлена стремлением минимизировать риски и сохранить контроль над региональной повесткой. В данном случае относительные выгоды выражаются не столько в прямых экономических

дивидендах, сколько в сохранении статуса ключевого арбитра безопасности в Евразии.

Стратегии государств Центральной Азии демонстрируют более высокую степень дифференциации, что объясняется различиями в географической уязвимости, экономической структуре и внешнеполитической автономии. Для Таджикистана афганская проблематика имеет экзистенциальное измерение: протяжённая граница и этнополитические связи с афганскими таджиками формируют национальный интерес, ориентированный на жёсткое сдерживание и опору на коллективные механизмы безопасности. С позиций реализма такая линия отражает стремление компенсировать ограниченные собственные ресурсы за счёт союзнической поддержки, даже ценой частичной утраты автономии. Относительные выгоды здесь минимальны и выражаются преимущественно в снижении вероятности дестабилизации, тогда как любые формы экономического вовлечения воспринимаются как вторичные по отношению к задаче выживания режима.

Узбекистан, напротив, выстраивает стратегию, ориентированную на максимизацию относительных выгод через сочетание безопасности и экономического вовлечения. Национальный интерес Ташкента заключается в превращении Афганистана из источника угроз в транзитный и инфраструктурный узел, обеспечивающий выход к рынкам Южной Азии. В реалистской логике это означает стремление не только снизить риски, но и опередить соседей в борьбе за региональное экономическое лидерство. Активная посредническая дипломатия, организация международных конференций и поддержание контактов с различными афганскими акторами служат инструментами увеличения относительных выгод Узбекистана по сравнению с другими государствами Центральной Азии.

Казахстан занимает промежуточную позицию, сочетая дистанцированность от прямых угроз с выборочным вовлечением. Его национальный интерес формируется не столько под давлением

непосредственной безопасности, сколько в контексте имиджа ответственного регионального актора и диверсификации внешнеэкономических связей. Образовательные, гуманитарные и торговые инициативы в отношении Афганистана позволяют Астане получать относительные выгоды в виде политического капитала и расширения экономического присутствия, не неся при этом значительных издержек безопасности. В терминах реализма данная стратегия отражает рациональный расчёт: участие в стабилизации при минимальном риске втягивания в конфликт.

Туркменистан последовательно реализует стратегию, основанную на нейтралитете и узкоэкономическом понимании национального интереса. Проекты ТАПИ и энергетического экспорта через афганскую территорию иллюстрируют попытку извлечения относительных выгод даже в условиях высокой нестабильности. При этом Ашхабад сознательно минимизирует политические и военные обязательства, избегая участия в коллективных механизмах безопасности. С реалистской точки зрения это стратегия максимизации автономии и экономических выгод при принятии повышенных, но контролируемых рисков.

В совокупности сравнительный анализ показывает, что при общей ориентации на сдерживание угроз, исходящих из Афганистана, стратегии постсоветских государств различаются по соотношению безопасности и выгоды. Россия и Таджикистан фокусируются на минимизации рисков даже ценой ограниченных выгод, тогда как Узбекистан, Казахстан и Туркменистан в большей степени стремятся трансформировать афганский фактор в источник относительных преимуществ. Эти различия подтверждают объяснительный потенциал реализма: поведение государств определяется не абстрактными нормами стабилизации, а рациональным расчётом национальных интересов и соотношения выгод и издержек в условиях региональной неопределённости.

Вывод по третьей главе

Третья глава демонстрирует, что постсоветские государства в период 1991–2025 гг. выработали многоуровневый и эволюционирующий подход к

афганскому кризису, задействовав широкий инструментарий внешней политики – от дипломатии и военного сотрудничества до экономической и гуманитарной поддержки. С момента распада СССР приоритетом стало обеспечение безопасности южных рубежей, что сразу потребовало коллективных мер противостояния угрозам, исходящим из Афганистана. Уже в начале 1990-х годов страны СНГ продемонстрировали готовность к совместным действиям: например, в 1993 г. было согласовано усиление охраны таджикско-афганской границы силами объединенного контингента, включавшего подразделения России, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. Одновременно создавались институциональные механизмы координации, такие как Антитеррористический центр СНГ (2000 г.), призванный объединить усилия спецслужб в борьбе с угрозами, исходящими с афганской территории. Важным дипломатическим новшеством конца 1990-х стал формат «6+2», инициированный Узбекистаном: в него вошли шесть стран-соседей Афганистана плюс Россия и США, что позволило выработать коллективную позицию по мирному урегулированию конфликта. Принятая в июле 1999 г. Ташкентская декларация отражала консолидированную волю региональных держав добиться прекращения огня в Афганистане, отказа от внешнего вмешательства и противодействия наркотрафику и экспорту терроризма. Тем самым уже к концу XX века постсоветское пространство подошло с опытом координации позиций как между собой, так и в диалоге с крупными внешними акторами, закладывая основу для дальнейших многосторонних инициатив в рамках ОДКБ, ШОС и других структур.

Особое внимание в главе уделено экономическим и инфраструктурным инициативам постсоветских государств, направленным на долгосрочное оздоровление афганской ситуации. Исследование показало, что уже в 2000-е годы началось вовлечение Афганистана в экономические связи с Евразией: так, Россией в 2007 г. была решена проблема афганского государственного долга, открыв путь финансовому сотрудничеству, а Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и другие страны инвестировали в проекты по восстановлению

и развитию транспортной инфраструктуры (строительство дорог, поставки электроэнергии, участие в проектах наподобие трансафганской железной дороги). К 2020-м годам подобные усилия переросли в целостную стратегию экономической дипломатии. Региональные лидеры сходятся во мнении, что интеграция Афганистана в торгово-инвестиционные процессы Евразии служит залогом снижения трансграничных угроз. На международных площадках регулярно подчёркивается недопустимость изоляции Афганистана: например, в рамках «московского формата» и на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН представители России, Центральной Азии, Китая, Индии, Ирана и Пакистана совместно призывали к разблокированию замороженных афганских активов и восстановлению работы финансовых институтов в Кабуле. Постсоветские государства, со своей стороны, заключили с афганским руководством ряд соглашений, нацеленных на стимулирование торговли и инвестиций (например, договоры Азербайджана 2017–2018 гг. о сотрудничестве в экономической сфере и защите инвестиций). В 2023 г. была утверждена дорожная карта строительства трансафганской железной дороги (Узбекистан – Афганистан – Пакистан), реализация которой призвана вывести на новый уровень транзитный потенциал региона. Таким образом, к 2025 г. экономическая политика постсоветских стран в афганском направлении эволюционировала от первоначальной осторожности, продиктованной вопросами безопасности, к формированию комплексной стратегии, сочетающей списание долгов, инфраструктурные инвестиции, торгово-экономическое сотрудничество и гуманитарную поддержку. Эта стратегия направлена на устойчивое включение Афганистана в региональные экономические связи, что должно снизить почву для нелегального оборота наркотиков и оружия, лишить экстремистские структуры финансовой базы и в конечном счёте укрепить безопасность и процветание всего постсоветского пространства.

Наконец, в третьей главе обобщён опыт гуманитарного взаимодействия постсоветских государств с Афганистаном, который стал важным элементом стабилизационных усилий.

Обобщая материал главы, можно сделать вывод, что постсоветские государства выстроили комплексную систему мер по вовлечению Афганистана в орбиту региональной стабильности. В отличие от стихийных шагов первых лет, к 2025 г. сформировалась целостная стратегия, основанная на синергии многосторонних и двусторонних форматов. Она включает политико-дипломатические усилия (как в рамках региональных объединений, так и посредством прямого диалога с Кабулом), экономическую дипломатию (интеграция Афганистана в транспортно-энергетические проекты и торговые отношения) и гуманитарное содействие (как неотъемлемую часть профилактики рисков). Подчёркивается решающая роль России как инициатора и координатора многих процессов – от обеспечения безопасности (через ОДКБ, двусторонние гарантии) до оказания крупнейшей гуманитарной помощи. В то же время активное участие стран Центральной Азии и расширение вклада других республик указывают на формирование коллективного понимания общей ответственности за мир и развитие в регионе. Главный научно-практический вывод третьей главы заключается в том, что стабильность постсоветского пространства неразрывно связана со стабильностью Афганистана. Создание адаптивной, совместно координируемой системы реагирования на афганские вызовы стало новым этапом регионального сотрудничества, особенно после сокращения западного присутствия в 2021 году. Тем самым опыт 1991–2025 гг. демонстрирует переход постсоветских государств от реагирования на кризис к попыткам проактивно сформировать условия для его урегулирования. Для достижения долгосрочных результатов необходима дальнейшая консолидация усилий и гибкость подходов – от продолжения дипломатических контактов с текущим афганским руководством до наращивания проектов развития и поддержки, которые в перспективе лишат экстремизм и нелегальную экономику

питательной среды. Следовательно, многосторонние и двусторонние усилия, проанализированные в третьей главе, представляют собой не окончательный этап, а фундамент для будущей стратегии, направленной на превращение Афганистана из источника угроз в пространство возможностей для взаимной безопасности и процветания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После распада Советского Союза в 1991 г. и вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана в конце 1980-х гг. страны СНГ столкнулись с необходимостью переосмысления своих внешнеполитических стратегий в условиях новой геополитической реальности, где нестабильность в Афганистане стала восприниматься как непосредственная угроза безопасности южных рубежей. В ходе проведенного исследования доказано, что генезис и эскалация конфликта в Афганистане носят многоуровневый характер, обусловленный переплетением этноконфессиональных противоречий, многовекторного иностранного вмешательства и борьбы за ресурсы, что привело к формированию устойчивого очага нестабильности, непосредственно воздействующего на безопасность прилегающих регионов.

Афганский кризис приобрел динамику, способную оказать глубокое воздействие на политическую и социально-экономическую обстановку в странах постсоветского пространства и региональную безопасность в целом, что выразилось в связанных с данным процессом трансграничных угрозах – терроризме, экстремизме, незаконном обороте наркотиков, нелегальной миграции и экспансии радикальных исламистских идеологий. Установлено, что террористическая угроза афганского происхождения обладает значительным трансграничным дестабилизирующим потенциалом, реализуемым через риски инфильтрации боевиков, радикализацию диаспор и прямые вылазки против интересов и граждан постсоветских государств. Доказано, что исламистский радикализм, экспортируемый из Афганистана, оказывает прямое деструктивное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в странах Центральной Азии, выступая катализатором роста религиозного экстремизма и подрывая светские устои государственности. Показано, что транснациональный наркотрафик из Афганистана представляет собой хорошо организованную преступную индустрию, интегрированную в теневые экономики постсоветских стран через

разветвленную сеть маршрутов и коррупционные схемы, что способствует их серьезной криминализации.

Афганистан, безусловно, остается сложным соседом для окружающих стран. Он является главным дестабилизирующим фактором в регионе и представляет собой перманентную угрозу. В то же время страны постсоветского пространства, исходя из собственных национальных интересов, стремятся поддерживать конструктивные и взаимовыгодные отношения с Афганистаном, учитывая в том числе фактор необходимости поддержания политической стабильности и обеспечения безопасности в регионе. Выявлено, что афганский вектор во внешней политике постсоветских государств формируется под влиянием комплекса детерминант, где доминирующую роль играют прагматичные интересы обеспечения безопасности, а современные тенденции характеризуются смещением в сторону двусторонних форматов взаимодействия на фоне ограниченной эффективности многосторонних структур.

Это проявляется в хотя и медленно, но растущей динамике торгово-экономического, инвестиционного и гуманитарного сотрудничества указанных государств с Афганистаном. Установлено, что экономическая дипломатия служит действенным средством косвенной стабилизации, где проекты инфраструктурной интеграции и меры торгово-инвестиционного характера направлены на снижение экономической базы конфликта и создание альтернатив незаконному промыслу. Доказано, что гуманитарное измерение деятельности является неотъемлемым компонентом стратегии постсоветских государств, ориентированным на смягчение последствий кризиса для региона и снижение долгосрочных рисков через управление миграционными потоками и содействие устойчивому развитию.

Стоит отметить наличие широкой вариативности в уровнях сотрудничества стран постсоветского сотрудничества с Афганистаном – если одни страны, такие как Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Россия, Узбекистан, реализуют сотрудничество по широкому кругу направлений,

например, торгово-экономическом, энергетическом, гуманитарном, то другие – Беларусь, Грузия, Эстония, Латвия, Литва характеризуются незначительными усилиями в данной области, реализуя преимущественно гуманитарные проекты. В этой связи отдельным блоком стоит Азербайджан, который сегодня находится на начальном этапе торгово-экономического и энергетического сотрудничества с Афганистаном. Показано, что эволюция аналитических оценок конфликта в экспертных кругах постсоветских стран прошла путь от его восприятия как наследия советского прошлого до признания в качестве ключевого фактора современных вызовов региональной безопасности, при этом сохраняется дифференциация в подходах между государствами Центральной Азии и другими странами СНГ.

Формирование осторожно-реалистичной модели внешнеполитической стратегии, объединяющей элементы коллективной безопасности, многостороннего сотрудничества и двустороннего диалога, представляет собой краеугольный камень для долгосрочной стабилизации Афганистана и обеспечения безопасности постсоветского пространства. Выявлено, что инструменты политико-дипломатического разрешения афганского кризиса, используемые постсоветскими странами, демонстрируют наибольшую эффективность при гибком сочетании многосторонних форматов (ШОС, ОДКБ) с адресными двусторонними контактами, включая взаимодействие с де-факто властями Кабула.

Практический опыт реализации таких механизмов, как ОДКБ, ШОС, Московский и Ташкентский форматы, которые способствовали не только оперативному реагированию на новые вызовы, но и формированию прочной основы для долгосрочного политического диалога, направленного на создание инклюзивного афганского правительства и устойчивой системы региональной безопасности, свидетельствует о том, что системное и интегрированное взаимодействие является необходимым условием для поддержания устойчивости в условиях глобальной неопределенности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

На русском языке

Нормативно-законодательные

1. Резолюция Совета Безопасности ООН №1267 (1999) О мерах против террористической деятельности, связанных с Аль-Каидой и Талибаном. 1999. № S/RES/1267(1999). URL: [https://undocs.org/S/RES/1267\(1999\)](https://undocs.org/S/RES/1267(1999)).

2. Резолюция Совета Безопасности ООН №1373 (2001) О мерах по предотвращению финансирования терроризма. 2001. № S/RES/1373(2001). URL: [https://undocs.org/S/RES/1373\(2001\)](https://undocs.org/S/RES/1373(2001)).

3. Резолюция Совета Безопасности ООН №2513 (2020) Ситуация в Афганистане. 2020. № S/RES/2513(2020). URL: [https://undocs.org/S/RES/2513\(2020\)](https://undocs.org/S/RES/2513(2020)).

4. Договор о коллективной безопасности // Организация Договора о коллективной безопасности. 1992. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded

5. Ташкентская декларация об основных принципах мирного урегулирования в Афганистане (от 20 июля 1999 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/af/1697338/>.

6. Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан (от 25 августа 1999 г.). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3878.

7. Душанбинская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики Федерации и

Республики Таджикистан (от 5 июля 2000 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3177>.

8. Кабульская декларация о добрососедских отношениях (от 22 декабря 2002 г.). URL: http://www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/kab_rus.pdf.

9. Декларация Ташкентской конференции по Афганистану: «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» (от 27 марта 2018 г.). URL: <https://gk-usbekistan.de/ru/2018/04/27>.

10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт президента России. 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

11. Концепция внешней политики Российской Федерации. – Утв. Президентом РФ 31.03.2023. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586.

12. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Совет Безопасности РФ. 05.12.2016. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>.

13. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. – 1948. – URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights>

14. Резолюция Совета Безопасности ООН 2615 (2021) [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. – 22.12.2021. – URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions>.

15. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. – 09.12.1999. – URL: <https://treaties.un.org/doc/db/Terrorism/english-18-11.pdf>

16. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Конституция Российской Федерации 12.12.1993 (ред. 2020). – URL: <http://www.constitution.ru>.

17. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента Республики Беларусь – 15.03.1994 (ред. 2022). – URL: https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution?TSPD_101_R0=08eaf62760ab20008742962c53510f73a5b9677bc877d43f6478e3acf4df7a262c348e352768c36c081aa70462143000698f38500053a706ecbb27ec83888a1af3874bc70e607a31d2c50270564152ed0512137a61d3aa1678363a0cd7db83eb.
18. Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Принята 06.11.1994 (ред. 2016). – Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/54>.
19. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 30.08.1995 (ред. 2022). – URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution.
20. Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. – 05.05.1993 (ред. 2021). – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/206858>.
21. Конституция Республики Армения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Армения. – 05.07.1995 (ред. 2015). – URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/>.

Делопроизводственные

22. Афганистан и региональная безопасность: перспективы развития ситуации [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). – 2023. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-i-regionalnaya-bezopasnost-perspektivy-razvitiya-situatsii/?sphrase_id=177085419.
23. "Группе соседей и друзей Афганистана" ("Группа 6+2") [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2001. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/af/1718571>.

24. ОДКБ провели масштабную антинаркотическую операцию "Канал-Неман" [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. – 2022. – URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-odkb-proveli-masshtabnuyu-antinarkoticheskuyu-operatsiyu-kanal-neman/

25. Совещание руководителей компетентных органов государств-членов ШОС по противодействию незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс] // Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). – 2024. – 5 июня. – URL: <https://eng.sectsc.org/20240605/1377442.html>

26. Соглашение о достижении мира в Афганистане между Исламским Эмиратом Афганистан, который не признан Соединенными Штатами в качестве государства и известен как движение “Талибан”, и Соединенными Штатами Америки [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2017-2021-translations.state.gov/2020/02/29/соглашение-о-достижении-мира-в-афгани/>).

27. Талибы назвали производство и оборот наркотиков в Афганистане уничтоженными. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ecrats.org/ru/security_situation/situation/14952/.

Публицистические материалы

28. Афганский фактор в уравнении евразийской безопасности [Электронный ресурс] // URL: <https://bistr.gov.by/uchastie-v-meropriyatiyakh/afganskiy-faktor-v-uravnenii-evraziyskoy-bezopasnosti?ysclid=m8zmrkngx5165977214> (дата обращения: 21.10.2024).

29. «Большая игра» 2.0 в Азии: Афганистан. Пиррова победа [Электронный ресурс] // БИСИ, 2021. URL: <https://bistr.gov.by/mneniya/bolshaya-igra-20-v-azii-afganistan-pirrova-pobeda> (дата обращения: 21.10.2024).

30. Ведущие российские эксперты о политике США в Афганистане и Центральной Азии [Электронный ресурс] // РИСИ – 2013 - URL:

<https://riss.ru/news/smi/vedushchiye-rossiyskiye-eksperty-o-politike-ssha-v-afganistane-i-tsentralnoy-azii/?ysclid=m8z4k5flb1798053012> (дата обращения: 21.10.2024).

31. Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти «Талибана»*: взгляд из Таджикистана [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский институт развития коммуникаций – 2024 – URL: <https://nicrus.ru/analytics/humanitary-situation-afghanistan/> (дата обращения: 21.10.2024).

32. Казахстан: Две трети экспортной муки отправлялись в Афганистан – окажутся ли казахстанские мукомолы в сложной ситуации? [Электронный ресурс] // Zerno.ru. – URL: <https://zerno.ru/node/16082> (дата обращения: 21.10.2024).

33. Казахстан потратил 50 млн долларов на обучение в вузах женщин из Афганистана [Электронный ресурс] // Informburo.kz. – URL: <https://informburo.kz/novosti/kazahstan-potratit-50-mln-dollarov-na-obuchenie-v-vuzah-zhenshchin-iz-afganistana.html> (дата обращения: 21.10.2024).

34. Казахстанская компания получила контракт на управление железнодорожной линией в Афганистане [Электронный ресурс] // News Central Asia. – 2022. – 7 декабря. – URL: <https://www.newscentralasia.net/2022/12/07/kazakhstanskaya-kompaniya-poluchila-kontrakt-na-upravleniye-zheleznodorozhnoy-liniyey-v-afganistane/>

35. На переговорах в Москве талибы заявили о намерении продемонстрировать миролюбие и ответственность [Электронный ресурс] // Новости URL: https://www.1tv.ru/news/2021-07-09/409542-na_peregovorah_v_moskve_taliby_zayavili_o_namerenii_prodemonstrirovat_miro_lyubie_i_otvetstvennost?ysclid=m992n8rz94367780900

36. Об итогах внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, посвященной ситуации в Афганистане и ее влиянию на безопасность государств – членов ОДКБ [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). – URL: <https://odkb->

csto.org/news/news_odkb/ob-itogakh-vneocherednoy-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb-posvyashchennoy-situatsii-v-af/

37. ОДКБ защитит Центральную Азию от угрозы из Афганистана – кыргызский эксперт [Электронный ресурс] // Евразия эксперт URL: <https://eurasia.expert/odkb-zashchitit-tsentrالنuyu-aziyu-ot-ugroz-iz-afganistana/?ysclid=m8zm7jf43e438894015>

38. ОДКБ: потенциал Организации будет укрепляться, а ее привлекательность в Евразии – возрастать [Электронный ресурс] // Национальная оборона – 2024 – 28 марта. – URL: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/odkb-potencial-organizacii-budet-ukreplyatsya-a-ee-privlekatelnost-v-evrazii-vozhrastat-45633.shtml?ysclid=m8yzn9r3ma217024264>.

39. Россия списала Афганистану долг в \$11 млрд [Электронный ресурс] // РБК. – 2007. – 6 августа. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/08/2007/5703c8789a79470eaf766646>.

40. Руководитель Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН И.Д. Звягельская выступила на Президиуме РАН и рассказала о ситуации в Афганистане [Электронный ресурс] // Научная Россия – 2021 - URL: <https://scientificrussia.ru/articles/rukovoditel-centra-bliznevestocnyh-issledovaniij-imemo-id-zvagelskaa-o-situacii-v-afganistane>

41. Совместное заявление участников Московского формата консультаций по Афганистану, Москва, 20 октября 2021 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 2021. – 20 октября. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1784139/

42. Талибы строят канал, куда воду пустят из Амурдарьи: переговоры с ними по "водному" вопросу невозможны [Электронный ресурс] // Sputnik Казахстан – 2024 – URL: <https://dzen.ru/a/ZeAIHZzC6mBI2xGQ?ysclid=m8zkonu67z93881798>.

43. Тлеющий таджикский регион задымил протестами [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2024. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5356110>
44. Унижение или мир. Что означает соглашение США с талибами. [Электронный ресурс] // МЦ Карнеги – URL: <https://carnegie.ru/commentary/81185>.
45. Что происходит в Афганистане и почему Москва ведет переговоры с «Талибаном» [Электронный ресурс] // Институт востоковедения РАН в средствах массовой информации – 2021. - URL: <https://www.ivran.ru/ivran-v-smi?artid=18210&ysclid=m8z29wyo7o944250094>.
46. Эксперт оценил перспективы партнерства России и Китая в Афганистане [Электронный ресурс] // Взгляд URL: <https://vz.ru/news/2021/8/17/1114146.html>.
47. Эксперт: подъем талибов вызван потерей правительством Афганистана поддержки населения [Электронный ресурс] // ТАСС – 2024. – URL: <https://tass.ru/politika/11873111?ysclid=m8z1ezk3p61937262561>
48. Юрий Крупнов: Расширение евразийского сотрудничества поможет Афганистану [Электронный ресурс] // Afganistan.ru URL: <https://afghanistan.ru/doc/75369.html?ysclid=m8zm16d5bp921096433>

На английском языке

49. Matthias Swartz, Bussiness insider [Электронный ресурс] // URL: <https://www.businessinsider.com/inside-washingtons-foreign-policy-establishment-think-tanks-afghanistan-2021-9>
50. Pakistani Taliban blow up schools in Swat [Электронный ресурс] // URL: <https://web.archive.org/web/20181112184539/https://uk.reuters.com/article/uk-pakistan-schools/pakistani-taliban-blow-up-schools-in-swat-idUKTRE50I26720090119>

51. SCO Secretariat holds roundtable discussion on Afghanistan [Электронный ресурс] // Shanghai Cooperation Organisation (SCO). – 2020. – 9 января. – URL: <https://eng.sectsco.org/20200109/621306.html> (дата обращения: 01.01.2025).

Статистические материалы

52. Афганский наркотрафик: основные маршруты. Справка [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20100603/242406939.html?ysclid=m98xn7wh7u929966322>

53. С Востока на Запад и с Севера на Юг: будущее Евразийского транспортного каркаса [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития (ЕАБР). – URL: <https://eabr.org/press/releases/s-vostoka-na-zapad-i-s-severa-na-yug-budushchee-evraziyskogo-transportnogo-karkasa/>

на английском языке

54. Afghan Drug Trade and its Impact on Central Asia [Электронный ресурс] // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. – 2023. – 20 ноября. – URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2023/11/SOCACE-RP25-AfganDrugTradeImpact-20Nov23.pdf>

55. Afghan Opiate Trafficking along the Northern Route [Электронный ресурс] // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – 2024. – URL: <https://www.unodc.org/rpnc/en/Sub-programme-4/afghan-opiate-trafficking-along-the-northern-route.html>

56. Afghanistan opium survey 2023. Cultivation and production after the ban: effects and implications [Электронный ресурс] // URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_opium_survey_2023.pdf

57. Central Asia South Asia Electricity Transmission and Trade Project (CASA-1000) [Электронный ресурс] // The World Bank. – URL: <https://projects.worldbank.org/en/projects-operations/project-detail/P145054>

58. Number of recorded drug trafficking offenses in Russia [Электронный ресурс] // Statista. – 2024. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1033371/russia-number-of-recorded-drug-trafficking-offenses>

ЛИТЕРАТУРА

59. Алексеев М.Ю. Проблемы афганского наркотрафика и их влияние на безопасность России и Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2022. Т. 25. № 3. С. 89–103.

60. Аманбекова Ш. Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. №3. С. 318-329.

61. Арчаков М.К. Природа и корни идеологических установок движения «Талибан» // Общество: Политика, экономика, право. 2018. No 5. С. 17.

62. Ахмедов Х.Т. Роль Узбекистана в обеспечении региональной безопасности в Центральной Азии на современном этапе // Казачество. 2024.

63. Ахмед Рашид. Талибан: Исламский экстремизм, нефть и фундаментализм в Центральной Азии. – New Haven: Yale University Press, 2010.

64. Бараан Ю.А. Афганская война во времена СССР (1979-1989 гг.) // Переломные моменты истории: люди, события. 2022. С. 130-145.

65. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 216 с.

66. Дегтярев А.С. Усиление «афганской угрозы» в Центральной Азии: Новый вызов перед ОДКБ // Фундаментальные и прикладные исследования: Гипотезы, проблемы, результаты. Сб. материалов II Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 29–35.

67. Дементьев С.А. Политические и экономические последствия кризиса в Афганистане для постсоветского пространства // Евразийская политика. 2021. Т. 8. № 4. С. 54–70.
68. Дубровин В. А. Белорусские СМИ и пропагандистское освещение афганского конфликта // Медиа и политика. 2023. № 3. С. 55-72. URL: <https://journals.by/belarus-afghanistan-media> (дата обращения: 13.03.2025).
69. Журин К.А. Талибан, радикальный ислам и Афганистан // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. №3. С. 83-87.
70. Каплан Р. Месть географии. Что движет мировыми событиями. М.: Альпина Паблишер, 2017.
71. Карпачева О.В. История движения «Талибан» в системе международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2003. №1.
72. Кашкарёв О.Р. Торгово-экономическое сотрудничество Афганистана, России и стран Центральной Азии после прихода к власти «Талибана» // The Newman in Foreign policy. Vol.2. No.71 (115). 2023/ Pp. 50-52.
73. Князев А.А. К истории афганского движения «Талибан» (середина - вторая половина 1990-х гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 15.
74. Князев А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.). Душанбе: Дониш, 2004. 175 с.
75. Князев А.А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии/ Изд-во КРСУ. Изд-е 2-е, переработ. и доп. Бишкек, 2002. 136 с.
76. Коваленко Е.В. Влияние нестабильности в Афганистане на терроризм в Центральной Азии // Вопросы национальной безопасности. – 2020. Т. 12. № 1. С. 33–47.
77. Кокорев, М.А. Военный конфликт в Афганистане: проблемы и перспективы // Материалы конференции ГрГУ. 2021. С. 450-465.

78. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век- М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения). 2004. 529 с.
79. Кудратов К.А., Одинаев, А.Н. Причины и предпосылки прихода к власти движения «Талибан» в 90-х годах XX века // Вестник Педагогического университета. 2022. №1 (96). С. 278-284.
80. Кузнецов А.В. Талибан и угроза безопасности на южных границах СНГ // Полис: Политические исследования. 2021. № 5. С. 78–95.
81. Курков В.В. Уроки военного противостояния СССР и США в Афганистане: исторический рикошет «войны по доверенности» // Вестник Калужского университета. 2022. № 1. С. 30-45.
82. Курылев К.П. Украинско-афганские отношения: история и современность. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2013. № 2. С. 41-48.
83. Лавров В.Н. Политика России в Афганистане: проблемы и перспективы // Россия в глобальной политике. 2019. Т. 17. № 3. С. 22–39.
84. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. «Афганский излом» и его последствия (ввод советских войск в Афганистан и события 1979-1985 гг.) // Клио. 2025. №2 (218). С. 109-130.
85. Малышева Д.Б. Афганский кризис и постсоветская Центральная Азия // Мировая экономика и международные отношения. М., 2017. Т. 61. № 8. С. 14–23.
86. Малышева Д.Б. Безопасное развитие Центральной Азии и афганский фактор // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. №2. С. 105-125.
87. Маначинский, А.Я. Афганистан: среди гор и войн (исследования 2009 года). М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. 264 с.
88. Марсен, П. Талибан: война и религия в Афганистане / Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: ИД «Городец», 2022. 320 с.

89. Мирзоев Ш. В. Влияние конфликта в Афганистане на безопасность Средней Азии // Центральноазиатские исследования. 2024. № 2. С. 20-44.
90. Мирзоева, А.Р. Межэтническая обстановка в Афганистане и ее влияние на обстановку в республике Таджикистан // Постсоветские исследования. 2023 Т. 5. № 5. С. 549 – 555.
91. Мирзоева, А.Р. Стратегическое значение горного Бадахшана в обеспечении приграничной безопасности Таджикистана // Постсоветские исследования. 2024. Т.7. №8. С.871 – 880.
92. Мирзоева, А.Р. Гендерные аспекты религиозного управления в Афганистане // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. Т.15. №2. С. 309-319.
93. Митрофаненкова, О.Е. Наркополитика США в Афганистане (в 1990 – 2010-е гг.) // Восточная аналитика. №3. 2019. С. 99-109.
94. Новиков, П.С. Влияние НАТО на афганский кризис и безопасность Центральной Азии // Проблемы международной безопасности. 2018. Т. 6. № 2. С. 91–105.
95. Никитенко, Е.Г. Афганистан: От войны 80-х до прогноза новых войн. М.: Астрель: АСТ, 2004. 368 с.
96. Нунан, Т. Вторжение: глобальное развитие в Афганистане времен холодной войны. М.: Литрес, 2021. 456 с.
97. Пойя С. Анализ внешней политики правительства «Талибана». Позиция Пакистана, США, России и стран региона по Афганистану // Вестник ИВ РАН. №3 (29). 2024. С. 333-341.
98. Раван, Н., Гришин, О.Е. Значение Афганистана для региональной безопасности в Южной и Восточной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 1. С. 45-62.

99. Рахимов, К.Х. Вклад государств-членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО // Постсоветские исследования Т. 5. № 4. 2022. С. 367-385.
100. Рубцов, Ю. Советский Союз в «необъявленной» войне в Афганистане (1979–1989): осмысление прошлого // Азия и Африка сегодня. 2009. № 2. С. 13–17.
101. Сафранчук, И.А. Капсула времени: перечитывая американские стратегии по Афганистану после их провала // Пути к миру и безопасности. № 2 (63). 2022. С. 263-275.
102. Сикоев, Р. Политический облик афганской диаспоры / Р. Сикоев // Азия и Африка сегодня. 1999. № 3. С. 21.
103. Сикоев, Р. Шариатское законодательство в действии / Р. Сикоев // Азия и Африка сегодня. 2000. № 3. С. 27.
104. Слинкин, М.Ф. Афганистан, год 1980: становление режима Б. Кармаля // Вестник НАН Украины. 1980. № 4. С. 15-32.
105. Смирнов, А.П. Роль Китая в стабилизации афганского кризиса и его влияние на постсоветское пространство // Вестник Московского университета. Серия «Международные отношения». 2020. № 1. С. 65–81.
106. Старовойтов, М.П., Медведев, Д.Е. Талибы как угроза национальной безопасности членам СНГ в Центральной Азии 2021–2023 гг. // Власть истории – история власти. 2024. №54. С. 125-131.
107. Степанова, Е.А. Афганистан: перспективы политического урегулирования // Россия и мусульманский мир. № 6 (252). 2013. С. 72-88.
108. Стурейко, С.А. Проблемы репатриации афганских беженцев в Пакистане. М.: МГУ, 1988. 214 с.
109. Суслов, И. В. Стратегия ОДКБ в отношении Афганистана после вывода войск США // Вестник международных исследований. 2022. Т. 14. № 2. С. 112–129.
110. Тренин Д.В, Малашенко А.В. Ситуация в Афганистане и Пакистане // Россия и мусульманский мир. 2010. № 11. С. 161-164.

111. Шпаковская М.А. К вопросу о некоторых международных аспектах урегулирования ситуации в Афганистане и интересах России // История, которая нас объединяет / отв. ред. В.М. Козьменко. М.: РУДН, 2016. С. 265–267.

112. Рашид А. Талибан: Ислам, нефть и новая Большая игра в Центр. Азии / Пер. с англ. М.В. Поваляев. Москва: Библион-Рус. кн., 2003. 361 с.

113. Саженов, Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001 – начало 2020 г.) / Отв. ред. Р.Д. Дауров; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 220 с.

на английском языке

114. B. Rezvani. Russian foreign policy and geopolitics in the post-Soviet space and the Middle East: Tajikistan, Georgia, Ukraine and Syria. – Middle Eastern Studies, 2020

115. Starr, Frederick S. A ‘Greater Central Asia Partnership’ for Afghanistan and Partnership’ for Afghanistan and Its Neighbors. Silk Road Paper. March 2005.

116. Akhtar I., Government of Afghanistan Republic from Revolution to Collapse: A Realist Perspective on Political Dominance (November 29, 2023). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5024273> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5024273>

117. Batbayar, T. Geopolitics and Mongolia’s Search for Post-Soviet Identity // Eurasian Geography and Economics, 2002. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.2747/1538-7216.43.4.323> (дата обращения: 13.03.2025)

118. Khan, I. Afghanistan: A Geopolitical Study // Central Asian Survey, 1998. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/02634939808401049> (дата обращения: 13.03.2025).

119. Kolossov, V. Post-Soviet Boundaries: Territoriality, Identity, Security, Circulation// Routledge Research Companion to Border Studies, 2016. URL: <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781315612782-20/post->

soviet-boundaries-territoriality-identity-security-circulation-vladimir-kolossov
(дата обращения: 13.03.2025)

120. Korolev, A. Bringing Geopolitics Back In: Russia's Foreign Policy and Its Relations with the Post-Soviet Space // Oxford University Press, 2015. URL: <https://academic.oup.com/isr/article-abstract/17/2/298/1797875> (дата обращения: 13.03.2025)

121. Kozyulin, V. Russia and Central Asia: Relations, Opportunities and Challenges in the Light of Afghanistan Post-ISAF // Academia.edu, 2014. URL: <https://www.academia.edu/download/62917313/FOIR3880SE20200411-37567-oj3tf4.pdf#page=97> (дата обращения: 13.03.2025)

122. Olcott, Martha B. Taking Stock of Central Asia // Journal of International Affairs. Vol. 56. № 2. 2003. pp. 3-17.

123. Rubin, Barnett R. The Fragmentation of Afghanistan // Foreign Affairsю. Vol. 68, № 5. Winter 1989/90, pp. 150-168.

124. Stobdan, P. Central Asia in Geo-Political Transition // Strategic Analysis, 1998. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09700169808458793> (дата обращения: 13.03.2025)

125. Yawar, M. E. Security and Political Relations Between Russia and Afghanistan // Akademik Tarih ve Düşünce Dergisi, 2024. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/3706330> (дата обращения: 13.03.2025)

126. Yazdani, E. Central Asia's Foreign Relations: A Comparison Between the Soviet and Post-Soviet Era // Academia.edu, 2021. URL: https://www.academia.edu/download/75407217/1_IRD211011_1.pdf (дата обращения: 13.03.2025)

в) на пушту

- رحمت الله، ډ. (2018). پښتو ژبه او ادبيات: تاريخ، پرمختګ او ننګونې. د پښتو. 129.
- ژبې علمي مجله، 5(2)، 45-60.
- ناصر، ف. (2020). د پښتو ژبې لپاره نوې ټکنالوجۍ او پرمختګونه. پښتو. 130.
- څيړنې مجله، 7(1)، 12-25.
- خان، ا. (2019). معاصر بدلونونه او د پښتو ادبياتو راتلونکۍ. د پښتو ادبياتو څيړنيزه. 131.
- مجله، 3(4)، 78-9.
- بي بي، ز. (2017). د پښتو ژبې تدريس او تعليمي پرمختګونه. پښتو تعليمي مجله. 132.
- 2(3)، 33-47.
- شاه، س. ا. (2016). پښتو ادب، تاريخچه او فرهنگي ارزښتونه. د پښتو فرهنگي. 133.
- مجلې، 4(1)، 55-70.

g) на фарси

- موافقتنامه تجارت ترانزيتي بين جمهوري اسالمي افغانستان و جمهوري اسالمي پاکستان. 134.
- [Electronic recourse]. Режим доступа – law.acku.edu.af/fa/download/file/fa/16721/58101 (дата обращения: 23.12.2024).
- URL: مردم چين در مورد ارايه (مک های نظامی مجاني چين به افغانستان تاريخ نشر. 135.
- law.acku.edu.af/fa/download/file/fa/17671/62261 (дата обращения: 23.12.2024).

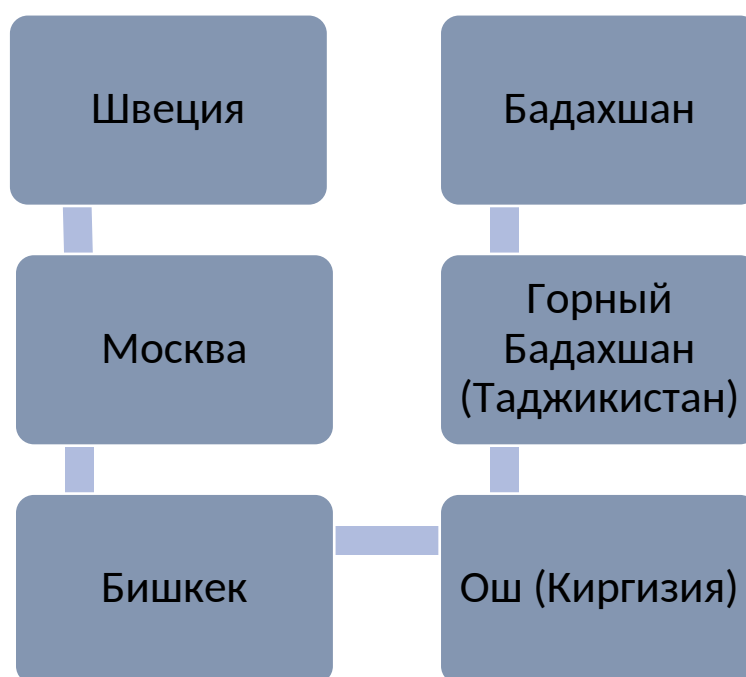
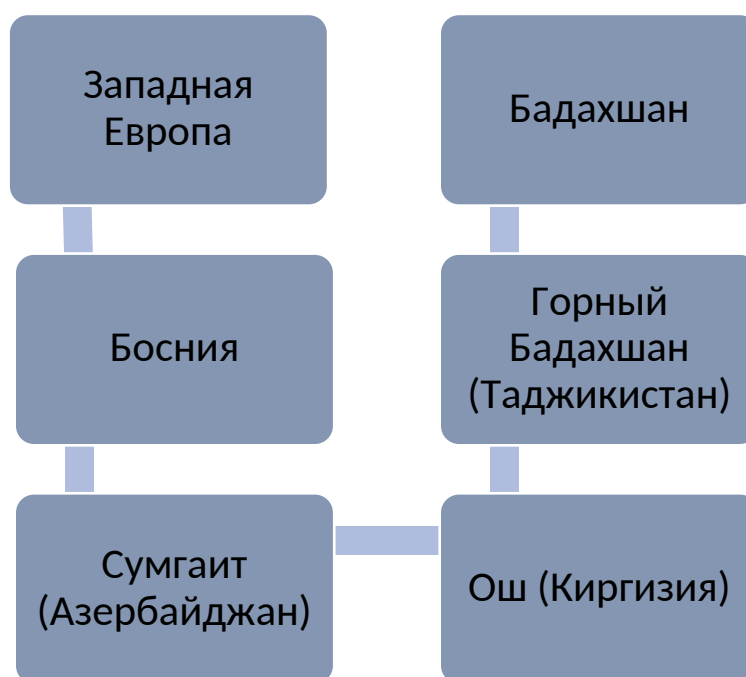
д) на узбекском

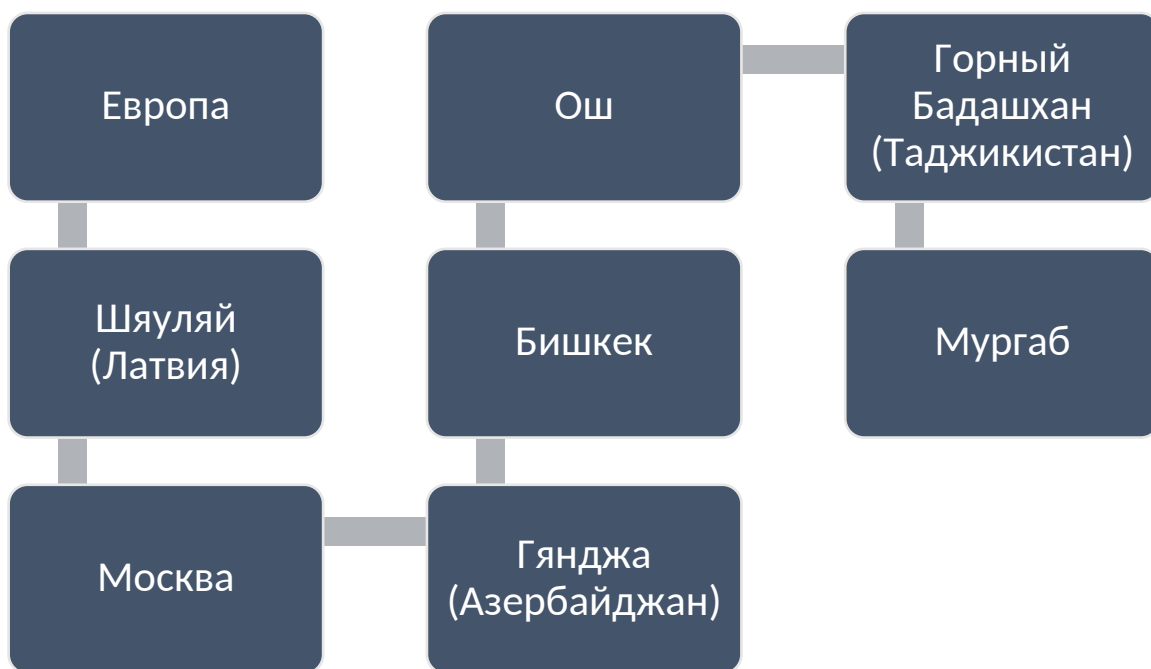
136. Kadirov, A. (2020). O'zbek tilining mintaqaviy roli va Afg'onistonga ta'siri. *International Journal of Central Asian Studies*, 8(2), 78-92.
137. Karimova, N. (2018). O'zbek tilining mintaqaviy integratsiyadagi roli. *Journal of Central Asian Languages*, 7(1), 22-35.

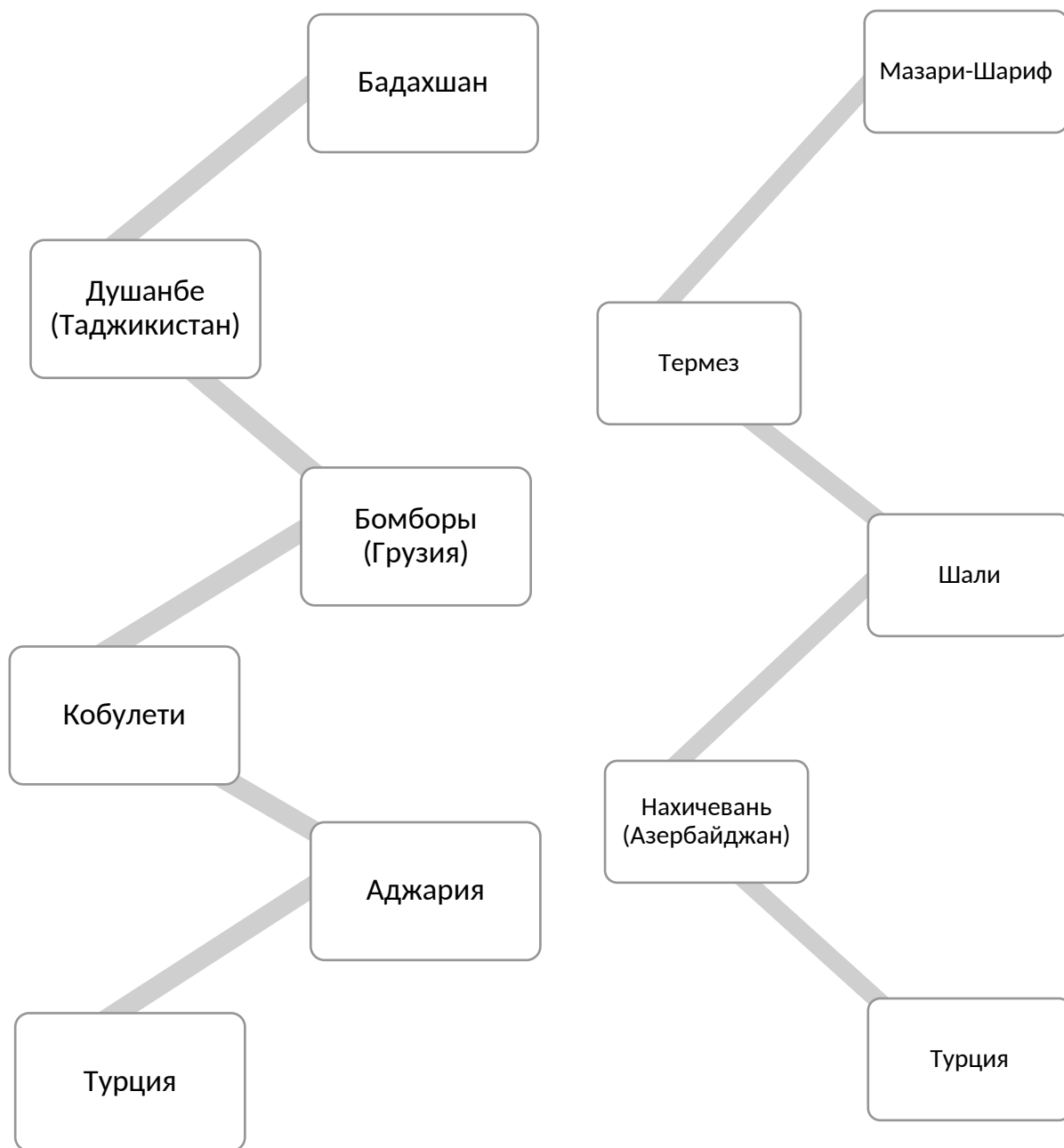
138. Mamatqulova, N. (2019). O'zbekiston va Afg'onistonga yordamda til va madaniyatning o'rni. *Central Asian Studies Journal*, 15(3), 45-60.
139. Tursunov, D. (2021). O'zbekistonning Afg'onistonga yordamida til va madaniyatning o'rni. *Uzbekistan International Relations Review*, 12(4), 33-47.
140. Yusupov, I. (2017). O'zbekiston va Afg'oniston o'rtasidagi madaniy va til aloqalari. *International Journal of Uzbek Studies*, 9(2), 50-65.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Приложение 2.

